

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михаиломъ Катеновскимъ.

ЧАСТЬ LX.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1811.

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи, до выпуска въ продажу, предспавлены были въ Ценсурный Комишетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишета, другой для Депаршаменша Минисперсшва просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіюшеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Ноября 3 дня, 1811 года. По назначенію Цензурнаго Комишета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читашь *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 21. Н О Я Б Р Ъ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Изъ Гиббоновой Истории объ уладкѣ
и разрушеніи Римской Имперіи
Глава XL.*

Возвышеніе Юстина старшаго. — Царство Юстиніаново: — I. Императрица Теодора. — II. Крамолы Цирка и возмущенія въ Константинополѣ. — III. Торговъ шелкомъ и разныя изъ него издѣлія. — IV. Финансы и налоги. — V. Юстиніановы зданія. — Церковь Св. Софіи. — Крѣпости и границы Восточной Имперіи. — Уничтоженіе Аѳинскихъ училищъ и Римскаго Консульства.

Императоръ Юстиніанъ родился (432 г. отъ Р. Х.) близъ развалинъ Сардики (нынѣшней Софіи) отъ незначной чепы варварской (*), обитавшей въ странѣ дикой и

(*) Имена сихъ Дарданскихъ поселянъ суть Гошическія и даже Англійскія: *Юстиніанъ*
№ 21. А 2

опустошенной, которая называлась сперва Дарданією, потомъ Дакією, наконецъ Булгарією. Его возвышеніе приговорено было отважнымъ характеромъ дяди его Юспина, который съ другими двумя крестьянами той же деревни для военной службы оснавилъ полезнѣйшее упражненіе земледѣльческое или паспущеское. Трое юношей вмѣстѣ, имѣя при себѣ скудной запасъ сухарей, отправились пѣшкомъ по большой дорогѣ прямо въ Константинополь, записались въ военную службу и за хорошей ростѣ и крѣпкое сложеніе тѣла приняты въ тѣлохранищели Льва Императора. Въ послѣдовавшія два царствованія счастливый крестьянинъ обогатился и достигъ до степени высокихъ достоинствъ. Онъ избавился отъ нѣкопородой опасности лишиться жизни, и сей случай послѣ приписанъ заступленію ангела-хранищеля, бдящаго надъ судьбою государей. Долговременная и похвальная служба Юспина въ Исаврійскую и Персидскую войну несохранила бы имени его отъ

есть переводъ слова *Цуправа* (Upright); отецъ его *Сабациусъ* (отъ Греко-варварскаго нарѣчія, на которомъ слово сіе значить *стволя. пень*), живши въ деревнѣ, назывался *Истокъ* (Stock); мать его *Билленца* переименована въ *Вилланцію*. Гиб. — *Цуправа* и *Билленца* опизываются Славянскими звуками; Славяне жили и въ Дакіи. К.

забвенія ; однакожъ подвиги его по крайней мѣрѣ споспѣшествовали ему въ достиженіи высокихъ почестей военныхъ, до которыхъ онъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ восходилъ поспешенно ; онъ былъ прибуномъ, комишомъ и генераломъ, попомъ сенапоромъ и начальникомъ гвардіи, которая находилась въ его повелѣніяхъ въ достопамятное время кончины Императора Анастасія. Сильные родственники послѣдняго Монарха, возвышенные имъ и обогащенные, были опдалены отъ наслѣдованія. Евнухъ Аманцій, управлявшій всѣмъ въ царскихъ чертогахъ, тайно вознамѣрился возложить дядиму на главу покорнѣйшаго изъ своихъ полонниковъ. Дабы имѣть на своей сторонѣ гвардію, онъ рѣшился предложить ей щедрые подарки, которые для того и ввѣрилъ начальнику оной. Но Юстинъ сіи убедительныя доказательствва коварнымъ образомъ употребилъ къ своей собственной пользѣ ; и какъ не являлся никакой соемѣспникъ, то Дакскій крестьянинъ возложилъ порфиру на самого себя по единодушному желанію воиновъ, которые знали объ его храбрости и добромъ нравѣ, духовенствѣ и народа, которые не сомнѣвались въ его православіи, и провинціальныхъ жителей, которые слѣпо во всемъ повиновались волѣ столицы. Такимъ образомъ Юстинъ, названный спаршимъ для отличія отъ другаго

Императора того же имени и той же фамилии, восшелъ на престолъ Византійской, имѣя шестидесять восемь лѣтъ отъ роду; и еслибъ онъ дѣйствовалъ по движеніямъ собственнаго своего разума, то въ девятилѣтнее правленіе подданные его ежеминутно имѣли бы справедливую причину раскаиваться въ своемъ выборѣ. Его невѣжество подобно было Θεодорикову. Дстойно примѣчая, что въ такое время когда ученость не совсемъ угасла, два современные Государя неимѣли даже начальныхъ познаній азбуки! Впрочемъ Юстинъ способностями разума не могъ равняться съ Королемъ Готскимъ; опытность въ дѣлахъ военныхъ не надѣлила его искусствомъ править Имперією. Будучи мужественнымъ по природѣ, онъ однакожъ чувствовалъ слабость свою, и поному сомнѣвался, не доверялъ себѣ, не могъ дѣйствовать съ надежностію и безъ опасенія. Государственные дѣла возложены были на Квестора Прокла, который отправлялъ ихъ прилжно и вѣрно. Старый Императоръ усыновилъ племянника своего Юстиніана, честнаго, любиваго, пылкаго и одареннаго отличными способностями юношу, котораго призвалъ онъ изъ сельскаго жилища Даніи, и воспитывалъ въ Констанціинополѣ сперва какъ наследника своего имѣнія, а потомъ какъ наследника всей Восточной Имперіи.

Послѣ коварнаго употребленія денегъ евнуха Аманція надлежало лишить его и жизни. Сіе непрудно было исполнить посредствомъ обвиненія въ истинномъ или мнимомъ заговорѣ, и судьямъ объявлено было, къ довершенію погибели евнуха, что онъ тайно держался ереси Манихеевой. Аманцій лишился головы; при поварища его, первые доместики двора царскаго, равномерно наказаны смертію или зашоченіемъ, а несчастной ихъ кандидатъ багряницы брошенъ въ глубокую яму, раздавленъ каменьями и съ безчестіемъ поверженъ въ море. Погибель Вишалаана совершена съ большимъ прудомъ и съ большею опасностію. Сей начальникъ Гоювъ приобрѣлъ себѣ любовь народную, дерзновенно вооружившись противъ Анастасія (*) для защищенія вѣры православной; по заключеніи выгоднаго договора онъ находился близъ Консиданцинополя, предводительствуя многочисленнымъ воинствомъ варваровъ. Полагаясь на слабую защиту присяги, онъ рѣшился оставить выгодное мѣсто своего пребыванія и ввѣрить себя стѣнамъ города, коего жители, а особливо *синья* партія (**), раздражены были противъ него воспоминані-

(*) Императоръ Анастасій, предвѣстникъ Юстина, былъ преданъ Евсихіевой ереси. К.

(**) *Синья* партія Цирка благопріяшествовала той же ереси. К.

ами о неприязненныхъ его дѣйствіяхъ. Императоръ и Юстиніанъ приняли его какъ вѣрнаго и досшойнаго воина церкви и государства, и милоспиво облекли сего любимца въ санъ Консула и Генерала. Однакожъ въ седмой мѣсяцъ своего консульства Вишаліанъ лишился жизни отъ семнадцати ранъ, нанесенныхъ ему на царскомъ пиршествѣ. Юстиніану доспались въ наслѣдство пожизнки Консула, и его-шо обвиняющъ въ убійствѣ крестнаго брата, кошорому ялялся шаинствами вѣры въ ненаруцимомъ доброхопствѣ. По низверженіи сего соперника, Юстиніанъ, не имѣющій никакихъ дарованій для военной службы, возведенъ на степень главнаго начальника восточныхъ ополченій и по званію своему долженъ былъ предводительствовать ими на полѣ прошиву враговъ опечесства. Но погнавшись за славою, Юстиніанъ упустилъ бы власпъ свою надъ спаростію и слабостію дяди; и для того, незабопясь ни о профяхъ Свиѣскихъ и Персидскихъ, ни о похвалахъ согражданъ, хипрый военачальникъ искалъ благосклонности себѣ у духовенства, въ циркѣ и въ сенатѣ. Каеолики любили Юстинова племянника, кошпорой, среди ересей Неспоріевой и Евпихіевой, шелъ спезею православнаго ученія. Въ первые дни новаго царствования онъ возбудилъ и пишалъ въ народъ сильное него-

дованіе прошивъ памяти умершаго Импера-
тора. Послѣ шридцати чепырехлѣтняго раз-
дѣленія онѣ успокоилѣ гордый и раздражен-
ный духъ Римскаго первосвященника, и
распустилѣ между Латиными благоприят-
ную молву о набожномъ своемъ почтеніи
въ Римскому пресполю. Мѣста архіерей-
скія на воспокѣ оиданы православнымъ
Епископамъ, уважавшимъ его выгоды; духо-
венство и монашество осыпаны его щедро-
тами, и народъ по ихъ внушенію уже мо-
лился за будущаго своего Государя, какъ
за надежду и подпору истинной вѣры. Юс-
тиніанова пышность сѣ чрезвычайною рас-
почипельностію оказывалась на публич-
ныхъ зрѣлищахъ; а она въ умѣ простаго
народа дѣйствуешѣ иногда не менѣе правилъ,
поспановленныхъ на соборѣ Никейскомъ или
Халкидонскомъ. Издержки упошребленные
при шоржествованіи консульства его про-
сширались до двухъ сотѣ осмидесяти осми
тысячъ золошыхъ; вдругѣ двадцать львовѣ и
шридцать леопардовѣ выведены были въ ам-
фицеатрѣ на позорище; множество укра-
шенныхъ богатымъ приборомъ коней на-
значено было для раздачи въ награду побѣдо-
носнымъ правителамъ колесницѣ на риста-
лицѣ цирка. Угождая народу Констанши-
нопольскому и получая граматы отъ ино-
спранныхъ государей, племянникъ Юспи-
новѣ шщательно уважалъ и дружбу сенаша.

Сіе почтенное названіе членамъ его давало право быть исполкователями воли народной и участвовать въ назначеніи наследника Императорскаго престола; слабый Анастасій допустилъ правиламъ аристокраціи вѣдриться въ составъ мощнаго правительства; военные чиновники, получившіе сенаторское достоинство, сопровождаемы были своею собственною стражею, состоящею изъ ветерановъ, которые оружіемъ своимъ и восклицаніями въ рѣшительную минуту иногда опредѣляли судьбу Восточной Имперіи. Государственная казна распочаема была для полученія голосовъ сенаторскихъ, и единодушное ихъ желаніе, чтобы Юстиніанъ признанъ былъ соправителемъ, наконецъ доведено до свѣдѣнія Императора. Но пребываніе ихъ, напоминавшее Юстину о близкой кончинѣ его, показалось неприятнымъ подозрительному и спарому Монарху, еще желавшему удержатъ власть бесполезную для подданныхъ; и Юстинъ, ухватившись обѣими руками за свою багряницу, совѣтовалъ имъ по крайней мѣрѣ назначить спаршаго кандидата, ежели непременно должно приступить къ выбору. Не смотря на сей упрекъ, сенатъ упорно стоялъ въ своемъ намѣреніи и провозгласилъ Юстиніана *благороднѣйшимъ* (nobilissimus); его опредѣленіе было подтверждено любовію или опасеніемъ дяди.

Скоро попомъ душевныя и тѣлесныя силы Императора совершенно ослабѣли отъ появившейся неизлѣчимой на спегнѣ раны, и онъ уже немогъ обойтись безъ помощи соправителя. Юстинъ извѣстилъ о томъ Папиріарха и сенаторовъ и въ ихъ присушствіи возложилъ діадиму на своего племянника, который тогда же изъ царскихъ чертоговъ торжественно опведенъ въ цркъ и поздравленъ отъ народа громкими, радостными рукоплесканіями. Жизнь Императора Юстина еще длилась четыре мѣсяца; однакожь послѣ сего обряда его почитали уже умершимъ для Имперіи, и Юстиніанъ признанъ обладателемъ востока на сорокъ пятомъ году своего возраста.

Со времени восшествія на престолъ (св 527 г.) до своей кончины Юстиніанъ управлялъ Римскою Имперіею тридцать семь лѣтъ, семь мѣсяцовъ и шнадцать дней. Случившіяся въ его царствованіе происшествія, возбуждающія въ насъ движеніе любопытства своимъ множествомъ, разнообразіемъ и важностію, тщательо описаны Велизаріевымъ секретаремъ, искуснымъ риторомъ, который за краснорѣчіе возведенъ на степень сенатора и префекта Конспаншинопольскаго. Сообразно обстоятельству, въ которыхъ находился Прокопій, и смотря по состоянію своего духа, въ бодрости или въ работѣнномъ расположеніи

пользуясь милостію, или будучи подѣ гнѣвомѣ, онѣ сочинилѣ исторію своего времени, похвалу ему и салиру. Восемь книгѣ о войнѣ Персидской, Вандальской и Гоеской, коихѣ продолженіе находилса въ пяти книгахѣ Агаѣевыхѣ, заслуживающѣ уваженіе наше многошруднымѣ и удачнымѣ подражаніемѣ Аппическому, или по крайней мѣрѣ Азійскому слогу писателей древней Греціи. Его свѣдѣнія о происшествіяхѣ собраны собственною опытностію и свободнымѣ наблюденіемѣ война, полиника и пупешесвенника; слогѣ его непрерывно спремилса въ силѣ и изяществу, и нерѣдко достигаетѣ сихѣ превосходныхѣ качествѣ; въ сужденіяхѣ его, а особливо въ рѣчахѣ, копорыя онѣ помѣщаетѣ весьма часто, видѣнѣ обильный запасѣ познаній; какѣ историкѣ, одушевленный благороднымѣ желаніемѣ забавлять и научать попомство, онѣ по видимому презираетѣ народные предразсудки и придворное ласкапельство. Проконіевы сочиненія были читаемы и одобряемы современниками; но когда онѣ почпипельно повергѣ ихѣ у подножія престолоа, Юспиніанова гордость долженствовала оскорбильса похвалами герою, беспрептанно помрачающему славу недѣятельнаго своего повелителя. Благородное достоинство независимости побѣждено было надеждою и спрахомѣ невольника, и секретарѣ Велиза-

рѣвъ постарался заслужить прощеніе и награду, написавъ шесть книгъ объ Императорскихъ *зданіяхъ*. Онъ искусно выбралъ предметомъ своимъ благовидную пышность для прославленія ума, великолѣпія и набожности такого Государя, которой, по словамъ его, побѣдами и законодательствомъ далеко превзошелъ ребяческія доблестиThemistocles и Кира. Можетъ быть худая удача заставила льстеца прибѣгнуть къ тайному мщенію, а попомъ возсіявшей лучъ благоволенія опять былъ поводомъ къ сокрытію сапирь (*), въ которой Римскому Кире приписывается ненавистное и презрительное имя ширана, и въ которой Императоръ и супруга его Теодора предсшавлены въ видѣ двухъ демоновъ, воплотившихся на пагубу рода человеческого. Столь постыдное непостоянство конечно вредитъ славу Прокопія и уменьшаетъ къ нему довѣренность; однакожь, давши время разошлись парамъ злословія, въ оспающихся анекдотахъ и даже въ самыхъ постыдныхъ событіяхъ, о которыхъ сочинитель оспорожно напоминаетъ и въ публичной своей исторіи, каждой увидитъ несомни-

(*) Прокопій открываетъ себя въ *Предисловіи къ Анекдотамъ*, о которыхъ упоминается у Суиды въ IX книгѣ. *Тайная исторія* Прокопіева найдена въ Ватиканской библиотекѣ и напечатана 1623 года въ Лейденѣ.

тельную достоверность и памятникъ того времени. Изъ сихъ различныхъ матеріаловъ я намѣренъ теперь составить описаніе царства Юстиніана, которое займетъ немалое пространство. Въ сей Главѣ предложено будетъ о возвышеніи и о душевныхъ свойствахъ Теодоры, о паршіяхъ цирка и о гражданскомъ управленіи восточнаго Императора; въ слѣдующихъ трехъ Главахъ повѣствовать буду о войнахъ Юстиніана, въ продолженіе которыхъ покорены Африка и Испалія; предложу о побѣдахъ Велизарія и Нарсеса, нескрывая ни хвастовства ихъ пріумфовъ, ни сопровивныхъ доблестей Персидскаго и Готскаго героевъ. Въ сей книгѣ вмѣстится законодательство и богословія Императора, првіія и секты раздѣляющія восточную церковь, преобразование Римскихъ законовъ, которыми и нынѣшніе народы Европы или повинуются; или удивляются.

I. Первымъ дѣйствіемъ верховной власти Юстиніана было раздѣленіе оной между имъ и любимую женщиною, славною Теодорою, коея однакожъ необычайное возвышеніе не можетъ быть прославляемо, какъ торжество женской добродѣтели. Въ царство Анастасіево, присмотрѣвъ за дикими звѣрями, принадлежавшимъ *зеленой* паршіи, порученъ былъ иъкому уроженцу съ остро-

за Кипра по имени Акацію, котораго поштому называли начальникомъ медвѣдей. Послѣ его смерти сѣя почтенная должность предоставлена была другому кандидату, не смотря на усиленное стараніе вдовы, которая уже нашла было преемника умершему Акацію во всѣхъ должностяхъ его. Акацій оставилъ по себѣ трехъ дочерей Комиту, *Теодору* и Анастасію, изъ коихъ старшей тогда не исполнилось семи лѣтъ отъ роду. Во время одного торжественнаго праздника оскорбленная и бѣдная вдова послала сиротъ своихъ въ театръ, одѣвши ихъ въ рубище просительницъ; зеленая партія приняла ихъ съ презрѣніемъ, а синяя съ жалостію; случай сей глубоко напечатлѣлся въ умѣ *Теодоры*, и послѣ имѣлъ сильное вліяніе въ дѣла Имперіи. Три сестры, приходя въ возрастъ и украшаясь прелестями своего пола, одна за другою опредѣляли себя на общественное и частное удовольствіе Византійскаго народа. *Теодора*, ходившая въ театръ за *Комитой* въ одеждѣ невольницы со скамейкою на головѣ, въ свою очередь получила дозволеніе увеселять народъ своими шалангами. Она не плясала, не пѣла, не играла на флейтѣ; но искусство ея состояло въ игрѣ пантомимической, а особливо въ представленіи шутовскихъ лицъ; каждой разъ когда надувала она свои щеки, смѣшнымъ голосомъ и

пѣлодвиженіями жалуюсь на боль отъ нанесенныхъ ударовъ, по всему театру Константинопольскому раздавались хохотъ и рукоплесканія. Красота Теодоры служила поводомъ въ другимъ похвалямъ гораздо пріятнѣйшимъ, и доставляла взорамъ сладчайшее удовольствіе. Черты лица ея были правильныя и нѣжныя; цвѣтъ хотя нѣсколько блѣдный, однакожъ здоровой и натуральной; глаза ея умѣли съ живописію и мгновенно выражать каждое чувство сердца; въ ловкихъ пѣлодвиженіяхъ ея оказывались всѣ прелести не рослой, однакожъ очень стройной фигуры; любовь или ласкательство сказали бы, что Живопись и Поезія неспособны изобразить совершенную красоту ея пѣла. Но сія красота помрачалась отъ всегдшняго появленія на позорищѣ, и безчестилась удовольствіемъ похощливыхъ вождельнѣй. Продажныя прелести ея покупаемы были гражданами и чужестранцами всякаго званія и промысла; счастливецъ, получившій желаемое обѣщаніе, иногда выгоняемъ былъ какимъ нибудь новымъ, сильнѣйшимъ или богачѣйшимъ, любимцемъ. На улицахъ Константинопольскихъ всякой удалялся отъ ея присутствія, кто только желалъ избѣжать искушенія или соблазна. Сапирическій историкъ не успѣдилъ описать самыя неблагопріятныя сцены, въ коихъ Теодора несше-

дилась забавлять зритель нагопою своего
 тѣла. Испощивши все искусство чувствен-
 ныхъ удовольствій, она неблагодарно ро-
 пала на скупость плура; но ропошь ея,
 забавы и искусство должны оставашься подѣ
 покровомѣ ученаго языка. По прошествіи нѣ-
 копорого времени, въ которое служила Тео-
 дора предметомѣ ушѣхъ и презрѣнїя для
 всей столицы, она вознамѣрилась соупуштво-
 вать Ецеболу, Тирскому уроженцу, назна-
 ченному правителемѣ Африканскаго Пенпа-
 поля. Союзѣ сей былѣ весьма непроченѣ:
 Ецеболѣ скоро оставилѣ распочительную
 и невѣрную свою наложницу, и она живучи
 въ Александрїи, шерѣла крайнюю бѣдность.
 Возвращаясь въ Константинополь сїя пре-
 красная Кипрянка въ каждомѣ городѣ во-
 спока удивляла и веселила жителей, и по-
 веденїемѣ оправдывала случай рожденїя сво-
 его на островѣ, посвященномѣ Венерѣ.
 Различныя связи Теодоры и мерзосныя
 предоспорожности предохраняли ее отѣ опа-
 сности, копорой она спрашилась; не смо-
 три на то однажды, и только однажды, до
 супружества она родила младенца. Дитя сїе
 было сбережено и воспитано въ Аравїи оп-
 цемѣ своимѣ, копорой на смертномѣ одрѣ
 обвинилѣ сыну, что мать его — Императри-
 ца. Исполненный честолубїя и надежды
 проследушный юноша посѣшилѣ явиться
 въ царскихѣ чертогахѣ Константинополя и

былъ допущенъ предъ лице своей матери. Но его болѣе уже нигдѣ не видали даже и по смерти Θεодоры, и потому ее не безвсправедливой причины подозрѣвающъ въ употребленіи вмѣстѣ съ жизнію сына, шайны столь оскорбительной для царскаго ея цѣломудрія.

Когда уже Θεодора находилась въ самомъ невыгоднѣйшемъ состояніи, неимѣя ни денегъ, ни добраго имени, какое-то привидѣніе во снѣ или наяву увѣрило ее, что она предназначена быть супругою сильнаго Монарха. Ни мало несомнѣваясь въ будущемъ своемъ величїи, она возвратилась изъ Пафлагонїи въ Конштантинополь; какъ искусная актриса взялась играть благоприспѣшныя лица; помогала бѣдности своей полезнымъ руководствіемъ и прѣла левъ; вела жизнь цѣломудренную и уединенную, обитая въ малой хижинѣ, которую послѣ превратила въ храмъ великолѣпный. Красота ея, случайно или можетъ быть по дѣйствию хитрости, плѣнила сердце Патриція Юстиніана, когда уже онъ самодержавно царствовалъ подъ именемъ своего дяди. Можетъ быть она выдумала средство возвысить достоинство красоты своей, которую столь часто для послѣднихъ людей распочала; можетъ быть сперва крошечными опказами, а потомъ приманками чувственныхъ удовольствій умбла она воспламенилъ желанїя любовника,

которой по природной склонности или по набожности наблюдала правила строгого воздержанія. И тогда какъ первые воспорги уже упили; она удержала власць надъ душою Юстиніана правомъ своимъ и разумомъ: Юстиніану пришло было возвысити и обогатити свою любезную: сокровища востока лежали у ногъ ея; и племянникъ Юстиновъ рѣшился; можетъ быть по движенію набожнаго чувства, облечь свою наложницу въ священный санъ законной супруги. Но въ уставахъ Римскихъ именно запрещено было сенатору вступати въ брачный союзъ съ женщиною рабскаго происхожденія, или обезславившею себя появленіемъ на позорищѣ; Императрица Луциана или Евфимія; варварка грубыхъ нравовъ но строгой добродѣтели, рѣшительно опрелась явную прелестницу назвать своею племянницею; и самая даже Вигиланція, легковѣрная мать Юстиніанова, впрочемъ отдавалъ справедливость краснѣ и уму Теодоры; весьма опасалась, чибовы въпренность и щеславіе сей хитрой любовницы неповредили набожности и счастию ея сына. Но сіи препяшсхва уничтожены непобдимымъ обстоятельствомъ Юстиніана. Онъ перилливо дождался кончины Императрицы; и неуважилъ слезъ матери своей, которая перенесла сей горѣсти. Опъ имени Юстинана обнародованъ законъ, уничтожающій

строгость древнихъ постановленій. По достохвальному соспранданію въ несчастнымъ женщинамъ, такъ сказано въ законѣ, обезславившимъ себя появленіемъ на позорищахъ, дозволяется имъ вступать въ законный союзъ брака со знаменитѣйшими Римлянами. И скоро за симъ дозволеніемъ совершено торжество брачнаго союза Юстиніана съ Теодорою; вмѣстѣ съ супругомъ своимъ она восходила въ высочайшей степени достоинствъ, и когда Юстинъ облекъ племянника своего въ порфиру, то Патриархъ Константинопольскій въ одно и то же время возложилъ діадиму на Императора и на Императрицу. Но обыкновенныя почести, строгостію Римскихъ законеній предоставляемые супругамъ государей, показались недостаточноными для честолюбія Теодоры и для страстной любви Юстиніана. Онъ посадилъ ее на престолъ какъ равную себѣ и независимую самодержицу, и правители областей должны были присягать въ вѣрности равноѣрно какъ Юстиніану такъ и Теодорѣ. Вся Восточная Имперія благоговѣла передъ умомъ и счастіемъ Анаціевой дщери. Прелестницѣ, опозорившей себя передъ безчисленнымъ сонмомъ зрителей Константинопольскаго театра, въ томъ же самомъ городѣ поклонялись, какъ царицѣ, сановитые начальники судилищъ, православные еписко-

ны, побѣдоносные полководцы и павнныя монархи.

Люди увѣренные въ томъ, что разумъ и сердце женщины развращаются лишеніемъ цѣломудрїя, охотно внемлютъ всѣмъ нарѣканїямъ частной злобы или общественнаго негодованїя, кои умышленно ушаеваютъ добродѣтели Теодоры, увеличиваютъ ея пороки и строго осуждаютъ соблазнительныя поступки молодой прелеспницы. По чувству стыда или презрѣнїя она часто уклонялась отъ рабскихъ поклоновъ толпы народной; скрывалась отъ ненавистнаго шуму столицы, и большую часть года проводила въ чершгахъ и садахъ на прекрасныхъ берегахъ Пропоншиды и Воссфора. Тамъ свободныя часы посвящены ею были приятнымъ заботамъ о красотѣ своей, роскоши стола и омовенїю, продолжительному сну вечернему и упренному. Внутреннїя комнаты ея наполнены были любимыми женщинами и евнухами, коихъ выгодамъ и спрашямъ угождала она вопреки справедливости, между тѣмъ какъ знающїе государственныя чиновники тѣснились въ мрачной и душной передней; и когда наконецъ, послѣ скучнаго ожиданїя, ихъ вводили для цѣлованїя ноги Теодориной, они должны были сносить или молчаливую гордосп Императрицы, или своеправное легкомыслїе ко-

медлѣнши, смотря по расположенію ея духа. Ея ненасытная страсть собирать безчисленные сокровища извиняется опасеніемъ кончины супруга, послѣ которой для нее неосталось бы средины между погубелью и пресполомѣ. Страхъ и честолюбіе подвигнули Теодору на гибель яроливъ двухъ генераловъ, кои однажды во время болѣзни Императора безразсудно объявили, что они отнюдь ненамбрены одобрять выбора столицы. Упрекъ въ жестокости, столь несоамѣстной съ другими пороками Теодоры, оставляющъ неизгладимое пятно для ея памяти. Многочисленные лазутчики ея замѣчали все и доносили ей о каждомъ поступкѣ, о каждомъ словѣ и взглядѣ оскорбительныхъ для ихъ повелительницы. Обвиненныхъ ими бросали въ особенныя пещеры, неприспущныя для дѣйствіи законнаго правосудія; носилась даже молва, что несчастные были мучимы въ присутствіи самой Теодоры, нечувствительной къ воплямъ жалобъ ни къ состраданію. Нѣкоторые жертвы погибли въ сихъ глубинахъ и мрачныхъ пещерахъ; другіе же, получившіе свободу, но потерявшіе здоровье, разумъ и богатство, возвращались въ свѣтъ для того только чтобы быть живыми памятниками ея мщенія, которое обыкновенно простиралось даже и на дѣтей, неимѣвшихъ никакого участія въ справедливой

или подозрѣваемой винѣ ихъ родителей. Сенаторъ или епископъ, о смерти коего или сыскѣ Теодора произнесла свой приговоръ, былъ отдаваемъ на руки одному изъ вѣрныхъ ея служителей, которому сама она подтверждала о точномъ исполненіи приказа слѣдующими словами: „если не исполнишь моего велѣнія, то клянусь Вѣчнымъ Богомъ, что велю содрать съ тебя кожу!“

Если бы мнѣнія Теодоры и не были заражены ересью, то примѣрная набожность ея извиняла бы въ мысляхъ современниковъ ея гордость, сребролюбіе и жестокость. Но какъ она вліяніемъ своимъ старалась умягчать суровость Императора въ припадкахъ неперѣливаго его нрава, то насмѣющія племена отдають справедливость ея набожности и неспоро осуждають ея умозрительныя заблужденія. Теодора имѣла равное участіе во всѣхъ богоугодныхъ и человеколюбивыхъ заведеніяхъ Юстиніановыхъ, изъ которыхъ одно, полезнѣйшее въ его царствованіе, воспріяло начало свое отъ состраданія Императрицы къ несчастнымъ женщинамъ, примѣромъ соблазна или силою нужды вовлеченнымъ въ распущство. Дворецъ на Азійскомъ берегу Востфора превращенъ въ монастырь великолѣпный и огромный, и назначена великая сумма на содержаніе пяти сотъ женщинъ, собранныхъ

со всѣхъ улицъ и вольныхъ домовъ Константинопольскихъ. Въ семъ безопасномъ и святомъ убѣжищѣ онѣ должныствовали жить во всегдашнемъ заключеніи; нѣкоторыя изъ нихъ безразсудно повергались въ море; но опчаянная ихъ рѣшимельность истреблялась въ памяти признательныхъ отшельницъ, испорченныхъ изъ пропасти порока и нищеты рукою великодушной ихъ благопоришельницы. Самъ Юстиніанъ превозносилъ разумъ Θεодоры, называя законы свои плодомъ мудрыхъ совѣтовъ почтеннѣйшей своей супруги, низпосланной ему въ даръ отъ Бога. Мужество ея оказалось при народномъ возмущеніи и при ужасѣ, распространившемся въ царскихъ чертогахъ. Ея супружеское цѣломудріе доказываея молчаніемъ непримиримыхъ враговъ ея. Положимъ, что дочь Анаѣева пресынилась сладострасіемъ; однакожъ ей принадлежишь нѣкоторая похвала за швердосъ души, опрекшейся отъ привычки удовольствіи и посвятившей себя правиламъ долга, или можешь быть расчепамъ своихъ выгодъ. Желанія и мольбы Императрицы о рожденіи законнаго сына остались нищепными; она произвела на свѣтъ одну только дочь отъ брачнаго ложа. Не смотря на сію неудачу господство ея было поспоянное и неограниченное; хипросію или истиннымъ достоинствомъ

она удержала при себѣ любовь Юстиніана, и маловажныя размолвки между ими обыкновенно были пагубными для шѣхъ придворныхъ, которые почитали оныя значущими. Могло спастись, что ея здоровье разстроилось отъ невоздержности молодыхъ лѣтъ; оно было уже весьма слабо, и врачи посоветовали ей пользоваться Пиеійскими теплыми водами. Въ путешествіи сопровождали ее Преторіанскій Префектъ, главный хранитель сокровищъ, многіе комиты и палприціи и свита, изъ четырехъ тысячъ человекъ состоящая: на всемъ пути исправлены дороги; огромный дворецъ сооруженъ для ея пребыванія. Провзжая черезъ Виѣнію Теодора надвляла щедрою милоспынею монастыри, церкви и богадѣльни, дабы они молились объ ея здравіи. На двадцать четвертомъ году своего супружества и на двадцать второмъ своего царствованія (въ 548 г.) Теодора скончалась отъ рака, и невозвратная потеря сія была оплакиваема ея супругомъ, которой вмѣсто позорищной прелестницы могъ бы избрать себѣ цѣломудреннѣйшую и знавшійшую дѣвицу въ Имперіи Воспочнои.

II. Великое различіе примѣчается между играми древнихъ: знаменитѣйшіе изъ Грековъ были дѣйствующими лицами на оныхъ, а Римляне только зрителями. По-

прище Олимпійское открыто было для богатыхъ; для знашныхъ, для честолюбивыхъ. Исканпель славы, надбующійся на ловкость свою и на искусство, дерзалъ поспезѣ Діомида и Менелая и самъ управлялъ коньми своими на поприщѣ. Десять, двадцать, сорокъ колесницъ всѣ вмѣстѣ успремлялись къ одной цѣли. Побѣдипель получалъ вѣнокъ лавровый, и слава имени его, семейства его и опечеснва переходила изъ рода въ родъ въ пѣсняхъ лирическихъ, сихъ вѣковыхъ памяшникахъ, вопорые шверже мѣди и мрамора. Но въ Римѣ Сенапорѣ, и даже проспой гражданнѣ, чувствующій свое достоинство, спыдился выставлпть себя или коней своихъ на позорнщѣ цирка. Игры предспавляемы были издержками республики, государственныхъ чиновниковъ, Императоровъ; но браздами управляли невольническія руки; и ежели случалось, что доходы любимаго возницы иногда превышали доходы адвоката, то на подобные примѣры взирали неиначе какъ на слѣдствія народнаго легкомыслія, и большую плату почипали необходимою наградою за ремесло позорное. Конскія рыстанія получали свое начало отъ простаго спора между двумя возницами, одѣшыми въ *бѣлое* и въ *красное* платья; послѣ прибавлены еще два цвѣта свѣшло-зеленый и голубый, и какъ рыстанія повпоряемы были до двад-

цашипяши развѣ, по по спу колесницѣ
 вѣ одинѣ день являлось на великолѣпномѣ
 позорищѣ цирка. Четыре *партіи* признаны
 законнымѣ учрежденіемѣ; имѣ приписано
 наинспвенное начало; случайно приняшы
 цвѣты были производимы ошѣ явленій изпу-
 ры или ошѣ временѣ года, и приписываемы
 красному сїянію Сирїуса лѣшомѣ, зимнему
 снѣгу, темношѣ осени и весенней зелени. Дру-
 гое истолкованіе ошѣ стихій предпочтено
 производспву цвѣшовѣ ошѣ временѣ года,
 и споры зеленой и синей партіи унодебле-
 ны враждованію земли и моря. Одержанныя
 побѣды предзнаменовали или обильную
 жашву, или благоприятное плаваніе, и
 взаимная вражда пахарей и мореходцовѣ
 была не столько безразсудна какѣ слѣпое
 бѣшенство Римлянѣ, извѣ коихѣ многіе иму-
 ществомѣ своимѣ и жизнью жертвовали при-
 няшому ими цвѣшу. Сумазбродспво сїе бы-
 ло презираемо и терпимо мудрыми Госуда-
 рями; но имена Калигулы, Нерона, Випел-
 лїя, Веруса, Коммода, Каракаллы и Ела-
 табала находились вѣ спискахѣ синей или зе-
 леной партіи цирка. Императоры сїи при-
 лѣжно посѣщали спойла, ободряли своихѣ
 любимцовѣ, ушѣсняли ихѣ прошивниковѣ,
 и старались заслужить любовь черни ис-
 креннимѣ или притворнымѣ подражаніемѣ
 ея обычаямѣ. Шумные и кровопролитные
 споры нарушали веселость забавѣ народныхѣ

дополѣ пока продолжались зрѣлища въ Римѣ; и Теодорикѣ, по чувству правоты или можетѣ бытъ по пристрастію, принялъ подѣ свое покровительство зеленую партію, насильственно притѣсняемую консуломѣ и патриціемѣ, которые душевно преданы были партіи синей.

Константинополь перенималѣ сумазбродства, а не добродѣтели, древняго Рима, и тѣ же партіи, которыя неистово дѣйствовали въ циркѣ, сугубымѣ бѣшенствомѣ опличались на ипподромѣ. Въ царство Анастасіево, сіе народное сумазбродство еще болѣе воспыало опѣ изувѣрства, и зеленые, по злодѣйскому умыслу спрятавшіе ножи и камни въ корзинахѣ подѣ плодами, въ одинѣ торжественный праздникѣ умертвили три тысячи синихѣ своихѣ пропивниковѣ. Опѣ сполиты зараза сія распространилась въ провинціяхѣ и въ городахѣ Восточной Имперіи, и выдуманное для забавы различіе цвѣтовѣ произвело двѣ спрашныя и непримиримыя партіи, коперыя потрясли было слабое основаніе правительства. Народныя несогласія, опѣ важнѣйшихѣ причинѣ происходящія, едвали уподоблены бытъ могутѣ симѣ раздорамѣ, которые нарушали мирѣ въ семействахѣ, поселяли вражду между братьями и друзьями и побуждали женщинѣ, хотя впро-

чемъ рѣдко посѣщавшихъ зрѣлища цирка, принимавъ сторону и мнѣнїя любовниковъ и пропившись желанїямъ супруговъ. Всѣ законы, Божескіе и человѣческіе, попираемы были ногами, и доколѣ партїя оставалась побѣдоносною, до тѣхъ поръ очарованные мечною приверженцы ея оставались нечувствительными и къ частнымъ бѣдствїямъ и къ общимъ. Своевольство, однакожъ не демократическая свобода, возникло въ Анхіохи и въ Константинополь, и дошло наконецъ до того, что помощь партїи сдѣлалась необходимою каждому искапелю почешей, гражданскихъ или духовныхъ. Зеленые почиались шайными приверженцами фамиліи или секты Анаспасїевой; напрошивъ того синїе были усердно преданы Юстинїану, и благодарный покровитель ихъ въ продолженіе пяти лѣтъ защищалъ всѣ безпорядки партїи, отъ которой препешали и дворъ и сенатъ и столицы восточнаго. Ободренные пошворствомъ Імператора, синїе спарались казаться спрашными, и для того одѣвались въ особое варварское платье, носили долгїе волосы, узкіе рукава и широкїя полы по обычаю Гунновъ, выступали гордо и говорили громкимъ голосомъ. Днемъ пряпали они свои кинжалы; но въ ночную пору собирались толпами вооруженные, и гоповы были во всякому насильству и грабительству. Сїи ноч-

ные разбойники грабили, а иногда и убивали зеленыхъ прошивниковъ своихъ, или даже и мирныхъ гражданъ; и уже опасно было носитьъ богатые пояса и золотыя пуговицы и выходить на улицу въ позднее ночное время. Всевольство, ободряемое молчаніемъ правосудія, начало вшоргаться въ частныя дома, и злодѣи употребляли огонь или для удобнѣйшаго нападенія, или для сокрытія своихъ пресупленій. Не было мѣста священнаго для нихъ и безопаснаго отъ ихъ грабительства; дабы удовлетворишь своему сребролюбію или мщенію, они ручьями проливали кровь невинныхъ; храмы и жертвенники осквернились ихъ убійствами; разбойники сѣи похвалялись искусствомъ своимъ въ нанесеніи неминуемой смерти однимъ ударомъ кинжала. Развратная молодежь Константинопольская присоединилась къ синеѣ паршіи; законы молчали и яркость общественнаго состава ослабла; заимодавцы принуждаемы были отказываться отъ своихъ требованій, судьи уничтожая свои приговоры, господа увольняли своихъ рабовъ, опцы доставляли деньги на мотовство дѣтямъ своимъ, благородныя женщины удовлетворяли похотливымъ вожделѣніямъ служителей; дѣти испоргаемы были изъ родительскихъ, а жены, неупредившія несчастія своего произвольною смертію, изъ супружнихъ обьяшій. Ошчаяніе

зеленыхъ, жестоко притѣсняемыхъ своими неприязнелями и щещно искавшихъ правосудія, на послѣдокъ употребило право мщенія; но оставшіеся въ живыхъ послѣ битвы, повлечены на мѣсто казни, а несчастные бѣглецы, сокрывшіеся въ лѣсахъ и пещерахъ, безъ милосердія ограблены шѣмъ общеснвомъ, изъ котораго они изгнаны. Достойные служители правосудія, которые осмѣлились карать преступленіе и не уважили гнѣва синихъ, содѣлались жертвою своей ревности; Константинопольскій префектъ искалъ убѣжища себѣ при святомъ Гробѣ; одинъ комитъ воспочный прешерпѣлъ поносное наказаніе кнупомъ, а правитель Киливіи, по приказанію Теодоры, повѣшенъ надъ могилою двухъ злодѣевъ, осужденныхъ имъ на смерть за убійство своего слуги и за покушеніе на его собственную жизнь. Дѣло возможное, что искашель форшунны покушается созидать величіе свое на смятеніи народномъ; но польза и долгъ государя пребующъ, чшобы онъ хранилъ святость законовъ. Первой указъ Юстиніановъ, которой былъ часто повпоряемъ, а инегда и производимъ въ дѣйство, содержалъ въ себѣ швердую рѣшишельность Государя защищать невинныхъ и наказывать преступниковъ всякаго наименованія и *цѣлѣ* безъ разбору. Однакожъ вссы правосудія обыкновенно склонялись въ поль-

зу синей паршїи, по тайной приверженности, по привычкѣ и по опасенїямъ Императора; справедливоспъ его, послѣ нѣкопороу борбъ, всегда покорялась непреклонному памязлобїю Феодору, и Императрица всегда помнила обиды, нанесенныя комедїаншкѣ. По восшесствїи на пресполѣ младшаго Юспина, въ объявленїи о строгомъ правосудїи показано приспраспїе прежняго правительсва сими словами: Вы, синїе! Юспинїана уже болѣе нѣшъ на свѣшъ; вы, зеленые! онѣ живѣ еще!“

(Продолженїе въ слѣд. нум.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Младенчество.

О время милое покоя, наслажденїй!
О какъ младенчество шобой я счастливь былъ!
Безпечному среди швоихъ обвороженїй
Ни скукой, ни шоской рокъ злобный не грозилъ.

*

Тогда въ очахъ моихъ все прелесшью блисшало:
Для новыхъ радосшей и день просїявалъ,
И солнце къ западу шеченїе склоняло,
И мракъ шайншвенный природу облакалъ.

*

Весналь румяная живительнымъ дыханьемъ
Пробудитъ спящія въ уныніи поля,
Прерветъ плѣненье водъ, и соловья спенаньемъ
Воспорги призоветъ на берега ручья —

*

И я въ саду своемъ; поварицей игривыхъ
Зову свои пруды, веселости дѣлишь.
Веселость, вѣрный другъ сердце миролюбивыхъ!
О, съ нею насъ ничто не можетъ разлучить!

*

Она и заступъ намъ и острой серпъ вручаетъ,
Она учитель нашъ искусству умнымъ бытъ,
Она союзы, миръ межъ нами заключаетъ,
Чинами, славою какъ мощный Царь даритъ.

*

И строитъ зданія, и крѣпости, и грады;
Иль въ храбрыхъ воиновъ перережая насъ,
Гремитъ оружіемъ, являетъ страхъ осады,
Единоборства, бой, побѣды шумный часъ.

*

Когдажъ упомимся игрою и прудами,
Какъ солнце скроется за рощею густой,
Стыдливая луна проглянетъ надъ водами,
И пыль отъ шумныхъ стадъ поднимется горой;

*

Предъ взорами ея, довольные собою,
Спѣшимъ мы прыгая на поселянъ взирать,
Когда усалые безпечною шолпою
Идутъ въ объятіяхъ семейства отдыхать.

*

Ихъ пѣсни, радость ихъ, и сельской видъ природы,
И время нашихъ лѣтъ, и склонный умъ къ мечтамъ

Тогда казали намъ вѣкъ золотой свободы,
О коемъ сладка мысль чувствительнымъ серд-
цамъ!

Какъ часто, въ густошу дубравы удаленны,
Веселые друзья составивъ хороводъ,
Просплыми звуками цѣвницы восхищенны,
Играли, прыгали, не вѣдали заботъ.

Иль сладостнымъ себя пиная вспоминаньемъ,
Сѣбѣ снѣся въ безмолвный кругъ, подъ липою
густой,
Недвижны, припавъ въ грудяхъ своихъ ды-
ханье,
Протекшихъ доблестей пѣвнялися молвой.

Быть Александрями, Ахиллами мечтали!
Надѣялись мечемъ вселенну покорить,
И время подвига и мѣсто назначали,
Гдѣ должно бросить громъ и гдѣ врага про-
спить,

Кто не любилъ внимать о витязяхъ могучихъ,
Которые — примѣръ и въ мирѣ, и въ бояхъ —
Покрышы спалию, среди песковъ сыпучихъ,
Въ пещерной глубинѣ, въ пустынѣ и борахъ,

Гдѣ привидѣнія и Феи обитали,
Царевной милою воспламеняя духъ,
На смерть, опасности безъ ужаса дерзали,
И съ небомъ, и съ землей, и съ адомъ би-
лись вкругъ?

Ихъ славой звучною, дѣлами восхищенный
И я — забывшись — чпилъ себя богатыремъ!

И въ сновидѣніяхъ красавицъ рушилъ плѣны,
Съ духами велъ войну, все обращалъ верхъ
дномъ.

*

„Вошъ, думалъ, близокъ часъ, когда шеломя,
мечъ бранный,
„Коня, щитъ, и копье, и лапы получу,
„Съ благословеніемъ родителей въ путь даль-
ній
„Осправляюсь, доблести чшить міръ сей научу.

*

„Невѣрные предъ мной падуть и посрамятся,
„Вдова и сирота отца во мнѣ найдеть,
„Злодѣи не дерзнувъ невинностью ругаться,
„Темница грозная дѣвъ юныхъ не пожретъ.

*

„И Бардъ и Тробадуръ на лирахъ вдохновен-
ныхъ
„Безсмертіе мое народамъ возвѣстятъ,
„И будущъ славою моею восхищенныхъ
„Героевъ доблестямъ попомки научашъ.“

*

Такъ думалъ я, мечталъ — и въ сладкой мир-
ной нѣгѣ
Текла невинная прелестныхъ дней заря;
Все вокругъ меня цвѣло и въ полѣ, и на брегѣ,
Въ саду и на горѣ, и въ роцѣ у ручья.

*

Тогда о горѣ я не зналъ и спороною,
Недумалъ, не гадалъ, чтобъ смертные могли
Невинныхъ поражать безтрепетной рукою,
Чтобъ добродѣшью злодѣйство нарекли.

*

Но гдѣ младенчество, куда, куда сокрылось?
Гдѣ радостей твоихъ восторги, суезы?

Почто невѣрное такъ рано удалилось
И унесло свои прелестныя мечты?

*

Почто тебѣ во вѣкъ ко мнѣ невозвращаешься,
Почто назначено зависливой судьбой?
Какъ въ алчный океанъ потоки водъ спре-
мятся,
Такъ быстро счастье уходитъ за собой.

*

Луга прелестныя, одѣтые цвѣтами,
И сѣнь прохладная родительскихъ дубравъ!
Вашъ прежде вѣрный другъ, окованъ суетами,
Непридешь болѣ къ вамъ искашь себѣ забавъ.

*

Теперь далеко онъ. Кто знаетъ — можетъ
спастись,
Готовый пропекать покорный злобъ свѣтъ,
Въ разлукѣ съ кровными онъ будетъ въ вѣкъ
перзаться,
И жизнью упоменъ — безвременно падетъ.

Ар. Родзянка.

Е л и г р а м м ы.

Похвала и скромность.

Климъ Власа расхвалилъ; Власъ похвалямъ не-
вѣрилъ.

Кто больше лицемѣрилъ?

Судья и Секретарь.

По силѣ нашего опредѣленья
Дамонъ лишается имѣнья;
Онъ оставляетъ домъ и по міру поидетъ. —
„Такъ чпожь?“ — А если средствъ онъ най-
детъ

Наружу вывести обманы,
Дать дѣлу чистый ходъ,
И выворошить намъ карманы:
Пропала наша честь! — „Ну вошь!“

Новая Галатея.

Обвороженный красоюю,
Любовью я дышалъ,
Живился сладостной мечшою.
Напрасно! пламень мой жестокой несмягчалъ.
Открылась наконецъ глазамъ моимъ препона:
Красавица, увы! ты ждешь Пигмаліона.

Опасность правды.

Не дѣльно, строгой Карпъ! поешовъ ты бра-
нишь:
Врали нескладицъ, говоришь;
Лишь истина одна прекрасна! —
Бываетъ и она опасна.
Гуръ объ тебѣ вчера намъ правду говорилъ,
И насъ со смѣху уморилъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

М о з а и к а.

Изящныя искусства нынѣ доведены до высокой степени. Оспасаемся думашь о способахъ сдѣлать наши произведенія неразрушимыми и сохранить ихъ отъ насильства времени. Мы шрудимся для попомшва; но дабы имѣть все право на благодарность его не должны ли мы позаботишься и о томъ, чшобы шворенія ума и дарованій защищены были отъ порчи такими способами, которые въ будущіе вѣки послужили бы достовѣрнымъ памяшникомъ нашей изобрѣтательности? Превосходнѣйшія произведенія и сами по себѣ долговѣчны; однакожъ если къ тому еще они составлены изъ прочнаго вещества, то бытіе ихъ гораздо вѣрнѣе обезпечено. Книгопечатаніе ручаешя липператорамъ, поешамъ и вшитіямъ за цѣлость ихъ произведеній; и когда бы сіи тонкіе листочки, на которыхъ они печашлютъ безсмертные памяшники, были развваны бурнымъ дуновеніемъ времени, то вновь открытое стереопииче-

ское искусство предохранитъ отъ гибели плоды ихъ учености и дарованій. Ваяніе, ввѣряющее произведенія свои мѣди и мрамору, не боится насильства времени; не уже ли одна только Живопись оспанется лишенною равной выгоды? Видимъ передъ собою печальный примѣръ непрочности въ произведеніяхъ сей Музы; въ Греціи и въ Римѣ она имѣла своихъ почитателей, и конечно успѣхами своими не оспавала отъ скульптуры. Сохранившіеся памятники ваятельнаго искусства заставляють насъ горестно жалѣть объ утратѣ образцовъ живописи, которыми бы мы не менѣе удивлялись. Древнія изображенія очень рѣдки, и сверхъ того по несчастію онѣ совсѣмъ неощвчаютъ тому понятію, какое мы себѣ составили объ ихъ совершенствѣ. И по однакожъ справедливо, что на живопись древнихъ мы смотрѣть должны не иначе какъ на спѣбныя украшенія, но въ которыхъ замѣтны правила превосходной школы. Фигуры писаны на стѣнѣ по спукатурѣ крашенымъ воскомъ, и сохранились отъ поврежденія посредствомъ особливаго состава, копорой извѣстенъ былъ древнимъ, и копорой по несчастію потеряны. Что будетъ съ новыми произведеніями нашей живописи? имѣ прошло едва нѣскольго сопѣ лѣтъ, и уже видимъ ихъ въ соспояніи, близкомъ къ разрушенію.

Живопись на свѣжей спускашурѣ (la fresque), сія исполновашельница великаго ума и дарованія, сохранившая для насъ всю цѣлосць рисунка и красокъ въ славныхъ произведеніяхъ Рафаеля и Микель - Анжа, нынѣ вышла изъ моды; и сія пагубная перемѣна естъ слѣдствіемъ изобрѣшенія способа писанья на маслѣ, способа достойно пренебреженнаго Микель-Анжемъ. Когда сей великій художникъ изображалъ на стѣнѣ удивительныя свои фигуры, мысль его, подобно Минервѣ вышедшей въ полномъ вооруженіи изъ головы Юпитеровой, при самомъ рожденіи своемъ зрѣлая и тогда же исполняемая, не имѣла нужды въ той боязливой работѣ, которая рисуешъ образчики, уничтожаетъ, поправляетъ, пишетъ снова, и которая дѣйствуетъ болѣе оцупью, нежели по вдохновенію. Сверхъ того стѣнная живопись, украшающая храмы и чертоги, долженствовала бытъ столь же прочна какъ и самыя зданія, не боясь ни корысполубія, ни прихотей моды и вообще никакихъ случаевъ, которые столь часто бывають пагубны для картинъ, переносимыхъ съ мѣста на мѣсто.

Нынѣ судьбу живописи мы ввѣряемъ слабой холстинѣ, измѣняющейся отъ жара, проникаемой влагою и подверженной гнилости. Правда, что при такихъ обстоятельствахъ мы имѣемъ выгоду пере-

носишь картины съ одного мѣста на другое; не смотря на то, можно сказать утвердительно, что сѣя малая выгода служитъ ко вреду искусства. Опнюдь не желаемъ, чтобы любители живописи ошказали себѣ въ удовольствіи собирать картины малаго размѣра; охотно даже соглашаемся, чтобы и художники посвящали время на легкія произведенія, вмѣсто ошдыха ошѣ важнѣйшихъ трудовъ своихъ; но дозволяемъ себѣ горестно жалѣть о томъ, что холстина, и только холстина, служитъ основаніемъ для драгоценнѣйшихъ произведеній нашей живописи. Великіе художники иногда прудились надъ спанковыми картинами; но они писали ихъ на веществахъ прочныхъ, какъ то на мраморѣ, на аспидномъ камнѣ, на мѣди, или по крайней мѣрѣ на крѣпчайшемъ деревѣ. А мы по скромности или по безопасности не хотимъ слѣдовать ихъ примѣру? Мы видимъ непрочность трудовъ своихъ, но продолжаемъ писать на холстѣ огромныя картины, и закрываемъ ими влажныя стѣны публичныхъ нашихъ зданій! Время испребитъ ихъ, на зло всѣмъ нашимъ предосторожностямъ; сверхъ того, кто уверитъ меня, что картины художниковъ нашихъ, теперь тщательнао хранимыя, черезъ нѣсколько лѣтъ не будутъ вышѣснены картинами соперниковъ ихъ, болѣе дов-

нихъ и болѣе счастливыхъ? Напрошивъ
шого стѣнныя изображенія остаются не-
подвижны и невредимы цѣлые вѣки!

Но ежели дадимъ волю желаніямъ на-
шимъ и порыву своего воображенія, ежели
захотимъ произведенія живописи нашей
сдѣлать вѣчными; какое употребить мо-
гли бы къ тому средство? Безъ сомнѣнія
мозаику; она одна не боится суровости
воздуха и непогоды; ни лучи палящаго сол-
нца, ни жестокая спужа не производятъ
надъ нею никакого дѣйствія; она пропи-
вшись вѣкамъ и стихіямъ; она одна до-
стойна передавать славу настоящихъ вре-
менъ будущимъ поколѣніямъ.

Искусство мозаическое есть одно изъ
древнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ изобре-
неній человѣческой промышленности; нѣтъ
сомнѣнія, что оно получило свое начало
отъ живописи, которую сохраняетъ отъ
поврежденія прочностію своего состава. Не
входя въ етимологическія изслѣдованія о
словѣ *мозаика*, которое одни произво-
дятъ отъ Еврейскаго, другіе отъ Грече-
скаго языка, а иные наконецъ, слѣдуя
Павзанію, отъ имени славнаго художника
Муси, отсылаемъ желающихъ къ любопыт-
ному сочиненію ученаго Фуріепшти о семъ
искусствѣ (*de musivis*).

Мозаика, которая при началѣ своемъ была не иное что какъ соединеніе маленькихъ кусочковъ разноцвѣтнаго мрамора на гладкой поверхности, имѣющее видъ какой-либо вещи, вѣроятно спала извѣстною съ тѣхъ поръ, какъ найденъ способъ разрѣзывать мраморъ на мѣлкія частицы, которой у Плинія названъ изобрѣщеніемъ *importuni ingenii*. Сими частицами мрамора начали усыпать полы (*), и когда соединеніемъ разноцвѣтныхъ кусочковъ изображаемы были предметы, то сія работа называлась *vermiculatum* или *musivum* и это разумемъ мы подъ общимъ именемъ *мозаики*.

Кому приписывать изобрѣщеніе сего искусства? Египтянамъ, Ассиріянамъ, Персамъ, или Грекамъ? Извѣстно, что мозаика во время глубокой древности была въ употребленіи у Египтянъ, и что они весьма хорошо умѣли обрабатывать мраморъ и другіе крѣпкіе камни, коими украшали внутренность и наружность своихъ памятниковъ; но вѣроятно, что Египтяне не довели мозаики до высоты изящества, ибо они все только изобрѣтали, предоставляя другимъ народамъ славу доводить до совершен-

(*) Греки называли ихъ *lithostrota*, Римляне *sectilia*.

ства ихъ изобрѣшенія. Первыя произведе-
 нія испинной мозаики надлежитъ припи-
 сывать Персамъ; ибо, кромѣ что они бы-
 ли искусны разсѣкать мраморъ, земля ихъ
 скрывала въ себѣ многіе роды сего камня,
 драгоцѣннаго сколько по своей плотноти,
 сполько по яркости и разнообразію красокъ;
 сверхъ того имѣя живое, расположенное къ
 роскоши воображеніе, они должны были при-
 своить себѣ родъ украшенія не менѣ ве-
 ликолѣпной какъ и прочной. Искусство сѣе,
 по всей вѣроятности, отъ Персовъ пере-
 шло къ Ассиріянамъ, а отъ нихъ къ Гре-
 камъ, которые уже довели его до совершен-
 ства. Мы можемъ судить о немъ по одно-
 му изображенію мозаическому, нынѣ суще-
 ствующему, которое безошибочно припи-
 сать можно упоминаемому Плиніемъ Грече-
 скому художнику Созу. Въ самомъ дѣлѣ опи-
 саніе мозаической картины его, представля-
 ющей двухъ голубей, сидящихъ на краю ва-
 зы, очень близко къ той, которая въ 1737
 году найдена въ Адріановой виллѣ; сей драго-
 цѣнный остатокъ древней мозаики, совер-
 шенно сходный съ живописью, доспапочно
 показываетъ, до какой высокой степени
 изящества искусство сѣе доведено было; а
 частицы самаго крѣпкаго мрамора, изъ ко-
 его составлена картина, споль мѣлки, что
 на пространствѣ одного квадратнаго дюйма
 считается ихъ болѣе двухъ сотъ.

Сказано выше, что сначала употреблялись камни и разноцвѣтной мраморъ для составленія мозаическихъ изображеній; послѣ замѣнили ихъ финифтью или стекломъ разноцвѣтнымъ; та и другая работа требуетъ одинакаго искусства въ расположеніи: только для мраморной мозаики нужно болѣе внимательности и времени, ибо надлежитъ выбирать изъ безчисленнаго множества кусочки разныхъ цвѣтовъ и постепенныхъ оттѣнковъ, между тѣмъ какъ финифть даетъ желаемый цвѣтъ, самой сильной и яркой. Но за то уже краски финифти не могутъ быть столько согласны.

Мозаика вошла въ употребленіе въ Римѣ уже въ послѣдніе годы республики, когда съ великими издержками перевезены были изъ Персіи, изъ Нумидіи, изъ Фригіи и изъ Египта мозаическія произведенія, которыя возбудили въ Римлянахъ удивленіе и желаніе подражать онымъ. Немедленно выписаны изъ всѣхъ странъ мраморныя глыбы и призваны Греческіе художники, которые тогда же завели въ Римѣ мозаическую школу. Искусство сіе мало по малу водворялось въ новомъ своемъ опечестивѣ, и доведено до высокой степени совершенства при Императорѣ Адріанѣ, которому оно очень полюбилось. Окрытые въ наше

время въ увеселительномъ домѣ сего Императора мозаическіе останки служашъ доказательствомъ, что пышныя описанія и похвалы Стаціевы справедливы. Мозаика процвѣтала у Римлянъ въ первые два вѣка правленія Императоровъ; но при Септиміи-Северѣ начала она клониться къ упадку вмѣстѣ съ другими искусствами; однакожъ въ Италіи не переставали занимать мозаикою при Галліенѣ, Авреліанѣ и ихъ преемникахъ. Не останемъся ни надъ издѣльями Констанцинова вѣка, ни надъ изображеніями, копорыя и теперь еще видны въ Равенскихъ церквахъ, построенныхъ въ 4мъ и въ 5мъ столѣтіяхъ. Гоэы, ревностные подражатели Римлянъ въ ободреніи художествъ, нѣсколько уважали и мозаику; и Теодорикъ, сдѣлавшись Королемъ Италіи, приказалъ устроить мозаическій полъ въ церкви Св. Маріи въ Равенѣ. Смѣю думать, что тѣ ошибаются, кои испребленіе Римскихъ памятниковъ приписываютъ Гоэскимъ Государямъ; ибо сіи Государи не только издерживали большія суммы на возстановленіе зданій въ Римѣ, но даже карали разрушителей. А что изящныя искусства въ сіе время не удержали своего блеска, пому были другія причины, исчисленіе коихъ не почиается здѣсь нужнымъ. Въ шестомъ столѣтіи мозаикою занимались въ Констанцинополѣ по желанію Им-

перашора Юстиніана; онъ повелѣлъ украсить куполъ Св. Софіи мозаическою работою, въ которой особливаго примѣчанія достойны выборъ и красота камней, но не чистоша рисовки. Къ сему времени относитъ должно и начало мозаической живописи по золотому полю, употребляемой въ наше время для украшенія Греческихъ церквей. Въ седмомъ вѣвѣ Папы Гонорій, Северинъ и преемники ихъ заставляли работашъ мозаическихъ художниковъ даже до десятого вѣка, по еспь до совершеннаго уничтоженія художествъ на западѣ, ибо въ одиннадцатомъ столѣтїи Деидерій, Аббатъ горы Кассина, принужденъ былъ вызывать изъ Константинополя мастеровъ для мозаической работы. Послѣ того опять явилась мозаика въ Италїи, а особливо въ Венеціи, испинной колыбели сего искусства; ибо тамъ научился ему Флорентинецъ Андрей Рафи у Грека Аполлонія, и завелъ потомъ въ опечественномъ своемъ городѣ школу, изъ которой вышли Гаддо-Гадди, Вичино-Пизано, Алессіо Балдовинешпи и многіе другіе. При имени Балдовинешпи вспоминаемъ объ опвѣшѣ ученика его Граффіоне Лавреншїю Медицису, которой хотѣлъ внутренность купола въ одномъ зданїи украсить спукашурою и живописью. „Да у васъ нѣтъ искусныхъ художниковъ для сшаго дѣла!“ сказалъ ему Граффіоне. —

О! деньги родящъ намъ художниковъ! возразилъ Медицисъ. „Нѣтъ, Лавреншій!“ отвѣчалъ Граффѳоне: „не деньги раждають художника, но художникъ дѣлаеть деньги.“ Отвѣтивъ оспроумной, хопя впрочемъ не во всѣхъ отношеніяхъ справедливый.

Достойно примѣчанія, что мозаика, получивъ начало свое отъ живописи, по возрожденіи своемъ оказала равную услугу своей мапери. Какъ будто опасаясь, чтобы живописное искусство неупрашилось, для лучшей прочности поспѣшно прудились надъ грубыми опытами мозаической работы, и опыты сіи послужили образцами для Италіянскихъ живописцовъ. Впрочемъ всѣ сіи произведенія были очень посредственны; и ежели послѣ возносились оныя выше къ совершенству, то не отъ чего другаго какъ отъ поспешныхъ успѣховъ самой живописи; и какъ мозаика просто снимала каршины живописцовъ, то по мѣрѣ усовершенствованія сихъ картинъ и самыя копіи приближались къ совершенству. Мозаика озарилась въ Римѣ новымъ блескомъ при Папѣ Бенедиктѣ XII, и въ сіе - то время дарованія извѣстнаго Джіотто, съ помощію Мемміо и Пепра Гаваллина произвели славноую картину, на копорой изображена ладья Св. Пепра, носимая волнами, картину вновь передѣланную щаніемъ Кардинала Барбе-

рино и поставленную въ паперти Св. Пётра, гдѣ и теперь находишься. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка Гримальдо совершилъ во Флоренціи великолѣпную мозаическую изъ сѣвекляныхъ часпицъ картину; приобрѣвшую имени художника отличную славу. Скоро послѣ того, по мѣрѣ усовершенствованія рисовки, мозаическія картины становились чище и соединеніе въ нихъ цвѣтовъ гораздо правильнѣе. Число хорошихъ мозаиковъ время отъ времени увеличивалось вмѣстѣ съ числомъ хорошихъ рисовщиковъ: Флорентинецъ Салвѣтти украсилъ паперть Св. Марка въ Венеціи; Тицианъ еще болѣе усовершенствовалъ сіе искусство; управляя производствомъ работъ при той же церкви, и заставляя дѣлать мозаическія изображенія по своимъ безсмертнымъ картинамъ.

Нынѣшніе счастливые успѣхи мозаики; какъ вразсужденіи точнаго подражанія первымъ образцамъ сего искусства такъ и въ вѣрномъ изображеніи картинъ, великими художниками написанныхъ, суть плоды мозаическаго училища; заведеннаго въ Римѣ въ семнадцатомъ столѣтіи Кавалеромъ Христофарисомъ. Славныя произведенія сіи нѣсколько уже испортившіяся, могли бы совершенно испребишься отъ влажности въ церкви Св. Петра, копорая выложена вся мраморомъ и сполнивъ подлѣ холма; мозаика взялась содѣлать ихъ безсмертными, и по-

средствомъ ея уже возрождены *Призваніе Св. Петра*, писанное Лефранкомъ, *Срътеніе Господне* Романелліемъ, *Св. Иеронимъ и Св. Севастіанъ* Доминикеномъ, *Св. Петропила* Гершенемъ, *Св. Еразмъ Пуссенемъ* и многія другія картины.

Папы Римскіе, царствовавшіе послѣ Клименша XI, поддерживали славу мозаического искусства. Картина *Преображенія Господня*, шпаніемъ Клименша XII сдѣланная съ Рафаелева подлинника и украшающая одинъ изъ внутреннихъ столбовъ безпримѣрной церкви Св. Петра, почитается въ числѣ совершеннѣйшихъ произведеній новой мозаической школы.

Теперь осмѣаешь мнѣ въ короткихъ словахъ сказать о механической работѣ сего искусства, какъ она производится въ Римѣ. Мозаическіе художники, говоря собственно, суть не иже что какъ кописты; но работа ихъ дѣлается ихъ почтенными не менѣе самихъ избрѣшателей. Они должны быть искусны въ рисованьи, знать всѣ тайны свѣшло-тѣни и постепенно сши красокъ, дабы можно было вѣрно изобразить всякой предметъ съ картины или съ рисунка, раскрашеннаго искуснымъ художникомъ.

По симъ раскрашеннымъ рисункамъ мозаистъ разсчисляетъ количество разныхъ кусочковъ, долженствующихъ соста-

вишь цѣлую картину, тщательно наблюдая всѣ ошпѣвки. Искусство мозаического художника по большей части состоитъ въ надлежащемъ приготовленіи и почномъ раздѣленіи по цвѣтамъ упомянутыхъ кусочковъ, каковы бы впрочемъ они ни были, мраморные или каменные или стеклянные. Они раздѣляются на большіе, средніе и малые; есть между ними чешыреугольные прямые, треугольные и неправильные, но всегда съ углами, для того чтобы можно было ими изобразить всѣ черны и округлости рисунка, и чтобы одинъ кусочекъ прилегалъ въ другому какъ можно плотнѣе.

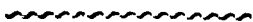
Приготовивши свои кусочки, мозаистъ наполняетъ ими ящики, въ которыхъ располагаетъ ихъ по цвѣтамъ и ошпѣнкамъ; послѣ того беретъ похребное ихъ количество для работы на весь день; густо накладываетъ на стѣну штукатуру, составленную изъ извести, мраморнаго порошка, адраганцова клея (*de la gomme adragante*) и бѣлка яичнаго; чертитъ по штукатурѣ рисунокъ, беретъ щипцами мраморные или стеклянные кусочки и вдавливаютъ ихъ въ штукатуру, наблюдая всѣ черны и ошпѣвки образца своего въ строгую точности. На послѣдокъ картина выглаживается песчанымъ камнемъ съ водою.

Въ Парижской мозаической школѣ, состоящей нынѣ подъ управленіемъ г. Бел-

лови, работа надъ малыми картинами производится нѣсколько отличнымъ образомъ. На каменной или мраморной доскѣ; которая служишь основаніемъ картинѣ, кладушь густой слой гипса, по краямъ удерживаемый деревянною или металличекою рамою; на гипсѣ изображается рисунокъ, по которому опять вынимается гипсѣ, а полое мѣсто наполняется составомъ, подобнымъ вышеупомянутому.

Мозаика употребляется и на разные мѣлочныя издѣлія; но мы неговоримъ объ нихъ, имѣя въ виду однѣ большія картины. Прибавимъ только, что нынѣшніе художники, кажется, превзошли древнихъ по крайней мѣрѣ въ составленіи картинѣ большаго размѣра: мы незнаемъ ни одного древняго памятника въ семъ родѣ столь великолѣпнаго какъ церковь Св. Петра въ Римѣ. Сіе прекрасное искусство достойно ободренія, какъ средство передавать ошдаленнѣйшимъ потомкамъ и мастерскія произведенія художниковъ и знаменитые подвиги мужей великихъ.

(Сокращ. изъ *Esprit de Journ.*)

III. С М Ъ С Ъ.

О кометахъ.

Нѣтъ на небѣ явленія, которое астрономамъ нашимъ было бы знакомѣе кометы. Сто уже разъ о кометахъ писано было въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ; не смотря на то склонность наша забывать о дѣлахъ не принадлежащихъ къ личнымъ нашимъ выгодамъ столь велика, что нерѣдко случается видѣть и слышать людей, впрочемъ довольно просвѣщенныхъ, выводящихъ спранные полки о кометѣ, нынѣ представляющейся нашимъ взорамъ. Вотъ для чего не излишнимъ почишаемъ возобновить въ памяти читателей нашихъ, нѣкоторые свѣдѣнія о напурѣ и измѣненіяхъ сего небеснаго тѣла.

Названіе *кометы* взято отъ Греческаго слова *κομήτη*, которое значитъ звѣзда *волосатая*, отъ *κομή* волосы. Кометы починаясь небесными тѣлами одного свойства съ планетами, которыя суть тѣла темныя и видимыя нами по причинѣ отражающагося на нихъ солнечнаго свѣта (*).

(*) Дѣлаемая надъ видимою нынѣ кометою наблюденія можешь бышь опровергнуть для насъ совсѣмъ тому прошивное. *Изд.*

Всѣ кометы нашей солнечной системы обращаются около солнца по путямъ эллиптическимъ, чрезвычайно продолговатымъ, въ средоточіи коихъ солнце никогда не бываетъ. Онѣ совершаютъ свое печеніе иногда отъ запада къ востоку, подобно планетамъ, иногда вдоль по эклиптикѣ, иногда по отвѣсной чертѣ къ эклиптикѣ, то есть отъ сѣвера къ югу, или отъ юга къ сѣверу. Такимъ образомъ орбиты ихъ рѣдко заключаются въ пространство Зодіака, и часто выходятъ за предѣлы его до разстоянія почти неизмѣримаго.

Сии орбиты или круги весьма продолговаты; и потому отдаленіе кометъ отъ солнца въ нѣкоторое время бываетъ чрезвычайно велико, слѣдовательно и сіяніе ихъ бываетъ тогда такъ слабо, что до земли почти вовсе не доходитъ; тогда мы ихъ невидимъ. Приближаясь къ солнцу, онѣ сплываются видимыми для насъ, и хвосты ихъ часъ отъ часу свѣтлѣе.

Онѣ могутъ подойти къ солнцу очень близко; нѣкоторые физики увѣряли даже, будто кометы поглощаются солнцемъ и питаютъ огонь въ семъ пылающемъ свѣтилѣ. По исчисленію Невтона, комета видѣнная въ 1680 году 8 Декабря находилась такъ близко отъ солнца, что ядро ея сдѣлалось въ двѣ тысячи разъ горячѣе раскаленнаго желѣза, и что она проспынуть можетъ непрежде какъ по прошествіи милліона годовъ!

Самая ясная часть кометы обыкновенно бываетъ окружена какъ будто атмосферою, имѣющею свѣтъ гораздо слабѣйшій. Дабы

оплечить обѣ сіи части первую называють *ядромъ*, а другую *волосами*. Случается иногда, что комета имѣетъ при себѣ длинной *хвостъ*, протягивающійся всегда въ противоположную сторону отъ солнца. Такова точно и нынѣ видимая комета.

1. Хвостъ бываетъ болѣе и свѣтлѣе въ скоромъ времени по приближеніи кометы къ солнцу, или когда находится она въ ближайшемъ отъ солнца разстояніи.

2. Хвостъ бываетъ ширѣ въ концѣ своемъ нежели при соединеніи съ кометою.

3. Хвостъ бываетъ прозраченъ, такъ что сквозь него видны малѣйшія звѣзды.

Вотъ причины сихъ трехъ явленій :

1 го, Тѣло кометы будучи тогда болѣе нагрѣтымъ, необходимо должно выпускать изъ себя болѣе паровъ ;

2 го, Свѣтлой паръ въ свободномъ пространствѣ сплывется рѣже и распространяется ;

3 го, Пары выходящія изъ кометы должны быть очень тонки. Сіе предположеніе о хвостѣ кометъ совершенно отвѣчаетъ всѣмъ видимымъ явленіямъ.

Кометы бываютъ различной величины. Нѣкоторыя изъ нихъ кажутся болѣе звѣздъ первой величины; другія же менѣе планетъ самыхъ малыхъ.

Въ прежнія времена появленіе кометы на всѣхъ наводило ужасъ. Думали, что комета

можетъ подойти къ землѣ очень близко и произвести на ней величайшій беспорядокъ. Шаринные физики утверждали, что причиною всемірнаго попопа была комета.

Изъ числа кометъ приближеніемъ своимъ болѣе всѣхъ напугала (земныхъ жителей видѣнная въ 1680 году. По вычисленію Галлея въ 11 день Ноября она подошла къ кругу пупи земнаго сѣ сѣверной стороны почти на бо земныхъ полуперечниковъ (на 90,000 миль), такъ что еслибъ тогда земля находилась въ той часши своей орбиты, то отъ споль близкаго соседства послѣдовалъ бы ударъ ужасный и для земли и для кометы. По мнѣнію Вильсона, это произвело бы въ другой разъ попопъ всемірный.

Славный Яковъ Бернулли издалъ сочиненіе о кометахъ, въ которомъ сказано, что *ежели появленіе кометы неслужитъ признакомъ небснаго гнѣва, за то хвостъ ея опасенъ*. Но тогда философія не сдѣлала еще большихъ успѣховъ.

Въ томъ же сочиненіи своемъ Яковъ Бернулли предсказываетъ, что комета видѣнная въ 1680 году вновь должна была явиться 17 Мая 1719 года въ знакъ Вѣсовъ. „Ни одинъ астрономъ“ говоритъ Вольперъ „неложился спать въ эту ночь; однакожъ комета не явилась.“

Сочинитель *Исторіи первобытнаго міра* (Histoire du Monde primitif) утверждаетъ, слѣдую мнѣнію астронома Ламбера, что между Солнцемъ и Сатурномъ находится 500,000

кометъ, и столько же между Сатурномъ и Гершелемъ (Ураномъ). Такой легкой способъ творить и размножать кометы очень нравишься воображенію; жаль только, что *Исторія первобытнаго міра* болѣе походитъ на сказку, нежели на исторію.

(Изъ Франц. Журн.)

Извѣстіе о Татарскихъ училищахъ въ Оренбургской Губерніи.

„Училищное начальство получило свѣдѣнія о разныхъ Татарскихъ училищахъ, находящихся въ 18 верстахъ отъ Оренбурга въ Татарской слободѣ Каргали, извѣсною подъ другимъ названіемъ Сектово. Въ сей слободѣ разнаго званія жителей до 20,000 человекъ. Каменныхъ мечетей нарочито великолѣпныхъ семь и деревянныхъ двѣ. Промыслы и торговля довольно обширны. При всякой мечети находится особое Татарское училище, частью въ покояхъ внизу мечетей и частью въ особливыхъ строеніяхъ. Заведеніе училищъ началось за 30 лѣтъ до сего. Учащіе суть ученые Ахуны и Муллы и отчасти частные люди; а учащіеся кромѣ тамошнихъ жителей бывающъ и прибѣжіе изъ другихъ странъ Россіи, и даже изъ Хивы, Бухаріи и другихъ Азійскихъ Княжествъ. Въ училищахъ обучающіеся Татарской азбукъ, Арабскому языку во всемъ пространствѣ и Персидскому, Ариемикъ, Геометріи, основаніямъ Физики, Философіи по швореніямъ Аристотелевымъ, Свя-

щенной Исторіи Магомешанской, чтенію и толкованію Алкорана и познанію священныѣхъ обрядовъ Магомешанскихъ. Книги употребляемыя для наставленія суть всѣ писменныя, и многія, по сказанію Ахуновъ, со сводами изъ разныхъ писателей, такъ что ежели бы оныя были напечатаны, то ученые открыли бы можетъ быть много полезнаго для учености лѣтъ паче, что онѣ по большей части получаются изъ Бухаріи, гдѣ нынѣ находятся въ цвѣтущемъ состояніи Азіійскія училища, и имѣютъ до 40.000 человекъ учащихся. Изъ числа прочихъ училищъ ~~отличившія~~ въ свободѣ Аргали суть: 1е при соборной мечети въ особливомъ каменномъ строеніи, гдѣ учатъ Муллы Абурахшанъ изъ Багдада и Ахунъ; 2е при мечети Ахуна Маулиша Башкова, зятя Муфтіева, въ двухъ деревянныхъ строеніяхъ; 3е тутъ же подъ мечешью у часовнаго Муллы Мухамета Амина. Въ каждомъ изъ сихъ училищъ въ зимнее время бываетъ до 150 человекъ, а въ лѣтнюю пору, по причинѣ разныхъ работъ и промысловъ, число сіе уменьшается; 4е при мечети Ахуна Абдрешіша Абдуллина зимою бываетъ до ста человекъ. При сей послѣдней мечети находится также въ особливомъ строеніи Киргизское училище, подвѣдомое пограничной Оренбургской Коммиссіи, въ коемъ при осмотрѣ Визитаторовъ состояло: одинъ учитель, получающій жалованья отъ Коммиссіи 120 рублей, и 10 человекъ учениковъ, коимъ онѣ той же Коммиссіи производятся кормовыя деньги, и которые въ продолженіе ученія обучаются чипашъ и пишутъ по Ташарски и Арабски, и потомъ поскупаютъ въ Муллы къ Киргизцамъ, куда

сами пожелаютъ. Во всѣхъ училищахъ учатся сидя на полу или лежа; обувь же оспавляенія внѣ училищъ.“

(Изъ Период. изд. объ успѣх. Народн. Просвѣщ. N XXX.)

Письмо къ Издателю Вѣстника Европы.

Долгомъ поставляю обратиться вниманіе ученаго свѣта на чувствительную потерю, нынѣ понесенную Московскимъ Университетомъ. Онъ лишился въ лицѣ г. Профессора Маштея одного изъ первыхъ Гелленисховъ Европы.

Христіанъ Фридрихъ Маштей родился въ Саксонскомъ мѣстечкѣ Грестъ 1744 года и началъ учиться подъ руководствомъ извѣстнаго Эрнеста. Въ 1776 году призванъ онъ былъ въ Московскій Университетъ. По возвращеніи въ свое отечество въ 1785 году былъ избранъ Ректоромъ Мейсенской Гимназіи. Въ 1789 году г. Маштей занялъ мѣсто Профессора Греческой Словесности въ Виттембергѣ. Въ 1804 году возвратился онъ въ Москву для заманія Греческой каѣдры.

Первый опытъ трудовъ г. Маштея была Рѣчь объ Оранорѣ Есхинѣ, которую онъ издалъ въ Лейпцигѣ 1770 года. Она же помѣщена въ IV Томѣ Собранія Греческихъ Ораторовъ Г. Рейске.

Съ шѣхъ поръ до самой послѣдней минуты жизни Г. Матшей занимался съ безпримѣрною дѣятельностію классическою словесностію. Труды его составляютъ 55 Томовъ, Въ концѣ послѣдняго его шворенія, *Varia Graeca*, 1811 года изданнаго, помѣстилъ онъ подробное означеніе всѣмъ своимъ сочиненіямъ,

Обширное поле Греческой Словесности было во всѣхъ отдѣленіяхъ извѣстно г. профессору Матшею. Хотя любимымъ его занятіемъ было обработываніе крипической части Новаго Завета и Св. Ощовъ; но не менѣе того распространилъ онъ свѣтъ и на шворенія многихъ Греческихъ пішовъ и орашоравъ.

Съ пространнымъ и глубокимъ познаніемъ Греческаго языка г. Матшей соединялъ палеографическія свѣдѣнія, которыя дѣлали его единственнымъ въ Европѣ.

Кому случалось видѣть Матшея читающаго древнюю Греческую рукопись и разбирающаго оную со всѣми подробностями опытнаго кришника и съ упожденнымъ искусствомъ истиннаго палеографа, шотъ конечно согласится со мною. Матшей первый познакомилъ Русскихъ и Европу съ богатствомъ Московской Синодальной библіотеки. Желательно чтобы сіи сокровища распространили между нами любовь къ классической Словесности, которая служитъ основаніемъ истинному просвѣщенію.

Матшей былъ почишаемъ всѣми большими Гелленистами своего вѣка. Славный Рункенъ находился съ нимъ въ шѣсномъ сноше-

ни. Его уважали Вишенбахъ, Голмсъ, Виллуазонъ, Гейне, Вольфъ. Извѣстный критикъ Саксусъ; въ Ономастиконѣ, упоминаетъ о немъ слѣдующимъ образомъ: *Vir non adumbrata, sed solida laudis gloria, ingenio solertiaque praeftabilis; nullum poene ab hoc temporis articulo praetermisit annum, quo non variis librorum monumentis civitati litterariae prodesset.*

Вмѣстѣ съ симъ онъ былъ по своей части спрогій судя. Ученой свѣтѣ помнитъ еще; какъ онъ вооружился прошивъ такъ называемыхъ Рецензій Новаго Завѣша Гризбаха, Бениля и Семлера.

Послѣ многошрудной жизни скончался онъ въ Сенпярѣ мѣсяцѣ сего года въ Москвѣ. Съ нимъ угасъ одинъ изъ свѣтильниковъ классической словесности.

Онъ посвятилъ мнѣ послѣдній шрудъ свой. Симъ самымъ возложилъ на меня обязанность опдашъ памяти его послѣдній долѣ благодарности и уваженія.

Въ надеждѣ, что сіе письмо побудитъ любители Греческой словесности заняться сочиненіемъ полной біографіи г. Профессора Маштея, я прошу васъ, М. Г. мой, помѣстить оное въ вашемъ Журналѣ. Имѣю честь быть и проч.

Сергій Уваровъ.

Санктпетербургъ.

9 Октября, 1811 года.

Московскія записки.

Театръ. Октября 12 Беверлей, *мѣщанская трагедія въ 5 актовъ*. *Optime genus scripti vincit gravita tragoedia*, т. е. *Трагедія важностію своею превышаетъ всѣ прочіе роды сочиненій*, сказалъ гдѣ-то Овидій. И вѣрно стихотворецъ Римскій имѣлъ въ виду истинную, величественную трагедію, въ которой дѣйствуютъ лица, управляющія судьбою народовъ. Беверлей принадлежалъ не къ сему классу. Стихотворцы пыпались изобрѣсти новой родъ драмы, и выдумали такъ называемую *мѣщанскую трагедію*, въ которой изображаются не предразсудки и не смѣшныя слабости людей обыкновенныхъ, но или пагубные пороки или злодѣянія. Неудачная новизна сія очень сблизила между собою два разнородныя и даже противуположныя сочиненія, трагедію и комедію. Впечатлѣніе ослаблено, а съ нимъ вмѣстѣ и сила удовольствія. Беверлей, предавшійся карточной игрѣ, разорлетъ все свое семейство: онъ жалокъ, но не возбуждаетъ во мнѣ жалости трагической, ибо я вижу въ немъ человѣка, имѣющаго впрочемъ доброе сердце, но безразсуднаго, невольнаго и слабого, человѣка, которой подружился съ явнымъ плутомъ, позволяетъ ему обирать себя очевиднымъ образомъ, и которой самъ есть главный виновникъ всего своего несчастія. Реньяръ, извѣстный Французскій стихотворецъ, поступилъ гораздо лучше, сдѣлавши игрока первымъ лицомъ въ комедіи. Одна и та же страсть, составляющая главное дѣло въ драмѣ, негодится равно и для комедій и для трагедій. „Но Беверлей умираетъ въ шемницѣ! развѣ еще не ужасно

и не жалостно. Здѣсь - по и оказывается, что авторъ, погнавшись за ужасомъ и жалостію, упустилъ изъ виду правдоподобіе. Беверлей окруженный родными умираетъ не въ безпамятствѣ; и не смотря на то никому неизвѣстно идолопоклонникъ ли онъ, христіанинъ ли, магомепанинъ, или исповѣдывающій никакой вѣры! Беверлей представлялъ г. Шушеринъ. Справедливость пребудетъ упомянуть и о г-жѣ Воробьевой, которая играла г-жу Беверлей вообще хорошо, а въ сценахъ разговора ея со Стукелліемъ превосходно.

Октябрь 17 *Хвастунъ*, комедія въ 5 *актахъ*, соч. Княжнина и опера *Дѣвишникъ*, или *Филаткина свадьба*. Верховлетъ можно бы называть только хвастуномъ, еслибъ онъ будучи въ самомъ дѣлѣ Графомъ, часто хвалился своею знатностію, или еслибъ, имѣя богатія помѣстья, говорилъ о нихъ ксташи и не ксташи; но Верховлетъ выдаетъ себя за Графа, не будучи Графомъ, и говоритъ о своихъ помѣстьяхъ, которыхъ совсѣмъ неимѣетъ, единственно для того чтобы симъ способомъ выманивать у простяковъ деньги и чтобы выгодно женичься: слѣдовательно Верховлетъ не хвастунъ, а лжецъ, обманщикъ и плутъ. Хвастуны только надѣдаютъ ушамъ, а подобные Верховлету люди опустошаютъ карманы. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ очень мало комедій, равныхъ *Хвастуну* нашего стихотворца. По моему мнѣнію, здѣсь разнообразіе характеровъ есть главное достоинство. Простодумъ, Чванкина, Честонъ, Верховлетъ какія удивительныя лица! Очень желательно, чтобы актеры вникали въ слова свои, какъ вникаетъ въ нихъ на примѣръ г. Колпа-

ковъ, и произношеніемъ своимъ давали бы имъ надлежащую значительность. Сколько сильныхъ, прогашельныхъ, или остроумныхъ мыслей не доходятъ до ума, до сердца; а иногда, увы! и до ушей зрителя, потому только что онъ не такъ бывающъ произнесены! Слѣдующія слова должны бы заставили зрителя улыбнуться :

Нарядъ достоинствамъ замѣна и умамъ
И такъ вы видите, какъ епо нужно вамъ;

Но они бывающъ совсѣмъ незамѣченны, и въ епомъ не зрителя виноваты. Такъ въ *Фингалѣ* прекрасныя и значительныя слова *я здѣсь не въ первой разѣ*, показывающія все превосходство Фингала передъ Старномъ и напоминающія о прежнихъ его побѣдахъ въ сраженіи Локлинской, каждой разѣ бывающъ потерянны для зрителей.

Д. Д.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ Амросіанской бібліотекѣ въ Медиоланѣ хранится рукопись *Виргиліевыхъ* твореній; принадлежавшая *Петраркѣ*. Сей нѣжный и несчастливый стихотворецъ на краю книги написалъ собственною рукою день *Лауриной* кончины слѣдующимъ образомъ :

„Лаура, знаменитая своими добродѣтелями, и которая многіе годы была предметомъ моихъ стихотвореній, взорамъ моимъ

представилась въ первой разѣ 6 Апрѣля 1327 года въ церкви Св. Клары, въ Авиньонѣ.

„Въ той же церкви, въ той же день и въ той же часѣ 1348 года сіе свѣтило угасло, сіе солнце озарявшее міръ закатилось. Я былъ тогда въ Веронѣ и неподозрѣвалъ о своемъ несчастіи; не прежде какъ въ ту день слѣдующаго мѣсяца получилъ я письмо отъ друга своего Лудовика, извѣстившаго меня о семъ роковомъ происшествіи. Въ самой день смерти, ея шло, прекрасное и непорочное, послѣ вечерни положено въ Кордельерской церкви. Я несомнѣваюсь, что душа ее, скажу вмѣстѣ съ Сенекою, возвратилась на небо, въ прежнее свое обиталище.

„Чтобы всегда имѣть въ памяти своей столь горестную потерю, я записалъ подробно сіи въ книгѣ, безпрестано мною читаемой, и такимъ образомъ приготовилъ для себя удовольствіе, печалію растворенное. Потеря сія, всегда пребывающая въ моей памяти, будетъ швердить мнѣ, что нѣтъ для меня счастья въ здѣшнемъ мірѣ, и что пора мнѣ отречься отъ свѣта, ибо распоргнушы узы меня съ нимъ соединявшія. Надѣюсь, что съ Божіею помощію сіе отреченіе не будетъ для меня труднымъ. Душа моя, обращаясь къ прошедшему, увидитъ, что прежнія заботы ея были суежны и тщетны, что надежда, ея питавшая, была обманчива, что замыслы ея несовершились, и что они устремлялись только къ несчастію. *Петрарка.*“
(*Esprit des journ.*)

Въ Парижскихъ журналахъ объявляютъ объ изданныхъ въ Лондонѣ *Письмахъ Мар-*
NO 21. Д

жизни *Дю-Деффанъ къ Горацию Валлолю*. Нельзя сказать, чтобы въ блестящихъ обществахъ неизвѣстна была еша Маркиза *Дю-Деффанъ*, у которой нѣкогда собирались *Даламберъ*, *Монтескй*, *Гено*, *Вольтеръ*, *Сенъ-Ламберъ*, *Маркизъ Даржанъ*, *Мармонтель*, г-жи *Люксамбургъ*, *Шуазель*, *Лавалаеръ*, *Шатле*, *Спаль*, *Леспинассъ* и проч. Не будемъ спорить объ ея умѣ и дарованіяхъ, которыя прославляемы были природными Французами, и которыми по должности своей удивлялись Французы неприродные; но скажемъ только, что она была развратная и бездушная вольнодумка. Сладкое чувство дружбы неизвѣстно было ея сердцу, и она говаривала: *я ничего не люблю въ жизни!* Услышавши о смерти г-жи *Леспинассъ*, корошкой своей приятельницы, она воскликнула: *Ей надобно бы умереть за пятнадцать лѣтъ прежде, и я тогда не лишилась бы Даламбера!* Дурное воспитаніе и дурныя правила вѣка ея оставили въ ней споль сильное впечатлѣніе, что на восемьдесятъ четвертомъ году своей жизни она сказала священнику, пришедшему приготоовить ее къ смерти: *пожалуйте избавьте меня отъ трехъ вещей: отъ вопросовъ, отъ доказательствъ и отъ поученій*. По слѣдующему письму чинашели могутъ судить объ ея нѣжной чувствительности: „*Лалли казненъ прешьяго дня въ пяшницу въ вечеру, въ пять часовъ. Неоднократно покушался онъ умершвить себя: въ первой разъ прокололъ себя пониже сердца половиною циркуля, которой спряшанъ у него былъ за подкладкою; въ другой разъ хотѣлъ онъ проглотить маленькую желѣзную вещицу, одни говорятъ, будто бы нарочно для того*

„имъ сдѣланную, а по увѣренію другихъ еще
 „была зубочистка; наконецъ, боясь чтобы
 „онъ не усиблѣ въ своемъ намѣреніи, донесла
 „о томъ Королю, и Король велѣлъ произвести
 „казнь немедленно. Опасались, чтобы Лалли
 „непроглотилъ своего языка, и для того
 „вложили ему кляпъ. Онъ умеръ какъ бѣше-
 „ный; надлежало бы везти его на площадь въ
 „черной каретѣ; но какъ она еще неприѣхала,
 „по его посадили на грязную шелегу. Онъ
 „умерщвленъ двумя ударами; народъ хлопалъ
 „въ ладоши во время казни. . . . Публика боя-
 „лась, чтобы его не простили, или не умень-
 „шили бы ему наказанія; она непремѣнно хо-
 „пѣла, чтобы его казнили, и очень довольна
 „была всѣмъ шѣмъ, что служило къ больше-
 „му позору обвиненнаго — грязною шелегою,
 „оковами, кляпомъ; епомъ кляпъ успокоилъ
 „духовника, которой боялся бытъ укушен-
 „нымъ. Нѣкоторые жалѣютъ объ Лалли, но
 „очень не многие: онъ былъ великой плутъ,
 „а всего хуже весьма *неприятенъ* собою.“

Но оставимъ почтенную г-жу Дю - Деф-
 фанъ, и выпишемъ одинъ очень забавный анек-
 дотъ, находящійся въ ея письмахъ. „Король
 „отбужинавши, идетъ къ г-жѣ Викшуаръ, под-
 „зываетъ слугу и опдаеъ ему письмо, гово-
 „ря: Яковъ! отнеси это письмо къ Дюку
 „Шуазелю, и скажи чтобы онъ теперь же
 „опдалъ его Епископу Орлеанскому. Яковъ
 „идетъ къ Шуазелю, котораго находитъ у
 „Пентъевра; Шуазель беретъ письмо и прика-
 „зываетъ другому слугѣ узнать, гдѣ находится
 „Епископъ и его поскорѣе увѣдомить. Че-
 „резъ полтора часа возвращается слуга и до-
 „носитъ, что не могъ достучаться въ домъ

„его преосвященства, и что оббгавши весь
 „городъ, ничего несвѣдалъ. Дюкъ рѣшаемъ-
 „ся искашь Епископа, приходишь къ его до-
 „му, идешь вверхъ по стну двадцати осми спу-
 „пенямъ, и начинаешь спучаться въ дверь
 „изо всей силы. Выбѣжали слуги. Гдѣ Епи-
 „скопъ? — Онъ легъ почивать въ десять ча-
 „совъ и шеперь въ постелѣ. — Ошворите! —
 „Будяшь Епископа. — Что такое сдѣлалось?
 „кто шутъ? — Это я; вошь рескриптъ отъ
 „Короля . . . — Рескриптъ отъ Короля? Боже
 „мой! да кошорой шеперь часъ? уже два часа!
 „но я не могу чипашъ безъ очковъ. — Гдѣ же
 „ваши очки? — Тамъ въ карманѣ исподняго
 „плашья. — И Миниспрѣ бросидся искашь оч-
 „ковъ, а Епископъ думалъ между шѣмъ: что
 „бы въ епомѣ рескриптъ заключалось? Ужь не
 „умеръ ли скоропоспшижно Парижскій Архіепис-
 „копъ? — Миниспрѣ вызывается прочесть
 „рескриптъ, а Епископъ желаетъ напередъ
 „самъ узнать, что въ немъ содержится; но
 „не могли разобрать, отдаешь Шуазелю,
 „кошорой чипаетъ слѣдующее: *Господинъ*
 „*Епископъ Орлеанскій!* *Дочери мои хо-*
 „*тятъ покушать квитъ вареныхъ въ саха-*
 „*рѣ; имъ надобно три коробочки; приш-*
 „*лите; если нѣтъ ихъ. у васъ (въ епомѣ*
 „*мѣстѣ письма нарисованы были носилки),*
 „*то немедленно пошлите за ними въ енар-*
 „*шескій свой городъ. Салмыя малыя коро-*
 „*бочки. За тѣмъ, Богъ да сохранитъ васъ,*
 „*господинъ Епископъ Орлеанскій, подъ свя-*
 „*тымъ своимъ покровомъ. Подписанно: Лу-*
 „*довикъ.* И нѣсколько ниже прибавлено Р. S.
 „*Носилки ничего незначатъ; ихъ нарисо-*
 „*вали мои дочери на этомъ листкѣ бу-*
 „*маги, кошорой мнѣ попался.*“ Миниспрѣ

и Епископъ насилу опамятовались отъ удивленія. Въ шужь минушу опправленъ курьеръ: на другой день привезены квишы, обѣ которыхъ никто болѣе уже не думалъ.

*

Слѣдующее замѣчаніе помѣщено въ одномъ Французскомъ Журналѣ. Французы (и вообще Европейцы, можно бы прибавить) охотники до танцовъ; искусству сему учатся они при воспитаніи, и послѣ оплачиваются имѣ на балахъ. Напротивъ того жипели востока любяшъ танцы, какъ средство угождать чувственности, однакожъ не уважающъ ихъ и сами танцовать стыдяшся. Наши балы кажутся имѣ сумасбродствомъ. Баронъ Тоттъ пишетъ, что одинъ Турокъ, бывшій у Французскаго посла въ Константинополѣ на балѣ, испугался, увидѣвши мушинъ и женщинъ танцующихъ вмѣстѣ, сказалъ: „я уйду; мужья епихъ женщинъ непременно перерѣжуются между собою!“ и въ шужь минушу посѣбно вышелъ. — Въ Римѣ, въ цвѣтущее время республики, при Цезаряхъ и Цицеронахъ, посреди изобилія и роскоши, танцы были въ презрѣніи. Одинъ молодой гражданинъ военнаго званія, по имени Мурена, имѣлъ важную плямбу, которая дала поводъ войти въ изслѣдованіе о нравахъ его и поступкахъ; его обвиняли въ томъ, *будто бы онъ танцовалъ*, и по тому заключали, что онъ долженъ быть человекъ развратный. Самъ Цицеронъ, защищавшій Мурену, подумалъ, что гораздо легче доказать несправедливоспъ доноса, нежели, признавшись въ проступкѣ, убѣришь всѣхъ въ его маловажности. Вотъ слова Римскаго оратора: *Nemo fere saltat sobrius*, и. е. едва ли кто пляшетъ будучи въ през-

вомъ состояніи. Странная мысль, ежели судить по нынѣшнимъ обычаямъ. Въ нашихъ обществахъ напротивъ того почти всѣ танцуютъ, кромѣ пьяныхъ. Не забавенъ ли Царевичъ, думая, что танцуютъ только шѣ, кои не могутъ на ногахъ держаться?

Шутъ какого-то Короля (написано во Фран. Мерк.) доказывалъ, будто сословіе врачей многочисленнѣе всѣхъ прочихъ: Смѣло можно сказать, что число астрономовъ еще превосходнѣе, именно съ шѣхъ поръ какъ появилась комета. Всѣ дома, съ нижняго этажа до чердака, наполнены астрономами; и въ пышныхъ чертогахъ разсуждаютъ о семъ небесномъ шѣлѣ съ такою же ученостію какъ и въ лавочкахъ, едва примѣтныхъ надъ мостовою подъ огромнымъ зданіемъ. Каждой по своему изъясняетъ свойства и дѣйствія кометы, и почти всѣ говорятъ о ней неслыхкомъ выгодно. Бѣдную комету обвиняютъ во всѣхъ злключеніяхъ, перпимыхъ на земномъ нашемъ шарѣ. Въ одномъ мѣстѣ жары; ещому виню комета! въ другомъ проливные дожди и сильныя вѣтры; и это отъ кометы же! тамъ пожары, наводненія, болѣзни: опять комета! Что ежели она упадетъ къ намъ на землю? о! тогда сторишь не одно тумно, не одна роца! Добрые люди! переспаньте взвѣдись небылицы на комету, и спите себѣ спокойно. Сіе небесное шѣло совершаетъ теченіе свое пупемъ, ей предназначенымъ. Нынѣ видимая комета находится теперь отъ насъ въ тридцати милліонахъ миляхъ — разстояніе, кажется, не близкое! — При томъ же она теперь удаляется отъ обитаемой нами планеты; и шакъ нѣтъ сомнѣнія, что она не-

упадетъ на ваши дома. Вліяніе кометы болѣе всѣхъ беспокоитъ сидящаго въ обсерваторіи аспронома Буркарда, котораго поминутно спрашиваютъ любопытные: что дѣлается съ кометою ?

*

Опмаръ Франкъ, много писавшій о Персидскомъ языкѣ, въ новомъ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ: *Linguae Germanicae origo Persica*, т. е. *О происхожденіи Нѣмецкаго языка отъ Персидскаго*, сравнивъ 2000 Нѣмецкихъ словъ съ столькимъ же числомъ словъ Персидскихъ, одинакое съ ними значеніе имѣющихъ, доказываетъ сильными доводами, что оба языка произошли отъ одного начала. Впрочемъ это не новое; ученые знатоки восточныхъ языковъ всѣ наши коренные и древніе Европейскіе языки производятъ отъ восточныхъ.)

IV. ПОЛИТИКА.

Объ опасностяхъ, угрожающихъ Турецкой Имперіи.

Многіе думаютъ, что единственно въ-годами Европейскихъ Державъ охраняется Турецкое господство въ Европѣ, и что онѣ

согласившись между собою легко прогнали бы Турковъ въ Азію.

Турецкая Имперія состоить изъ прекраснѣйшихъ обласпей въ Азіи и въ Европѣ. Плодоносная земля, умѣренный климатъ и выгодное положеніе при моряхъ суть важнѣйшія и драгоцѣннѣйшія преимуществва оной. Однакожъ въ сей прекрасной странѣ, по извѣстіямъ новыхъ и самыхъ достоверныхъ путешественниковъ, на примѣръ Бровна, Еспона и другихъ, число жителей примѣтно уменьшается; цѣлыя деревни около большихъ городовъ въ Азіи безпрестанно исчезаютъ, и пустыня Сирійская часъ отъ часу становится простирающеюся; но не одна Азія опустошается жестокимъ самовластіемъ Пашей и корыслолюбіемъ ихъ чиновниковъ, — и Европейскія провинціи страдаютъ равномерно. Не должно также забывать, что онѣ часто бываютъ позорищемъ опустошительной войны, и что совокупно съ нею морская язва и голодъ содѣйствуютъ истребленію народа. Впрочемъ государство Турецкое, при всемъ малолюдствѣ своемъ, нынѣ вмѣщаетъ въ себѣ болѣе двадцати милліоновъ жителей (по счету нѣкоторыхъ 25, по другимъ 27, а иные полагаютъ 28 милліоновъ), кои по исповѣданіямъ вѣры раздѣляются на Магомешанъ,

Христіянѣ, Евреевѣ и проч., а по происхожденію, на Турковѣ, Аравлянѣ, Албанцовѣ (Арнаушовѣ), Курдовѣ, Валаховѣ, Грековѣ, Армянѣ, Евреевѣ и ш. д.

Турки и Аравляне составляютъ наибольшее число жителей въ Имперіи; первые суть народъ господствующій, гордый, имѣющій крѣпкое сложеніе тѣла, исполненный фанашизма и привыкшій къ плаккой умѣренности, которая удивляетъ Европейца. Турецкой солдатѣ насыщается малымъ количествомъ сороцинскаго пшена, и несмотря на то всегда бываетъ бодръ и веселъ. Онъ удобно переноситъ всѣ нужды и всѣ безпокойства, отваживается на всѣ опасности; увлеченный силою опіума и вѣры въ сраженіе, думаетъ единственно о смерти или о побѣдѣ. Всякая война противъ Европейцевъ почитается Турками войною за вѣру. Кто противъ нихъ вооружается, тотъ восстаетъ и противъ ученія Магомешова. Земля, на которой разбивается Магомешово знамя, по мнѣнію ихъ, есть священная. Каждой Магомешанинѣ непременно долженъ явиться на бранномъ полѣ, когда вѣрѣ угрожаетъ опасность, и каждой по воззванію Султана долженъ съ мечемъ усремляться на истребленіе враговъ ученія пророкова. Сіе мнѣніе вкореняется въ Туркѣ съ младенче-

екаго возраста; каждой Турокъ съ нимъ вмѣстѣ возрастаетъ, напередъ починая себя любимцемъ неба, предназначеннымъ для наслажденія всѣми утѣхами, еслибъ ему случилось пашь на сраженіи за вѣру Магометову. Сія увѣренность одушевляетъ его, напрягаетъ всѣ его силы, производитъ въ немъ восторгъ, и онъ не спрашивается ни пѣгоспныхъ трудовъ, ниже самой смерти. Къ симъ побудительнымъ причинамъ надобно еще прибавить тѣлесную силу. Констанцинопольскіе носильщики въ состояніи поднимаютъ гораздо большую тяжесть нежели Англійскіе мапросы или рабочіе люди другаго какого-либо народа. Благоприятствующій климатъ, здоровая пища, простота въ образѣ жизни надѣляютъ ихъ сею крѣпостию тѣла, и каждой Турокъ бодро путешествуетъ по песчанымъ степямъ и пустынямъ, по горамъ и дубравамъ; преодолевши всѣ трудности, онъ отважно бросается въ огонь сраженія, будучи твердо увѣренъ, что не умретъ, если судьба шамъ умереть ему не предопредѣлила, и что неприятельскій штыкъ не прикоснется до тѣла его, ежели въ книгѣ судьбы преднаписана ему другая участь. Увѣренность сія ободряетъ его духъ и подкрѣпляетъ тѣло, и потому упрямство доходитъ въ немъ иногда до бѣшенства, такъ что мнѣніе свое скорѣе согласится онъ запечатлѣть смертію, не-

жели опступипь отъ него на одинъ волосъ. По сей причинѣ всѣ политическіе переговоры съ Турками обыкновенно продолжаются очень медленно, когда пребуется отъ нихъ какая-либо уступка. Только спрахомъ заставишь ихъ можно на что-нибудь согласиться. Причины и доказательства ничего непомогаютъ; и ежели дѣло идееть о заключеніи мира, то надобно чпобы напередъ войска ихъ претерѣвли спрашное пораженіе; ужасомъ ослабить можно всѣ ихъ силы, а какъ скоро они опамятуется и ободрятся, то опять уже шрудно бываетъ опвеспи ихъ отъ прежнихъ требованій.

Всѣ Магомешане признають общемою своею выгодною сохраненіе, распроспраненіе и господство ученія Магомешова. Сей союзъ всѣхъ ихъ соединяетъ, испребляя между ними всякую вражду по крайней мѣрѣ въ потребномъ случаѣ. Представивши себѣ, чшо всякой Мусульманинъ есть воинъ, мы не будемъ удивляться, ежели Султанъ можетъ выспавишь въ поле многочисленныя ополченія. Самыя храбрыя войска набираются въ Албаніи, въ Мореи, въ Босніи и при Кавказѣ. Одинъ прилѣжный наблюдатель Турецкой Имперіи (Морье) замѣчаетъ: „Спашься можетъ къ счастію Европы всѣ усилія, Европейскими офицерами употребленныя къ обученію Турковъ, до нынѣ

оспаивались тщеславными; ибо, судя по мужеству, по пблесной крбпости и военному образу жизни Турковб, заключить надобно, что они неуступаютъ никакому народу.“ У кого опнимающб вбру, честь и свободу, того покорить очень трудно; онб скорбѣ погибнетб, нежели уступитб поббдишело. Вбра можетб произвести вб Туркахб чрезвычайныя дбйствія; а еслибъ предводители ихб были сполько искусны и дальновидны, сколько солдаты рбшишельны и храбры, то Европа имбла бы справедливую причину опасаться.

И такб при покушеніи выгнать Турковб изб Европы, не сполько сб ихб спорныя встрбпились бы препяшства, но еще и со спороны прочихб Державб Европы. Франція и Англія имбютб великую выгоду опб торговыхб сношеній сб Турецкими провинціями какб вб Европб такб и вб другихб частяхб свбща, и оба упомянутыя Государства не замедлили бы употребить всб средства кб сохраненію Турціи. Но не однб торговыя выгоды заставили бы Англію и Францію помогать Туркамб, а еще и политическія: кому достанется Константинополь, спощб получитб во власть свою безчисленные источники могущества; при обладаніи богатбйшими спранами вб свбщб, онб не замедлитб бы сблаться пол-

нымъ властелиномъ морей Чернаго и Средиземнаго. Мысль о полипическомъ равновѣсїи явно и шайно управляетъ всѣми предприятїями Державъ Европейскихъ. По сему-то вѣроянно Турки на долго еще останутся обладателями Европейскихъ провинцій, и если бы всѣ Государства согласились раздѣлить ихъ Имперїю, то при самомъ началѣ встрѣтились бы великія препятства. Ревность обыкновенно рождаетъ несогласїя, и потому не легко можно было бы окончить дѣлежъ Европейской Турціи.

Гораздо большая опасность угрожаетъ Туркамъ со стороны Вехабитовъ. Вѣра безусловно предписывающая или смерть или обращенїе, вѣра похваляющаяся простотою и непорочносїю, въ самомъ дѣлѣ весьма опасна для всѣхъ тѣхъ, къ которымъ приближаются ея послѣдователи. Вехабиты не желаютъ совсѣмъ истребить ученїе Магометово, а только его очистишь; потому-то вѣру ихъ уже и одобряютъ многіе изъ тѣхъ, которые не довольствуясь обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ, прилѣжно вникаютъ въ подробности и замѣчаютъ все хорошее; но не одни только сїи люди благоприятствуютъ Вехабитамъ; намеренїямъ ихъ содѣйствуетъ еще и разность въ сужденїяхъ Магометанскаго исповѣданїя. Въ пятьдесятъ лѣтъ бышїя своего какіе быстрые

успѣхи оказала вѣра Вехабишова! Кажется, Вехабиши превосходятъ Турковъ какъ въ искусствѣ военномъ, такъ и въ проворствѣ. Они возяшъ пушки на своихъ верблюдахъ, и часто являюща внезапно шамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не ожидали. Новое ученіе, и одною уже новостію своею приманчивое, бываетъ весьма опасно, когда огонь и мечъ ему содѣйствуютъ. Ежели когда-либо и удастся Турецкому Пашѣ одержать верхъ надъ отрядомъ Вехабишова, то слѣдствія побѣды обыкновенно бывающъ весьма непродолжительны; ибо Вехабиши собравшись въ большемъ прежняго числѣ возобновляютъ нападеніе, и иногда уже нѣтъ къ миру другаго средства кромѣ обращенія или смерти. Вехабишамъ дѣйствительно благоприятствовали нѣкопорые знашны Паша Азіи; иначе они встрѣтили бы сильное препятство, на которое сначала Турки очень надѣялись. Чрезъ то сдѣлались они сильнѣе и ужаснѣе, а страхъ ослабляетъ въ Туркахъ мужество, ободряя Вехабишова.

Развѣ только посредствомъ соединенія всѣхъ силъ Турецкой Имперіи можно бы поддерживать господство ея въ Азіи; но совершенно воспрепятствовать успѣхамъ Вехабишова кажется совсѣмъ невозможно. Нельзя надѣяться примиренія между Магометанами и Вехабишами; ибо пока будутъ

они сопредѣльны между собою, дополь намѣренія послѣднихъ непереспанувъ устремляясь къ распространенію новаго ученія и къ умноженію числа своихъ обноврцовъ.

Судя по нынѣшнему состоянію Турціи и по различнымъ отношеніямъ ея къ державамъ Европы, кажется что изгнаніе Турковъ за Восфоръ не такъ еще близко, но что напрошивъ того великая опасность угрожаетъ имъ со стороны Вехабишовъ.

(Minerva v. Агфенъ.)

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Изъ Парижа, отъ 25 Сентября, н. ст. Сего мѣсяца 22 числа Императрица изволила прибыть въ Бриссель. — Императора нашего сопровождающъ въ пути Министры иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, Министръ финансовъ, Министръ морскихъ силъ и Министръ Государственный Секретарь.

Отъ 28 Сентября, н. ст. Императоръ нашъ, пробывъ Булонь, Кале и Остенде, прибылъ 23 числа сего мѣсяца въ Брескенсъ, гдѣ, какъ говорятъ, Его Величество пробудетъ до 27 числа, а потомъ отправится въ Амшверпенъ, куда прибудетъ и Императрица.

Изъ Антверпена, отъ 30 Сентября, н. ст. Сего числа въ 2 часа по полуночи Императоръ прибылъ по рѣкѣ Шельдѣ въ здѣшній городъ, а въ 4 часа по полудни обрадованы были мы прибытіемъ сюда и Ея Величества Императрицы.

*

Изъ Веймара, отъ 30 Сентября, н. ст. Сего числа во второмъ часу по полуночи Наслѣдная Принцесса наша, Великая Княгиня МАРІЯ ПАВЛОВНА, разрѣшилась благополучно отъ бремени Принцессою. Какъ Ея Императорское Высочество, такъ и новорожденная находятся въ вожделѣнномъ здравіи.

(С. Поч.)

*

Вѣна, отъ 25 Сентября, н. ст. По случаю кончины Архіепископа Ольмюцкаго надлежало мѣсто его засиупить Ерц-Герцогу Рудольфу; но онъ отказался отъ принятія на себя должности Архіепископа, и оный вступилъ въ свѣтское состояніе.

Презбургъ, отъ 1 Октября, н. ст. Собравшійся въ здѣшнемъ городѣ Государственный сеймъ имѣлъ 23 го Сентября одиннадцатое, а 26 го двѣнадцатое свое засѣданіе; въ послѣднее изъ оныхъ объявлено Высочайшее рѣшеніе на представленіе, которое было поднесено государственными чинами Императору. — Ихъ Величества Императоръ и Императрица наши со всею своею фамиліею отправились обратно въ Вѣну.

*

Изъ Швейцаріи, отъ 14 го Сентября, н. ст. Совѣтъ Бернского Кантона издалъ про-

кламацію, коею онъ признаетъ справедливымъ мнѣніе, сообщенное ему Швейцарскимъ Ландманомъ и содержащее въ себѣ слѣдующее: 1.) Чтобы всѣ шѣ изъ жителей сего Кантона, кои находясь въ Англійской службѣ, были немедленно изъ оной опозваны. 2.) Срокъ возвращенія въ отечество назначается имъ къ концу нынѣшняго года, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ лишенія права гражданина и жительства Швейцаріи и конфискованія движимаго и недвижимаго ихъ имѣнія. 3.) Что сіе наказаніе разпространяется и на шѣхъ, копорые впредь всступятъ въ Англійскую службу.

✱

Солотурнъ, отъ 26го Сентября, н. ст.

На сихъ дняхъ ожидаютъ сюда Графа Готторпскаго. О семъ узнали мы отъ прибывшаго въ Базель Датскаго Офицера, сопровождающаго сего Графа, который, какъ думаютъ, намѣренъ остаться въ Швейцаріи.

✱

Лондонъ, отъ 21 Сентября, н. ст. Нынѣ

(сказано въ однихъ Англійскихъ вѣдомостяхъ The Day) все попеченіе Наполеона усмремлено на заведеніе Французской морской силы. Правда, храбрость и искусство Англійскихъ Адмираловъ почти совершенно уничтожили Французской флотъ, который былъ нѣкогда силенъ; но то, что истреблено искусствомъ и храбростію, возстановить можетъ Геній, вспомоществуемый прудолубіемъ и неусыпностію. Франція удобно можетъ построишь многочисленный флотъ. Мы весьма ошибемся, ежели предполагать шанемъ, что люди, не привыкшіе жить на морѣ, однимъ искусствомъ своимъ не въ состояніи будутъ отвращать всѣхъ опасностей. Какъ скоро Французы уви-

дѣтъ, что число кораблей ихъ гораздо превосходитъ число нашихъ, по уже ничто не принудитъ ихъ осмѣиваться въ своихъ гаваняхъ, а особливо ежели они будутъ увѣрены, что отважнымъ выходомъ своимъ могутъ исполнить какое либо великое предпріятіе. — Несогласіе наше съ Америкою и несчастное положеніе Ирландіи подають Наполеону удобнѣйшій случай употребить всѣ зависящія отъ него способы къ заведенію морской силы. Виды правительства и надежда Французовъ равномерно усремлены къ сему весьма важному предмету. По новѣйшимъ извѣстіямъ съ Французскихъ и Голландскихъ береговъ, народъ совершенно увѣренъ, что Франція въ непродолжительномъ времени будетъ имѣть флотъ, которъй, по крайней мѣрѣ въ искусствѣ, не уступитъ Великобританскимъ флотамъ. Когда виды правительства основываются на истинныхъ чувствованіяхъ народа, по предпріемлемымъ къ исполненію оныхъ мѣры почти всегда бывають дешавочны и дѣйствительны. Дѣлаемые неприятелемъ на рѣкѣ Шельдѣ большія приготошенія къ произведенію въ дѣйство предполагаемыхъ имъ морскихъ предпріятій приводятъ насъ въ великое безпокойство. Несчастія, каковыя для насъ произойти могутъ отъ удачнаго выхода Французской эскадры, которая должна будетъ идти къ Ирландіи, или въ Америку, заслуживають великое вниманіе. — Во Франціи всѣ вообще думаютъ, что Наполеонъ въ скоромъ времени будетъ имѣть такія морскія силы, которыя въ состояніи будутъ съ успѣхомъ противиться нашимъ. Извѣстно, что на одной только Шельдѣ, еще до наступающаго Января, приготошится флотъ изъ 30 или 35 линейныхъ

кораблей. Слѣдовательно намъ надлежитъ съ великою неусыпностію смотрѣть за его движеніями. Шѣмъ болѣе, что Наполеонъ всячески спарается лишить насъ превосходства, каковое имѣемъ мы на морѣ.

Отъ 25 Сентября, н. ст. Въ ношѣ, поданной Англійскимъ Министромъ Г. Веллелемъ Кадикской Инсуррекціонной Юншѣ, между прочимъ сказано слѣдующее: „За нѣсколько времени предъ симъ выданные въ Кадиксѣ листки и разнесшіея повсюду слухи сдѣлались для имени и достоинства Англійскаго народа весьма оскорбительны и клоняшся единственно къ поддержанію намѣреній непріятели и къ посѣянію вражды между союзниками. А попому я нарушилъ бы обязанность, со званіемъ моимъ сопряженную, и поступилъ бы вопреки чувствованіямъ, каковыми каждый Англичанинъ долженъ быть исполненъ, ежели бы сталъ равнодушно взирать на оскорбленія, ежедневно причиняемыя моему отечеству. При семъ прилагаю одинъ изъ такихъ листковъ, въ которомъ приписывается Королю, моему Государю, также Его Правительству и Англійской націи намѣренія совершенно противныя чести, справедливости и всѣмъ правиламъ, побудившимъ Великобританію подкрѣплять Испанскую націю. Клевешники спараются увѣрить, что Испанскія Провинціи, къ Португальскимъ границамъ прилежація, поручены военному начальству Лорда Веллингтона; что Испанскими войсками командуютъ Англійскіе офицеры, дабы со временемъ совершенно отшоргнуть ихъ отъ Испанскаго Правительства и обратиться въ настоящую Англійскую армію. Равнымъ образомъ

приписываютъ они Бришанскому правительству намѣреніе послать къ Кадиксъ нарочитое число войскъ подъ видомъ подкрѣпленія, но въ самомъ дѣлѣ чтобы посредствомъ оныхъ удобнѣе можно было взять во власть свою городъ и островъ, и управлять оными именемъ Его Величества Короля Великобританскаго. Я утверждаю, что весьма неосновательно располкованы ношы, поданныя мною въ минувшемъ Маршѣ, въ которыхъ я хошѣлъ дать уразумѣть, что было бы весьма хорошо, когда бы пограничныя съ Португалліею Испанскія провинціи поручены были на время управленію Лорда Валлингтона; такое распоряженіе не имѣло никакой другой цѣли, кромѣ той чтобы Лордъ Веллингтонъ удобнѣе могъ получать отъ помянутыхъ областей военную помощь, каковую онъ подавалъ ему въ состояніи. Также торжественнымъ образомъ утверждаю, что ни мой Государь, ни его правительство никогда не имѣли желанія овладѣть Кадиксомъ, и что, когда бы туда послано было подкрѣпленіе, то бы сіе безъ всякаго сомнѣнія сдѣлано было съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, дабы споспѣшествовать защищенію Кадикса. Наконецъ г. Веллеслей проситъ Юншу обнародовать сію поданную имъ ношу, для отвращенія могущихъ произойти неприятныхъ послѣдствій.“

(С. П. В.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 22. НОЯБРЬ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Изъ Гиббоновой Исторіи объ уладѣ
и разрушеніи Римской Имперіи
Глава XL.*

(Продолженіе.)

Возмущеніе, которое едва неразрушило Конспантинополя, началось отъ взаимной ненависти и минушнаго примиренія обѣихъ парцій. Въ пятой годѣ своего царства Юстиніанъ праздновалъ Иды Января мѣсяца: въ продолженіе игръ зеленые непрерывавали извѣявлять негодованія своего громкими воплями; до двадцати вѣчераго бѣга Императоръ удерживалъ молчаливую свою важность; на послѣдокъ, потерявши терпѣніе, унизился до того что вступилъ въ разговоръ съ безпокойными рушителями порядка. Сей разговоръ, одинъ изъ числа

самыхъ странныхъ, какіе когда либо происходили между государемъ и подданными, соспоаявъ изъ опривиспыхъ изреченій, произнесенныхъ со стороны Юспиніана посредствомъ глашатая. Зеленые сперва жаловались почтительно и крошко; они обвиняли чиновниковъ въ нагломъ приписненіи и громко гласно желали Императору долготной жизни и побѣдъ надъ врагами. „Будьте терпѣливы и внимательны, вы безчинные злоязычники!“ воскликнулъ Юспиніанъ: „онѣмѣйше, Жиды, Самаряне и Манихеи!“ Зеленые все еще неопчаевались возбудить въ немъ состраданіе: „Мы бѣдны, мы невинны, мы обижены, мы несмѣемъ на улицахъ появляться: всеобщее гоненіе свѣршпвается прошивъ нашего имени и цвѣта. Вели, Государь, умереть намъ; но пускай мы умремъ по швоему приказанію и за швои выгоды!“ Повтореніе ругательствъ унизили въ глазахъ ихъ величїе порфиры, и они явно опрелись повиноваться Государю, которой отказываетъ подданнымъ своимъ въ справедливомъ удовольствореніи; проклинали рожденіе отца Юспиніанова, а сыну его приписывали оскорбительныя имена убійцы и клятвопреступнаго ширапа. „Такъ вамъ нежаль своей жизни?“ воскликнулъ Монархъ раздраженный. Тутъ синїе съ бѣшенствомъ вспали съ мѣстъ своихъ, и грозные вопли

ихъ раздались въ Ипподромѣ; а пропивши ихъ, предвидя неравенство боя, разбѣжались и распроспранили ужасъ и опчаянїе по спогнамъ Конспаншинопольскимъ. Въ сїи опасныя минушы вели на казнь семерыхъ убійцъ, принадлежавшихъ къ обѣимъ партїямъ и осужденныхъ Префектомъ; ихъ перевезли въ предмѣстїе Перу на мѣсто казни. Чешверымъ немедленно опрублены головы, пятой повѣшенъ; оба послѣднїе подверглись равной участи; но веревки перервались, и пресупники живые упали на землю; народъ обрадовался ихъ избавленїю, а монахи изъ ближняго монастыря Св. Конона перевезли ихъ на лодкѣ къ себѣ и дали имъ убѣжище при святынь церкви. Поелику пресупники были одинъ синей партїи, а другой зеленой, по обѣ стороны сїи равнобрно ожесточились прошиву общаго припѣснителя и заключили между собою перемирїе до освобожденїя плѣнниковъ и дополъ пока неудовлетворится ихъ мщенїе. Домъ Префекта, дерзнувшаго удержашъ спремишельной попокъ возмущенїя, немедленно преданъ пламени; чиновники его и спражи умерщвлены; опворены темницы и возвращена свобода такимъ людямъ, которые должны были упопребить ее на общую погибель. Опрядъ военный, посланный на помощь гражданскому начальству, яроспно встрѣченъ во-

оруженною толпою, коея многолюдство и дерзость безпрестанно увеличивались. Герулы, самые свирѣнныя варвары, находившіяся въ службѣ Имперіи, опрокинули сонмъ служителей церкви, которые вышли со святыми вещами, надѣясь останавити кровопролитіе. Жестокость миссѣжа еще болѣе усилилась отъ сего неуваженія къ святымъ; народъ жарко сражался за оскорбленіе Бога; женщины изъ оконъ и съ кровель поражали каменьями воиновъ, которые бросали пылающія головы въ дома, и пожаръ безпрепятственно распространяемый гражданами и чужестранцами свирѣпствовалъ по всему городу. Огонь обхватилъ уже соборную церковь Св. Софїи, бани Зевксипповы, часть дворца отъ перваго входа до Марсова жертвенника и длинной портикъ начиная отъ царскихъ черпотовъ до площади Конспаншиновой; обширная больница съ находившимися въ ней людьми испреблена пламенемъ; многіе храмы и великолѣпныя зданія разрушены; безчисленные сокровища золота и серебра или расшопились, или пропали. Благоразумные и заживочные граждане искали убѣжища отъ сихъ ужасныхъ происшествій на Азійскомъ берегу Восфора. Пять дней Конспаншинополь былъ плачевнымъ позорищемъ бѣдствій, причиняемыхъ паршіями, коихъ военное восклицаніе Ника, ло-

бвждай, дало наименованіе сему достопамятному возмущенію.

Пока были раздѣлены обѣ партіи, поржеспвующая синяя и опчаянная зеленая, дополѣ, по видимому, съ равною холодноспію взирали онѣ на безпорядки въ Государствѣ. Но теперь онѣ обѣ единогласно порочили умышленную слабоспѣ правосудія, и управленіе финансами, и вину общеспвенныхъ бѣдспвій явно приписывали двумъ миниспрамѣ, хисптому Трибоніану и серебролюбивому Іоанну Каппадокійскому. При другихъ обстоятельспвахъ ропосѣ народа оспался бы неуваженнымъ; но ему вняли, когда пламя угрожало городу разрушеніемъ; Квесторѣ и Префектѣ немедленно были смѣнены, и должности ихъ поручены двумъ Сенапорамъ, извѣспнымъ по несомнишельной своей честности. Послѣ сего угожденія народу Юстиніанѣ явился въ Ипподромѣ, дабы признаться въ своихъ собственныхъ ошибкахъ и услышать раскаяніе благодарныхъ подданныхъ; но подданные не полагались на его увѣренія, поржеспвенно произнесенныя передъ святымъ Евангеліемъ, и Монархъ, огорченный ихъ недовѣрчивоспію, поспѣшно удалился въ укрѣпленные свои чертоги. Таковое упрямсво и явный мяшежъ признаны слѣдствіемъ шайнаго заговора; подозрѣвали, что возмушители, а особли-

во зеленая паршія, были снабжены оружіемъ и деньгами опъ Упатія и Помпея, двухъ паприціевъ, которые не могли ни забыть свъ честію для себя, ни вспоминая спокойно, что они были племянники Императора Анастасія. Сперва удостоенные довѣренности, потомъ опверженные, на послѣдокъ опять прощенные по боязливому легкомыслию Монарха, они явились передъ прономъ какъ вѣрные служители своего Государя, и въ продолженіе пяти мяшежныхъ дней были содержаны въ качествѣ заложниковъ; но когда спрахъ преодолѣлъ благоразуміе въ Юспиніанѣ, которой послѣ обоихъ братьевъ опасными соглядатаями, а можетъ быть и убійцами, по имъ грозно повелѣно было выдти изъ чертоговъ. Послѣ бесполезныхъ напоминаній, что повиновеніе въ семъ случаѣ можетъ довести ихъ до произвольной измѣны, они удалились въ свои дома. Въ шестой день поушру народъ схватилъ Упатія; невзирая ни на его сопропвленіе, ни на слезы его супруги, повлекъ на площадь Констанцинову, и тамъ увѣнчалъ его богатымъ ожерельемъ вмѣсто діадимы. Если бы сей принужденный покишилъ, защищаясь послѣ невинности свою медленностію, внялъ наущеніямъ своего сенапа и возбудилъ бы въ пользу свою бѣшенство народа, по первыя усилія неминуемо погубили бы робкаго Импе-

рашора, или низвергли бы его съ престола. Дворецъ Византійскій имѣлъ свободное сообщеніе съ моремъ; суда въ готовности спояли при лѣстницахъ сада; уже принято было тайное намѣреніе опираишь Императора съ фамилією его и сокровищами въ безопасное убѣжище.

Юстиніанъ погибъ бы неминуемо, если бы позорищная прелестница, возведенная имъ на высоту престола, не презрѣла боязливости, какъ прежде добродѣтелей своего пола. Посреди совѣща, въ которомъ и Велизарій присутствовалъ, одна Теодора показала духъ истинно геройскій, и она только одна, не боясь гнѣва Юстиніанова, могла спасти Императора отъ угрожающей опасности и отъ постыднаго его страха. „Хотя бы бѣгство единственнымъ средствомъ оспалось ко спасенію“ сказала супруга Юстиніанова: „я и тогда презрѣла бы сіе средство. Смерть есть неминуемый удѣлъ чловѣка; но кто царствовалъ, шому спыдно пережить потерю своего дошпоинства и власши. Молю небо, чшобы ниже на одинъ день не лишало меня вѣнца и багряницы, и чшобы я переспала жизнь на свѣтѣ, переспавши бышь Царицею. Ежели ты, Государь, бѣжаешь вознамѣрился, сокровища въ лвоей власши; посмотри на море, шамъ спояшь ксрабли швой; но бой-

„ся, чѣобы привязанности къ жизни не-
 „подвергла себя или бѣдственному изгна-
 „нiю, или поносной смерти. Чѣоужь до
 „меня принадлежишь, я держусь правила
 „древнихъ, и почишаю престолю славнымъ
 „гробомъ.“ Непоколебимая швердосшь од-
 ной женщины возврапила бодросшь рассу-
 дашь и дѣйшвовашь, а при бодрости не
 шрудно найти средства даже въ са-
 мыхъ опчаянныхъ обстоятельшвахъ. По-
 ложено было возобновить вражду царшiй;
 синiе надивишься не могли своей безразсуд-
 ной опромешчивосши, по движенiю коея
 за маловажную обиду рѣшились войши въ
 связь съ непримиримыми врагами своими и
 вооружишься проптивъ милосшиваго и щед-
 раго своего благошворишеля; они паки про-
 возгласили величешво Юстинiаново, и зе-
 леные съ ничтожнымъ своимъ Имперашпо-
 ромъ одни ошались въ Ипподромъ. Вѣр-
 носшь шѣлохранишелей была сомнишельна;
 но кромѣ ихъ военная сила Юстинiанова
 состояла въ шрехъ шысячахъ ветерановъ,
 обучившихся мужешству и шстрошму порядку
 въ продолженiе войны Персидской и Илли-
 рiйской. Велизарiй и Мундусъ шихо по-
 вели ихъ изъ дворца двумя опрядами, про-
 бираясь черезъ узкiе переходы по угасаю-
 щему пламени и валящимся зданiямъ, и
 вдругъ захвапили съ обѣихъ споронъ во-
 роша Ипподрома. Въ семъ шѣсномъ мѣшѣ

беспорядочная и усмиренная толпа не могла сопротивляясь правильному нападенію обученныхъ воиновъ; синіе ознаменовали раскаяніе свое сугубымъ бщественствомъ. Болѣе тридцати тысячъ человекъ лишилось жизни при семъ жестокомъ и кровопролитномъ побоищѣ, гдѣ поражалъ одинъ другаго безъ разбора. Упашій низведенъ съ престола и вмѣстѣ съ Помпеемъ поверженъ къ стопамъ Императора; они просили помилованія, но пресупленіе ихъ было явно, невинность сомнительна, и Юстиніанъ не боялся быть милосерднымъ. На другой же день поупру Анаспасіевы племянники съ осмнадцатью знаменистыми ихъ единомышленниками консульскаго и паприціанскаго достоинства лишены жизни воинами; пруты ихъ брошены въ море, дома разрушены, имѣніе описано. И въ самомъ даже Ипподромѣ нѣсколько лѣтъ сряду царствовало печальное молчаніе: но по возстановленіи игрищъ прежніе беспорядки возникли снова; синяя и зеленая паршіи опять безпокоили царство Юстиніаново и нарушали благоденствіе Имперіи Восточной.

III. Сія Имперія, когда Римъ былъ уже обладаемъ варварами, вмѣстѣ въ себѣ покоренные имъ народы за Адриатическимъ моремъ и до предѣловъ Египта и Персіи. Юстиніанъ царствовалъ надъ шестьдесятъ-

четырьмя провинціями и девятысогь тридцатью пятью городами. Области его имѣли всѣ выгоды почвы, мѣсположенія и климата; успѣхи человеческой промышленности процвѣтали на берегахъ Средиземнаго моря до самаго Нила, начиная отъ древней Трои до Оивъ Египетскихъ. Еще въ древнія времена Папріархъ Авраамъ воспользовался извѣстными изобиліемъ Египта; сія область, необширная и многлюдная, въ сосноянїи была опускаша въ Констаншинополь ежегодно по двѣспидесяти тысячь мѣрв пшеницы. Мануфактуры Сидонскія, въ Гомеровыхъ пѣснопѣнїяхъ упоминашя, по прошествїи тысячи пяти согь лѣтв снабжали Юспинїанову столицу своими издѣлїями. Плодородіе земли, неиспощенное двумя тысячами жашвв, было возобновляемо и усиливается искусствомъ земледѣлїя, шучнымъ удобренїемъ и благовременнымъ опдыхомъ. Породы домашнихъ живопныхъ размножены до безконечности. Различныя заведенїя, зданїя, орудїя шрудолюбїя и роскоши, переживающїя людей, умножены попечительностью многихъ поколѣнїй. Преданїе сохраняло, а опыты доводили до совершенства полезныя ремесленныя работы: общество обогатилось раздѣленїемъ шрудовъ и удобствомъ обмѣна, и одиш Римлянинъ жилъ въ выгодномъ домѣ, одѣвался и пишался

посредствомъ тысячи рукъ, посвященныхъ прудолюбію. Изобрѣшеніе тканія и пряденія приписано богамъ. Во всѣ вѣки произведенія живописнаго царства и расписельнаго, волосы, кожа, шерсть, ленъ, хлопчатая бумага и напоследокъ шелкъ, были обрабатываемы руками для прикрытія или для украшенія чѣловѣческаго шбля; ихъ напаяли прочными красками, и кисть успѣшно помогала ткацкой работѣ. При выборѣ сихъ красокъ, подражающихъ изяществу природы, распорядилъ свободной вкусъ, а иногда и прихоть; но густой багрянецъ, извлекаемый Финикіянами изъ нѣкоторой раковины, единственно предоставленъ былъ для священной особы и черпоговъ Императора; казнь измѣны объявлена была прошиву чесполобивыхъ подданныхъ, кои дерзнули бы присвоить себѣ преимущества шрона.

Нѣшѣ нужды извѣснять, что шелкъ есть произведеніе извѣстнаго насѣкомаго, и что изъ него дѣлается златовидная гребница, изъ которой червь вылепаетъ въ видѣ бабочки. До Юстиніанова царства шелковичные черви, на свободѣ питающіеся листьями пшуповаго дерева, находились только въ Китаѣ; другіе черви тогожъ рода, живущіе при соснѣ, дубѣ и ясени, обитали въ лѣсахъ Азіи и Европы; но какъ

воспиханіе ихъ очень затруднительно, а польза отъ нихъ весьма невѣрная, по и неспарались ихъ разводить нигдѣ, кромѣ шолько на маломъ островѣ Цесѣ, лежащемъ близъ берега Апшическаго. На семъ островѣ, по изобрѣшенію нѣкопорой женщины и для женскаго же употребленія, дѣлали шонкой флеръ, которому удивлялись на Воспокѣ и въ Римѣ. Каковы бы ни были догадки объ одеждѣ Мидской и Ассирійской, но Виргилій первой изъ древнихъ писателей упоминаетъ о мягкой шерсти, будшо бы получаемой отъ деревъ Кипайскихъ; и о сей ошибкѣ, копорую легче было сдѣлать нежели попасъ на испину, узнали уже очень поздно, не прежде какъ свѣдали о драгоценномъ насекомѣ, главномъ виновникѣ роскошества народовъ. Въ царство Тиберіево важные Римляне порочили сію упороченную роскошь, и Плиній напаянупымъ, однакожъ сильнымъ слогомъ оуждаетъ ненасытность любостыжанія, копорое достигаетъ до предѣловъ міра для пагубнаго намѣренія выставить нагопу женщинъ подъ прозрачною одеждою. Уборъ нескрывающій округлостей членовъ и цвѣта шѣла былъ приятенъ для еуешности и возбуждалъ желанія; сіи причины заставляли иногда Финикійскихъ женщинъ дѣлаемыя въ Кипаѣ дорогія шкани распускать снова и прибавлять къ нимъ льняныя нитки. Дѣвсти

лѣтъ послѣ Плинія шелковыя и полушелковыя одежды исключительно принадлежали женскому полу; наконецъ богатые граждане Рима и провинцій мало по малу подражая спали примѣру Елагабала, которой прежде всѣхъ дерзнулъ симъ женскимъ уборомъ обезславить достоинство Императора и мужчины. Авреліанъ жаловался, что за одинъ фунтъ шелку платили въ Римѣ по двенадцати унцій золота; но чѣмъ болѣе пребывалось шелку, тѣмъ чаще его привозили, а по мѣрѣ привозу и цѣна убавлялась. Случай и монополія поднимали цѣну и выше объявленной Авреліаномъ; за то уже ремесленники Тирскіе и Беритскіе иногда принуждены были довольствоваться девятою частию оной. Признано за необходимое закономъ опредѣлить различіе въ одеждѣ между комедіантами и сенаторами; ибо изъ всего количества шелку, вывозимаго изъ Индіи, большая часть употреблена была подданными Юстиніана. Имъ еще болѣе извѣстны были раковины Средиземнаго моря, называемыя морскими шелковичными червями; мягкая волна, которою жемчужная мшкѣ прицѣпляется къ камню, нынѣ выдѣлывается болѣе для любопытства нежели для употребленія; составленные изъ сего вещества одежды подарены были Арменскимъ самракамъ отъ Римскаго Императора.

Мѣлкія но дорогія вещи не пребуютъ большихъ издержекъ за провозъ по сухому пути, и караваны переходили въ двѣспидсорокъ при дни всю ширину Азіи отъ Китайскаго моря до береговъ Сирійскихъ. Римляне получали шелкъ непосредственно отъ Персидскихъ купцовъ, прибѣжавшихъ въ Арменію и въ Низибисъ на поржища; но сія торговля, въ мирное время стѣсняемая зависію и корыстлюбіемъ, совсѣмъ прекращалась въ продолжительную войну между обоими государствами. Великій царь по гордости своей могъ почищать Согдіану и даже Кишай въ числѣ своихъ провинцій; въ самомъ же дѣлѣ области его оканчивались рѣкою Оксомъ, и сношенія его съ жителями Согдіаны, за сею рѣкою обитавшими, зависѣли отъ произвола Бѣлыхъ Гуновъ и Турковъ, господствовавшихъ надъ симъ промышленнымъ народомъ. Впрочемъ и самое жестокое владычество неиспробило земледѣлія и торговли въ такой странѣ, которая почищается однимъ изъ чепырехъ садовъ Азіи; положеніе Самарканда и Бохары весьма удобно для обмѣна разныхъ произведеній, и купцы ихъ, доставши сырой или выдѣланной шелкъ изъ Китая, привозили его въ Персію для передачи Римлянамъ. Согдіанскіе караваны принимаемы были въ гордой Китайской столицѣ какъ покорные посланники государствъ подвластныхъ, и

ежели имъ удавалось благополучно возвратиться, то отважное предприятие ихъ всегда вознаграждено было чрезвычайнымъ прибыткомъ. Для пруднаго и опаснаго путешествія отъ Самарканда до перваго города Шенси пребовалось шестьдесятъ, восемьдесятъ и даже не менѣе ста дней; за рѣкою Яксартомъ начиналась пустыня, и бродящія полпы, неудерживаемыя арміями и гарнизонами, похищали всѣхъ путешественниковъ законною своею добычею. Для избѣжанія отъ Тапарскихъ разбойниковъ и Персидскихъ пиратовъ, караваны предпринимали путь на югъ, переправлялись черезъ Тибетскія горы, пускались по рѣкамъ Гангесу или Индусу, и въ пристаняхъ Гузератской или Малабарской спокойно дожидались прибытія западнаго флота. Но опасности путешествія по пустынямъ казались имъ сноснѣе дорожныхъ безпокойствъ, голода и потери времени; подобныя предприятия рѣдко были возобновляемы, и только Европейецъ перешедши непроходимый путь хвалился всею неутомимостію, когда въ десять мѣсяцовъ изъ Пекина достигаетъ до устья рѣки Индуса. Между тѣмъ однакожъ океанъ былъ открытъ для свободнаго сообщенія человѣческому роду. Отъ великаго рѣки до самаго Тропика области Китайскія были покорены и образованы сѣверными Импера-

порами; со времени христіанскаго лѣтосчисленія онѣ были наполнены городами и людьми, шуповыми деревьями и драгоценными ихъ жипелями; и если бы Кишайцы при употребленіи компаса имѣли еще умъ и дарованія Грековъ или Финикійянь, то конечно изобрѣшенія свои они распроспранили бы на южной половинѣ земнаго шара. Я не могу входить въ изслѣдованія и ненамѣренѣ ничего утверждать объ отдаленныхъ пупешесивіяхъ ихъ до Персидскаго залива, или до Мыса доброй надежды: однакожъ предни ихъ въ шрудахъ и успѣхахъ могли равняться настоящимъ поколѣніямъ, и могло спашься что пупешесивія ихъ простирались отъ острововъ Японскихъ до Малаккскаго пролива, до сихъ шакъ свазашь столповъ восшочнаго Геркулеса. Не теряя изъ виду земли, они могли плышь берегомъ до крайняго мыса Ахина, ежегодно посѣщаемаго десятью или двенадцатью кораблями съ Кишайскими произведеніями, съ издѣліями и даже съ художниками; островъ Сумапра и прошивуположный ему полуостровъ, неясно описанные древними, названы золотыми и серебряными землями; упоминаемые Пшоломеемъ шорговые города доказывающъ, что богатство ихъ состояло не въ однѣхъ только рудоконняхъ. Отъ Сумапры до Цейлона полагаешься около шрехъ сотъ миль по прямой линіи; Ки-

шайскіе и Индійскіе мореплаватели, слѣдуя за попомъ пшицъ, или соупшсвуемые періодическимъ вѣспромъ, безопасно могли переплывать сіе разспояніе на крѣпкихъ судахъ, сплоченныхъ вмѣсто желѣза нишьями кокосоваго дерева. Цейлонъ (Серенбидъ или Тапробана) управляемъ былъ двумя враждующими владѣтелями; одному изъ нихъ принадлежали горы, слоны и свѣплые карбункулы, другой обладалъ богатствами внутрешней промышленности и внѣшней порговли и обширною Тринкемальскою гаванью, вмѣщавшею въ себѣ флоты Запада и Воспока. На семъ госпепрїимномъ оспровѣ, лежащемъ въ равномъ, какъ вычислено, разспояніи отъ обѣихъ спранъ, привозимый Кипайскими купцами шелкъ выгодно опдаваемъ былъ на обмѣнъ жипешлямъ Персидскаго залива. Подданные великаго Царя, не боясь прекословій, могли здѣсь превозносить его могущеспво и великолѣпїе; а Римлянинъ, сравнившій грубую ихъ монешу съ золопою медалью Имперашора Анаспасїа и шѣмъ уничижившій ихъ суешную гордоспъ, приплылъ въ Цейлонъ, какъ проспой пушешеспвенникъ, на корабль Евїопскомъ.

Шелкъ сдѣлался необходимою потребностїю. Имперашоръ Юспинїанъ съ прїискорбїемъ замѣшилъ, что Персы на моряхъ

и на сушѣ присвоили себѣ исключительную торговлю симъ дорогимъ произведеніемъ, и что богатства подданныхъ его безпрерывно ищсщаются были неприязненнымъ, идолопоклонническимъ народомъ. Другое правительство, болѣе дѣятельное, возстановило бы Египетскую торговлю и мореплаваніе по Черному морю, ослабѣвшія вмѣстѣ съ благосостояніемъ Имперіи; оно могло бы посылать Римскіе корабли къ пристанямъ Цейлона, Малакки и даже Китая. Юстиніанъ принялъ иное намѣреніе и прибѣгнувъ къ посредству христіанскихъ союзниковъ своихъ, Египтянъ Абиссинскихъ, которые недавно только познакомились съ искусствомъ мореплаванія, съ духомъ торговли и съ приспашью Адулисомъ, украшенною профеями одного Греческаго завоевателя. Они проникли до самаго Экватора, вдоль берега Африканскаго искавши золота, смарагдовъ и благовонныхъ прозябеній; однакожъ благоразуміе не дозволило имъ мѣшаться въ соперничество съ Персами, которые всегда могли бы предупредить ихъ по причинѣ соседства своего съ Индіею. Такимъ образомъ намѣреніе Императора оставалось тщетнымъ доколѣ, по на неожиданный случай не удовлетворилъ его желанію. Индійцамъ проповѣдано было Евангельское ученіе; уже Епископъ управлялъ Христіянами Св. Томы на берегѣ

Малабарскомъ; на островъ Цейлонъ соору-
жена была церковь, и дѣйствія проповѣд-
никовъ достигли даже до края Азіи. Два
Персидскіе монаха долго жили въ Китаѣ,
можешъ быть въ самомъ столичномъ го-
родѣ Нанкинѣ при дворѣ Государя, въ ко-
порому присланы были съ острова Цей-
лона. Занимаясь набожными дѣлами своего
препорученія, они любопытными глазами
смопрѣли на обыкновенную одежду Китай-
цевъ, на шелковыя издѣлія, на шелковичныхъ
червей, коихъ воспитаніе (въ домахъ и на
деревьяхъ) нѣкогда относилось единственно
къ должности Государынь. Они между про-
чимъ развѣдали, что нѣтъ способа пере-
везти въ свое отечество сихъ недолговѣч-
ныхъ животныхъ, но что можно сберечь
яйца ихъ и расплодить безчисленное ихъ
потомство въ отдаленныхъ климатахъ.
Вѣра, а можешъ быть и корысть, превозмо-
гла въ Персидскихъ монахахъ любовь къ
ихъ отечеству; они послѣ долгаго путеше-
ствія прибыли въ Константинополь, объ-
явили намѣреніе свое Императору, и были
ободрены щедрыми дарами и обѣщаніями
Юстиніана. Историки сего Монарха подро-
бнѣ описали военные походы при подошвѣ
Кавказа нежели путешествіе сихъ проповѣ-
дниковъ, которые опять вѣзди въ Ки-
тай, набрали тамъ яицъ шелковичныхъ
червей, сокрыли ихъ во внутренней пусто-

тѣ прости и возвратились въ Константинополь съ добычею Воспока. Подъ ихъ надзоромъ яйца въ надлежащее время года высижены посредствомъ теплопы навоза; черви питались листьями пшуповаго дерева и работали въ новомъ своемъ отечествѣ; сбережено потребное число бабочекъ для размноженія сихъ насѣкомыхъ, а для пищи ихъ разведены пшуповыя деревья. Опытами и догадками исправлены погрѣшности въ новомъ заведеніи, и Согдіанскіе послы въ царствованіе преемника Юстиніана уже признавались, что Римляне самимъ Китайцамъ неуступали въ искусствѣ содержать червей и выработывать драгоцѣнное ихъ произведеніе, которое промышленностію Европейцовъ нынѣ доведено еще далѣе до совершенства. Уважая впрочемъ невинныя выгоды роскоши, я иногда съ прискорбіемъ думаю, что еслибъ путешествующіе монахи вмѣсто шелку вывезли изъ Китая искусство книгопечатанія, тогда уже извѣстное на краю Воспока, по Менандровы Комедіи и всѣ Ливіевы Декады дошли бы до насъ въ изданіяхъ шестаго вѣка. Сподоль дальнія путешествія должны бы, по видимому, содѣйствовать успѣхамъ наукъ умозрительныхъ; не смотря на то однакъ вся погдашняя Географія основана была только на священномъ писаніи, а изслѣдованіе натуры почишалось явнымъ призна-

комъ вольнодумства. Весь міръ заключался тогда въ предѣлахъ умбреннаго пояса, и земля почишаема была имѣющею пропѣяженную поверхность въ длину на чепыреста дней пуши, а въ ширину на двѣспи, окруженною Океаномъ и покрышою крѣпкимъ кристальнымъ сводомъ или швердью.

IV. Юстиніановы подданные были недовольны обспояшельствами своего времени и правишельствомъ. Европу разоряли варварскіе народы; въ Азіи чрезмѣрно размножались монахи: бѣдность Запада ослабляла торговлю и ремесла на Воспокъ; плоды шрудолюбія испощаемы были служителями церкви и государства и войскомъ; скоро оказался недоспапокъ въ неподвижныхъ и обращающихся каишалахъ, сосшавляющихъ народное богатство. Общеспвенныя нужды облегчены были хозяйспвенною бережливостію Императора Анаспасія, копорой въ одно время и собралъ безчисленныя сокровища и освободилъ народъ свой отъ шягоспныхъ и ненавистпныхъ налоговъ. Всѣ подданные съ благодарностію прославляли унищоженіе *злата озлобленія*, или подащи на промышленность бѣдныхъ гражданъ, болѣе шягоспной, какъ надобно думать, по качеству сбора, нежели по количеству, ибо цѣвшущій городъ Едесса заплашилъ шолько сто сорокъ фуншовъ золаша, собраннаго въ чепыре года съ де-

сящи тысячъ ремесленниковъ. При сихъ человеколюбивыхъ распоряженіяхъ бережливость Императора Анастасія была шоль велика, что онъ годовыхъ доходовъ своихъ онъ могъ еще собрать шриста двадцать тысячъ фуншовъ золота. Племянникъ Юстиновъ незахотѣвъ слѣдовать сему примѣру и распотилъ сокровища на милосшныи и зданія, на войну и невыгодные договоры. Доходы его оказались несоразмѣрными издержкамъ. Всѣ возможные способы употреблены были къ вынужденію у народа золота и серебра, кои распотчищельною рукою бросалъ онъ и къ Персамъ и къ Франкамъ. Царство его ознаменовано быстрымъ послѣдствіемъ, или лучше сказать, совмѣстнымъ господствомъ насильственной жизни и скупости, великолѣпія и бѣдности; думали, что сокровища лежатъ въ кладовыхъ его, а вмѣсто того онъ оставилъ долги своему преемнику. Такой характеръ справедливо былъ обвиняемъ голосомъ народа и потомства: но недовольные бывающъ обыкновенно легковѣрны, а частная злоба слишкомъ дерзкою, и для того искатель истины долженъ съ оспорожною недвѣрчивостію пользоваться занимательными анекдотами Прокопія. Сей сочинитель шайной испорціи представляетъ намъ шоль пороки Юстиніана, и пороки его изображены черными красками: сомни-

пелыныя дѣйсвія приписаны самымъ злымъ побудительнымъ причинамъ; ошибка вмѣняется въ вину; случайность не опличена отъ намѣренія, самые законы отъ злоупотребленія законовъ; пристрастная несправедливость одной минушы показана въ видѣ общаго правила, будтобы имѣвшаго силу свою во все продолженіе прѣдципи двухъ лѣтняго царства; Императоръ одинъ предъставленъ виновнымъ въ пресупленіяхъ его чиновниковъ, въ безпорядкахъ его времени и въ развращенности его подданныхъ; самыя даже физическія бѣдствія, моровыя повѣтрія, землетрясенія и наводненія поставлены въ вину князю демоновъ (по словамъ Прокопія), принявшему на себя образъ Юстиніана!

И такъ, не иначе какъ съ надлежащею оспорожностію, намѣренъ я кратко предложитъ анекдоты о скупости и грабительствѣ въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ: 1. Юстиніанъ былъ такъ расточителемъ, что не могъ быть щедрымъ. Гражданскіе и военные чиновники, принимаемые въ придворную службу, сперва получали неважной чинъ и умѣренное жалованье, потомъ восходили на высшія степени и достигали до изобилія и роскошныхъ выгодъ; ежегодныя издержки на выдачу имъ пенсіоновъ, коихъ значавшая часть уничтожена Юстиніа-

номъ, простирались до чепырежъ сошъ тысячъ фунтовъ, и сія мѣра домашней бережливости была оплакиваема корыстолюбивыми или бѣдными придворными какъ послѣдній ударъ нанесенный величеству Имперіи. Содержаніе почтвъ, денежные выдачи врачамъ и ночныя освѣщенія были почищаемы очень важною обязанностію городовъ, которые справедливо могли жаловаться, что Императоръ отнялъ доходы ихъ, предназначенные на споль полезныя издержки. Даже солдаты не осмались безъ оскорбленія; а духъ военный въ такомъ былъ тогда упадкѣ, что можно было оскорблять ихъ не опасаясь возмездія. Императоръ отспавилъ обыкновенную выдачу по пяши золотыхъ при наступленіи пяшаго года, довелъ заслуженныхъ воиновъ до нищенскаго состоянія, и цѣлая армія, неудовлетворенная принадлежащими имъ деньгами, изнемогала на сраженіяхъ въ Ипаліи и противъ Персовъ. 2. Человѣколюбивые предмѣспники его обыкновенно при торжественныхъ случаяхъ своего царствованія оспановляли взысканіе недоимочныхъ поборовъ, благоразумно опрекаясь отъ такихъ пребовацій, которыя по необходимости должны бы спазываться щепными. „Юспиніанъ (пишетъ Прокопій) въ придцать два года своего владычества ни единожды не оказалъ подобной милосши народу, и многіе изъ подданныхъ

его опшшупились отъ принадлежавшихъ имъ земель, коихъ цѣна недоспапочно была для заплашы въ казну налоговъ. Анаспасій даровалъ городамъ, пошерпѣвшимъ отъ неприяшельскихъ нашествій, семилѣтнюю льготу отъ всякихъ поборовъ: Юспиніановы области опустошены Персами и Арабами, Тунами и Славянами; однакожъ щещлавное и смѣшное оппущеніе на одинъ годъ поборовъ дано было только шѣмъ городамъ, которые дѣйствительно покорены были неприятелиемъ.“ Таковъ языкъ сочинителя пайной исторіи, копорой именно утверждаетъ, будто никакого несдѣлано снисхожденія Палестинѣ послѣ мяшежа Самаританскаго; ложное и ненавистное сіе обвиненіе опровергаешся достоверными записками, свидѣшельствующими о выдачѣ сей разоренной провинціи принадлецапи ценшенаріевъ (пятидесяти двухъ тысячъ фунтовъ) золота по предспашельспву Св. Савы. 3. Прокпій неизвясилъ намъ системы налоговъ, копорые сыпались подобно граду, и испребляли жителей подобно опустошительной моровой заразѣ: мы сдѣлались бы участниками злоспи его, если бы приписали Юспиніану и древнее правило о взысканіи со всего округа за частной убытокъ, понесенной однимъ гражданиномъ. Запасеніе хлѣба для войска и столицы сопряжено было съ шягоспными самопроизвольными побе-

рами, весьма несоразмерными имуществу и средствамъ земледѣльца; и сѣе бѣдствіе увеличивалось еще отъ частныхъ злоупотребленій, отъ обмана въ вѣсѣ и въ мѣрѣ и отъ издержекъ и трудовъ при дальнемъ перевозѣ. Во время случившагося недостатка однажды попребованы были свѣспные припасы изъ ближнихъ провинцій Фракіи, Виѣнїи и Фригіи; хозяева послѣ шягостнаго путешествія и опаснаго мореплаванія получили споль несоразмерную цѣну, что имъ оставалось отказать и отъ хлѣба и отъ плашы. Такія предоспорожности впрочемъ доказываютъ заботливость о благососпоянїи сподлицы; однакожь Константинополь неизбавился отъ самовластнаго хищничества Юспинїанова. Прежде спправлялась свободная спорговля по Восфору и Геллеспоншскому проливу, и дозволяемо было вывозить всякія вещи, кромѣ только оружія для употребленія варваровъ; но при Юспинїанѣ во всѣмъ городскимъ ворощамъ приспавлены были прешоры, служители царскаго корысполубїя; наложена была шягостная пошлина какъ на корабли шакъ и на шовары; бѣдные покупатели чувспвовали все бремя сего пришѣснаенія, плашы за обыкновенныя вещи чрезмѣрную цѣну, и народъ привыкшїй находить себѣ спраду въ щедрости Государа, иногда уже принужденъ былъ жаловаться на недо-

спасоуѣ воды и хлѣба. *Воздушная* дань, неимѣющая имени и неопредѣляемая никакимъ закономъ, соспохла во стѣ двадцати тысячахъ фунтовъ, ежегодно приносимыхъ въ даръ Императору отъ Префекта препоуанскаго; а способы собрать сшоль великую сумму зависѣли единственнѣо отъ воли сего могущественнаго чиновника. 4. Но и сїи подати и сборы были гораздо сносѣе нежели право монополїи, коимъ стѣснялось полезное соревнованїе промышленности, и которое для малой и предосудительной выгоды самопроизвольно налагало несносную тяжесть на необходимыя и на прихотливыя нужды подданныхъ. „Какъ шолько продажа шелку (выписываю изъ Прокопїевыхъ анекдотовъ) поступила въ исключительное вѣдомство Императорскаго казначея, шѣ ремесленники Тирскїе и Беритскїе немедленно пришли въ крайнюю бѣдность, и частїю погибли отъ голода, или убѣжали въ Персидскїя области.“ Нѣтъ сомнѣнїя, что провинцїя можетъ терпѣшь ущербъ отъ разоренїя ея ремесленниковъ; однакожь, говоря о шелкѣ, Прокопїй съ намѣренїемъ неупомянулъ о безцѣнныхъ и прочныхъ выгодахъ, доставленныхъ Имперїи любопытствомъ Юспинїана. О возвышенїи седмою долею цѣны обыкновенной мѣдной монеты упомянуть должно съ равнымъ безпристрастїемъ, и перемена сїя сдѣлана

какъ видно, безъ предосудительной причины (*); ибо золотая монета, узаконенная мѣра цѣнности вещей, оспалась числою, и достоинство ея невозвышено. 5. Обширная власть предоставленная ошкупщикамъ казенныхъ сборовъ, дабы они могли выполнить свои обязанности, принадлежишь къ числу ненавистныхъ установленій; какъ будто можно покупать у Императора жизнь и имущество своихъ согражданъ! Еще явнѣе производилась въ самомъ дворцѣ продажа чиновъ и должностей по дозволенію, или по крайней мѣрѣ по небреженію Юстиніана и Теодоры. Требованія заслуженныхъ людей и самыхъ даже любимцевъ оспавались безъ уваженія; напрошивъ того случалось обыкновенно, что дерзкой хитрецъ, получивши важную должность, находилъ въ ней богатое вознагражденіе за поспыдные происки свои, за долги, коими обременилъ себя, и за большіе плащимые имъ проценты. Наконецъ Юстиніанъ почувствовалъ всю невыгодность вредной продажи и призналъ за нужное установленіемъ присяги и наказаній оградить святость правосудія; но по прошествіи одного года дѣйствіе указа ослабло, и своевольство одержало верхъ надъ без-

(*) Юстиніанъ за одинъ золотый (aureus) платилъ вмѣсто 210 только 180 унцій мѣдью. Причиною сему вѣроятно былъ недостатокъ въ мѣлкой монетѣ.

силѣмъ законовъ. 6. Евлалій, Комитъ до-
местиковъ, въ завѣщаніи опказалъ все свое
имѣніе Императору, съ тѣмъ однакожъ
чшобы Юстиніанъ заплапилъ долги его,
чшобы исполнилъ особыя завѣщанія о денеж-
ныхъ выдачахъ, чшобы далъ приспойное со-
держаніе премъ остающимся дочерямъ его,
и чшобы при замужствѣ удѣлилъ каждой
по десяти фунтовъ золоша. Но все богатое
имущество Евлаліево сторѣло, кромѣ не-
большаго ошашва, которой по списку не
превышалъ пяти сощъ шестидесяти чепы-
рехъ золотыхъ, суммы весьма невеликой.
Подобный примѣръ, сохранившійся въ Гре-
ческой Исторіи, заставилъ Императора
исполнить завѣщаніе своего друга; и онъ
охотно заплапилъ долги умершаго, выдалъ
кому слѣдовало принадлежащія деньги, вос-
питалъ дочерей подъ надзоромъ самой Фе-
одоры и удвоилъ назначенное опцемъ ихъ
приданое. Такое челолюбіе Государя
безъ сомнѣнія достойно похвалы; однакожъ
въ семъ добродѣтельномъ поступкѣ открыва-
ется закоренѣлый обычай удалять закон-
ныхъ наследниковъ, обычай приписываемый
Проконіемъ царству Юстиніана. Обвиненіе
сіе подтверждается славными именами и
соблазнительными примѣрами; ни вдовамъ,
ни сиротамъ не было пощады; искусство
выманивать, вынуждать, дѣлать подлож-
ныя завѣщанія было выгоднымъ ремесломъ

придворныхъ чиновниковъ. Столь коварное и пагубное насильство угрожало опасностію каждому гражданину; Монархъ, влекомый спраспїю корысполубїя, гошовъ приближишь минушу наслѣдованїя какимъ бы то ни было способомъ, богатство почестъ за явной знавъ преспуленїя, опѣ права наслѣдника пребующаго своей части перешагнушь ко власти Государя опиписывающаго въ казну свою имѣніе подданнаго. 7. Къ различнымъ способамъ грабежа философъ могъ бы еще причислишь и обращенїе богатыхъ язычниковъ или ерешиковъ въ православїю; однакожъ въ Юспинїаново царство на сіе набожное грабительство жаловались одни только шѣ раскольники, кошорые содѣлались жертвами корысполубїя.

(Продолженїе влредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На смерть Графа А. С. Строгонова

(Ивану Малѣевичу Муравьеву -
Апостолу.)

Стремимся, Муравьевъ, напрасно
Покровъ съ судьбины мы срывашъ :
Гдѣ видимъ мракъ, тамъ солнце ясно
Гошова землю облишашъ ;

Гдѣ мнимъ, что плодовишы лозы
Цвѣтущія являютъ розы,
Тамъ вѣтръ едва махнетъ крыломъ,
Цвѣшокъ отъ стебля отдѣляетъ,
Съ листками вмѣстѣ разсыпаетъ
Благоуханіе кругомъ.

Доколѣ, безразсудны смертны,
Мы будемъ тѣшиться мечшой?
Всѣ замыслы надежды тщетны
Коль люба смерть придетъ съ косою:
Умолкнулъ лиры звукъ похвальный,
Прозябъ здѣсь кипарисъ печальный,
Тоски усердны слезы льетъ!
Гдѣ блескъ и торжество столицы?
Гдѣ даръ священнѣйшей десницы?
Гдѣ мной обѣщанны сто лѣтъ?

Гдѣ Несторъ нашъ? . . уже сіяетъ
Въ неугасаемыхъ заряхъ,
Духъ чистой славою питаетъ,
Зря праведныхъ мужей въ лучахъ.
Умѣрь, мой другъ, потоки слезны
И ближнимъ дай совѣтъ полезный
Печаль сердечну утолишь;
Почто рыдаешь, что неба жительство
Вступилъ въ пресвѣтлую обитель,
Успѣвъ пушь доблести свершить?

Но Музы пусть скорбятъ, рыдаютъ,
Лишась въ немъ друга своего,
Искусствъ безсмертіемъ питаютъ
Любовь къ словесности его;
Пускай пекутся всѣ согласно
Вспоминашь о немъ всечасно;

Пусть кисть свободно и рѣзецъ
Его лице, труды, забавы
Въ святилище представлятъ славы
Потомству познать въ образецъ.

Графъ Хвостовъ.

II. К Р И Т И К А.

Изложеніе словъ о банномъ строеніи, о которомъ повѣстуетъ Лѣтолисецъ Несторъ.

Словопрѣніе, въ сомнительныхъ случаяхъ производимое, приноситъ извѣстную всѣмъ пользу изліяніемъ ясности на такіе предметы, кои скрываются въ нѣкоторомъ шуманѣ отъ взоровъ и понятій нашихъ. Подобную сему пользу обѣщаетъ любопытнымъ чипапелямъ споръ о банномъ строеніи, продолжаемый въ Вѣстникѣ Европы. Небудемъ запруднять себя исчисленіемъ людей, обращающихъ на сей предметъ свое вниманіе, много ли есть ихъ или мало; нажеемся довольно сказать, что сокровище вождѣнной истины не только въ цѣломъ, но и въ частяхъ драгоценно

канъ адамантъ, для ума и Истории, попо-
рую время объясняетъ. И такъ, изъ лю-
бви къ истинѣ, рассмотримъ возникшій
споръ о банномъ строеніи, возникшій не
отъ какихъ либо видовъ честолюбія, но
отъ благороднѣйшихъ побужденій.

И з в ѣ д о в а н і е.

Извѣстный въ ученое свѣтѣ Россій-
скій Лѣтописецъ Несторъ, между про-
исшествіями 1089 года, оставилъ намъ
преданіе о вѣкомъ банномъ строеніи, ко-
торое приемлемо было въ сомнительныхъ
знаменованіяхъ. Цѣль изслѣдованія о семъ
строеніи произведеннаго есепояла въ томъ,
чтобъ извлечь существенный смыслъ, въ
*забвенномъ родѣ Несторовыхъ выра-
женій* скрывающійся: „въ се же лѣто (1089)
„священа бысть церковь Святаго Михаила
„Переяславская, ю же бѣ еоздалъ шу сущій
„Епископъ Ефремъ, пристрою въ ней
„велику солвори, и украси ю всякою
„красотою и церковными сосуды; сей бо
„Ефремъ въ сія лѣта много зданія воз-
„движе, заложи бо церковь на воровѣхъ Свя-
„таго Феодора, и Святаго Андрея у во-
„рошъ, и городъ камень, и строеніе
„банное каменно, сего же не бысть пре-
„жде въ Руси, и украси городъ Перея-
„славскій церковными и прочими зданіи и
„знаменіи.“ Мѣсто сіе излагаемо было

древними и позднѣйшими писателями разнообразно, о чемъ prospрависе учинено объясненіе въ изслѣдованіи. Безъ сомнѣнія произошло бы никакихъ разнорѣчій, слѣдовательно и нужды спорить о смыслѣ преданія сего, еслибъ Неспоръ извѣсился въ своихъ писаніяхъ по нашему желанію, или какъ можно ближе къ роду извѣсненія, въ XIX вѣкѣ употребляемому. Но поелику сего ошъ нашего писателя XI вѣка требовашь невозможно, то надлежало прибѣгнуть къ такимъ средствамъ, кои замѣнили бы сколько нибудь оной недостапковъ. Сочинитель Изслѣдованія обративъ свое вниманіе на знаменательнѣйшія части преданія, а припомъ собравъ сколько можно больше надежнѣйшихъ пособій, получилъ ясное удостовѣреніе, что подъ онымъ спроенѣмъ *Лѣтописецъ* разумѣлъ *не бани*, въ которыхъ люди паряпся, какъ понимали сіе Испоривы, но *церковныя кулолы*, чего прежде въ Руси не бывало; къ сему присоединилось еще одно обшповшельство о словѣ *городъ*, означающемъ по смыслу Неспорова сазанія не градъ, ниже градскую стѣну, но *монастырскую каменную ограду*. Общее же объясненіе преданія естественнымъ образомъ открывало историческую достопамятность, что по 1089 годѣ во всей Россіи сооружались церкви съ простыми крышами. Вотъ въ чемъ состоялъ

предметъ изслѣдованія, который по крайней мѣрѣ казался любопытнымъ!

Доказательства, на которыхъ основано сіе открытіе, частію показаны въ изслѣдованіи, и сіи сослѣдуемъ въ слѣдующемъ:

1. Несогласное сказаніе писателей нашихъ, древнихъ и новѣйшихъ, не только съ Несторомъ, но и другъ съ другомъ; а сіе показываетъ ясно, что они въ точной смыслъ преданія не вникнули.

2. Замѣчаніе изъ Паперина и Альпописи почеркнутое, что Печерская великолѣпная церковь освящена была въ томъ самомъ 1089 году, въ которомъ Альпописецъ по теченію времени помѣнилъ преданіе о банномъ строеніи, свидѣтельствуя, что сего въ Руси не бывало.

3. Собственное житіе Епископа Ефрема, которое удостовѣряетъ несомѣнно, что Ефремъ украсилъ градъ Переяславль различными зданіи церковными, всюду каменными, чего прежде не было; но въ разсужденіи общенародныхъ каменныхъ бань, больницъ, врачей, постройкѣ града, позднѣйшими писателями присоединенныхъ, вовсе ничего не сказано.

4. Обстоятельство, которое имѣетъ весьма важное значеніе, что первоначаль-

ную Лѣтопись, Патерикъ и Житіе Ефрема составлялъ самъ Лѣтописецъ Несторъ; онъ чего согласуясь въ главныхъ предметахъ и всѣ сѣи свидѣтельства, по достоверности своей выше всякаго сомнѣнія входящія.

5. Обзорнѣе города Переяславля и монастыря Ефремова.

6. Соображеніе мѣстныхъ обстоятельствъ онаго края.

7. Народное нарѣчіе Кіевскаго округа; или Малороссіи, гдѣ слово *баня* въ просторѣчій употребляется въ смыслъ церковной главы; или купола, откуда происходитъ и прилагательное слово *банный*; *банная*, *банное* спосеніе.

8. Употребленіе слова *городъ* не только въ смыслъ града, но и въ смыслъ огорода, по нынѣ продолжающееся.

9. Состояніе Печерской Лавры до 1089 года, копорая въ то время обведена была простымъ деревяннымъ заборомъ: по сей причинѣ, когда Епископъ Ефремъ оградилъ свой монастырь каменною стѣною преимущественно предъ прочими, то и Несторъ замѣшилъ шаковую рѣдкость въ своей Лѣтописи.

Признавъ сіе число доказательствъ достопочнымъ для удостовѣренія благосклонныхъ чинателей, Сочинитель Изслѣдованія ограничивалъ оными извѣщенія свои, когда рѣшился учинить открытіе свое извѣстнымъ. Но какъ предметъ изслѣдованія относился до временъ глубокою древностію покрытыхъ, то Сочинитель при всемъ убѣжденіи своемъ не смѣлъ обезпечивать и самого себя, не подвергнувъ мнѣнія своего крикиѣ достопочтенныхъ особъ, кои совершенно одобрили оное.

Одобреніе сихъ особъ слѣдуетъ признавать по мѣ доказательствомъ, поелику знаютъ они Переяславль не по имени токмо, но и по тому что въ ономъ имѣли долгоевременное пребываніе, иные родились тамъ и воспитаны, иные припомъ имѣли главное начальство, и будучи въ кругу просвѣщенныхъ людей, безъ сомнѣнія знали обстоятельно исторію Переяславля какъ своего отечества.

И такъ, на сихъ десяти доказательствахъ основано изслѣдованіе баннаго спроченія.

Подуманъ можно, что Глазуновъ печаталъ сіе изслѣдованіе подъ счастливымъ для онаго созвѣдіемъ, поелику непредано забвенію. Едва только показалось оное въ

свѣтъ, какъ любимый всѣми Вѣстникъ Европы сообщилъ своимъ читателямъ кришику, достойную всякой похвалы. Къ сожалѣнію Сочинитель Исслѣдованія неимѣлъ чести знать г. Кришика, однако читалъ и принялъ его примѣчанія съ признательностію, которая возрѣснала по мѣрѣ предвидѣнной пользы, судя по тому что кришическія примѣчанія не только заманивали къ гласнымъ спорамъ и льстили разсвѣтѣмъ невольныхъ сомнѣній, производимыхъ въ семъ пунктѣ безконечнымъ разнорѣчьемъ писателей, но и предвѣщали утвержденіе одного какого нибудь справедливѣйшаго мнѣнія. Изъясненіе на кришику, въ скромныхъ выраженіяхъ сдѣланное, ручается въ шаковой почтительности.

С л о в о п р е н і я .

Кришическія примѣчанія, уже двукратно сдѣланныя на Исслѣдованіе баннаго спрошенія, всякъ любопытный можетъ читать во всемъ пространствѣ ихъ въ Вѣстникѣ Европы въ Январѣ и Декбрѣ мѣсяцахъ 1810 года; а здѣсь предлагаются извлеченныя шокмо изъ оныхъ списки, кои нужными признаны къ соображенію главѣйшихъ обстоятельствъ. Первоначальное же изъясненіе противъ кришаки напечатано въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же Вѣстника. Предувѣдомивъ о семъ благосклонныхъ чи-

шапелей, остается теперь приступить къ самимъ преніямъ, въ коихъ примѣчанія г. Крилика по каждому предмету порознь будутъ предлагаемы предварительно, а потомъ уже послѣдуютъ наши доказательства и опроверженія.

I. О построеніи каменнаго Переяславля.

Примѣчаніе г. Крилика.

„Отрицая возможность Епископу Ефрему строить городскую стѣну, должно опровергнуть и показаніе Новгородскаго Лѣтописца, что въ 1333 году Архіепископъ Новгородскій поставилъ городъ камень въ два лѣта и проч. — Правда, что городъ Переяславль заложенъ 993 года Великимъ Владиміромъ, однакожь *можетъ статься* сперва былъ онъ деревянный; и *ежели такъ*, то Лѣтописецъ не безъ причины упомянулъ о построеніи *каменнаго Переяславля.*“

Объясненіе.

Игра словъ и мыслей можетъ составлять въ дружескомъ собраніи приятной разговоръ, но слабыя доказательства. Критическое примѣчаніе въ сей первой части изъясненное именемъ своимъ основаніемъ слова *можетъ статься*, и *ежели такъ*, основаніе весьма опасное въ разсужденіи со-

виданія града. И какое разстояніе отъ Переяславля до великаго Новгорода и отъ 1089 по 1333 годъ!

Между Переяславскимъ Епископомъ и Новгородскимъ Архіепископомъ явную почти можно видѣть разницу, какая была между Игуменомъ протстаго монастыря и Архимандритомъ Печерской или Сергіевой Лавры; но соснованіе Переяславскаго и Новгородскаго монастырей можетъ еще лучше объясниться чрезъ сравненіе самихъ городовъ.

Переяславль былъ скудной городъ, находится на берегахъ почти гнилой рѣчки Трубайла, которая не судоходна и никакихъ ему пособій не доставляетъ, лишенъ совершенно преимуществъ обширной торговли, доставляющей опилчностъ и изобиліе; недалеко отстоялъ отъ сего состоянія и монастырь его. Доказательствомъ сему есть, что въ самое цвѣтущее время не имѣлъ онъ у себя ничего лишняго, кромѣ порядочнаго содержанія: а во времена Ефремовы безъ сомнѣнія былъ еще скуднѣе, судя поному что и посредственное богатство соснавилось въ печеніи нѣсколькихъ вѣковъ.

Напротивъ того Великій Новгородъ, отъца, явля сказашь, Русскихъ городовъ,

гребль могуществомъ и силою, какъ прежде введенія Христіанства, такъ и послѣ производилъ обширную торговлю внутрь и внѣ Россіи, отъ чего былъ богатъ и гордъ, таковъ былъ и пресольный монастырь его. Доказательство сему открываетъ Испорія, что Новгородскій Епископъ Лука, желая отличиться отъ прочихъ высшимъ саномъ, поднесъ въ 1165 или 1166 году богатые дары Митрополиту іоанну, отъ котораго, равно какъ и отъ Великаго Князя Ростислава, испросилъ себѣ чинъ Архіепископа; при семъ случаѣ Митрополитъ подарилъ новому Архіепископу ризы драгя со крестами, стихарь и мантію съ испочниками, чѣмъ Новгородцы были чрезвычайно обрадованы. Видно до сего времени въ мантію съ испочниками облачался одинъ Кіевскій Митрополитъ. Впрочемъ, подобное опличіе прочимъ Епископамъ и на мысль не приходило, но въ семъ городѣ оное приведено въ дѣйствіе по соспоянію богатой паслвы, поелику мощный народъ любитъ блескъ и охотно поддерживаетъ оной.

Такимъ образомъ, что Новгородскій Архіепископъ въ соспояніи былъ произвешенъ въ 1333 году, того самаго не могъ производить за нѣсколько лѣтъ прежде; шибъ не возможно было соорить наменный градъ Переяславль такому Епископу;

который никогда не гремѣлъ богатствомъ своей паспвы и своихъ кладовыхъ.

Обратимъ еще взоры наши на самой Переяславль, который получилъ свое начало только въ 993 году. Городъ сей представилъ намъ въ остаткахъ своего древняго существованія большой, однакожъ земляной валъ. Укрѣпленія его были усилены во время Шведской войны по повелѣнью Петра Великаго. Но гдѣ исхаль каменнаго града Переяславля, или хотя бы по было и каменной стѣны вокругъ онаго?

Дѣйствительно трудно и даже невозможно согласиться, чтобъ Епископъ Ефремъ въ состоянїи былъ воздвигнуть каменной градъ Переяславль, не только по скудости своей паспвы въ сравненїи съ Новгородскою, но и по общоиспелствамъ края, гдѣ продолжалась до нашихъ дней чрезвычайная рѣдкость въ каменныхъ зданїяхъ: кто имѣлъ такъ называемую камяницу, или каменную кладовую, тошъ слылъ превеликимъ богачемъ, но и сихъ камяницъ было весьма немного по причинѣ существовавшаго прежде большаго недостатка въ припасахъ, нужныхъ для каменныхъ зданїй, наипаче въ извести. Присоединимъ къ сему общее о Малороссїи примѣчанїе, которая ошъ незапомнимыхъ вре-

менѣ содержала себя въ оборонительномъ состояніи. Слѣды сей повсемѣстной обороны можно видѣть не только по городамъ и мѣстечкамъ, но и по многимъ владѣльческимъ имѣніямъ. Въ сіи времена общей опасности не ужели не приступили бы въ употребленію каменныхъ стѣнъ, еслибы только мѣстные обстоятельства позволяли оными воспользоваться? Однакожъ вездѣ видны однѣ земляныя насыпи подобныя Переяславскому. Напротивъ того какую разницу находимъ въ Великороссійскихъ областяхъ, гдѣ не нужно писать объясненій за объясненіями, городъ ли каменной воздвигнутъ былъ, или городская каменная стѣна; ибо самой предметъ, мѣстоположеніе, удобности, народная дѣятельность, обстоятельства говорятъ сами за себя.

Посмотримъ и на томъ удивительный градъ, который упоминается на 105 страницѣ Лѣтописи и замѣченъ г. Кришикомъ въ его описаніи, удивительный по тому, что въ ономъ показаны даже златыя врата: по суду по столь блистательной принадлежности города, можно предполагать стѣны въ ономъ по крайней мѣрѣ гранитовыя. — При всемъ томъ градъ сей составляется въ существѣ большой земляной валъ вокругъ стараго Кіева, коего величинѣ способствовало чрезвычайно гористое мѣстоположеніе,

а болѣе ничего. Когдажъ и самой верховной градъ Кіевъ, имѣющій превосходное мѣстоположеніе по теченію рѣки Днѣпра, при всей своей древней силѣ и могуществѣ, не въ состояніи былъ произвести для себя каменной слѣбны; по какимъ чудомъ Епископъ Ефремъ построилъ каменной Переяславль, бывъ совершенно лишенъ всякихъ средствъ и пособій? какую возможность имѣлъ онъ произвести столь важное зданіе, когда и въ построеніи каменнаго монастыря долженъ былъ преодолевать большія затрудненія, когда и самые Князья шѣхъ мѣств не могли созидашь каменныхъ городовъ?

Иностранецъ прибывшій въ Санктпетербургъ можетъ получить несомнѣнное удостовѣреніе, что въ сей столицѣ каменной домъ въ четыре яруса отъ основанія до кровли сооружается въ два мѣсяца; но какъ легко можетъ онъ обмануться, если по сему примѣру заключитъ и вообще, что во всей Россіи подобныя зданія совершаются также скоро, какъ въ самой столицѣ. Не менѣе того мы сами обмануться можемъ, если о качествѣ и количествѣ старинныхъ каменныхъ зданій будемъ заключать по состоянію нынѣшнихъ; но что можемъ сказать о количествѣ самихъ древнихъ каменныхъ зданій? Несторъ даетъ намъ чувствовать въ своей Лѣтописи, сколь

онѣя рѣдки были въ Руси; ибо замѣшавъ онѣ въ 945 году на 47 страницѣ одинѣ только перемѣ камень, а потомѣ въ 989 году примолвилъ, что для созиданія церкви Пресвятыя Богородицы нужно было призвать мастеровъ отъ Грекъ: не по ли онѣ говоритъ, что въ Руси не было тогда и такихъ людей, кои могли бы съ успѣхомъ произвести каменное строеніе? Но сему не должно и удивляться, поелику до введенія Христіянства духъ народа воинственнаго соотвѣтствовалъ духу вѣры его, которая заставляла предпочитать зданіямъ открытыя мѣста, крушыя горы и высокіе холмы, куда горделивый Россѣ восходилъ посвящать свои жертвы испуканамъ; шумъ зодчество не могло разпространять своихъ успѣховъ. Послѣ того, когда открылась надобность въ благолѣпніи Христіянскихъ храмовъ, то первоначально Владиміръ приказалъ строить деревяныя церкви, потомѣ начали помышлять и о каменныхъ, наконецъ были сооружаемы каменные монастыри и грады; но все сіе не вездѣ и не съ такою удобностію и скоростію происходило какъ въ позднѣйшія времена.

Вотъ причины, кои не позволяющъ Сочинителю Изслѣдованія возлагать на Епископа Ефрема построенія каменнаго Переяславля!

II. О словѣ городѣ.

Примѣчаніе г. Крилика.

„Слово городѣ конечно происходитъ отъ горожу и значить огражденіе; но въ лѣтописяхъ оно обыкновенно употребляется вмѣсто *городской стѣны*. Между *градомъ* и *городомъ* неменѣе сходства, какъ между *пратомъ* и *порогомъ* и множествомъ другихъ словъ однозначительныхъ, но выражаемыхъ буквами различно. Хотя же Сочинитель Исслѣдованія находить превеликую разницу между *градомъ* и *городомъ*, ибо первое слово значить у него только нынѣшнее городѣ, а послѣднее только стѣну или огражденіе; но нельзя скрыть, что *градъ* и *городъ* въ лѣтописяхъ употребляются въ одинакомъ знаменованіи: вмѣсто нынѣшняго слова городѣ и вмѣсто ограды: следовательно доказательствъ и увѣренія, будто Ефремъ построилъ почто монастырскую стѣну, *а не что либо другое*, основаны *тщелными*. Впрочемъ весьма сомнительно, чтобы въ 1089 году *Печерская большая церковь* обведена была простымъ деревяннымъ заборомъ, ибо съ 1077 года по окончаніи церкви Греческіе каменщики имѣли довольно времени соорудить каменную стѣну, которая по словамъ Синописа *въ толстолу и широлу бльше на сажень*.“

Объясненіе.

Напрасно такъ мало сказалъ г. Крипикъ вразсужденіи значенія спорныхъ словъ, или некончилъ начатаго, будучи увѣренъ, что Сочинитель Изслѣдованія полагаеишь великую разницу нешодько между словами *градъ* и *городъ*, но даже между словами *городъ* и *городъ*, ибо произношеніе оныхъ бываеишь не по одинаковымъ удареніямъ; когдажъ есть различіе въ удареніяхъ, то есть различіе и въ значеніяхъ, на примѣрѣ: *волна* и *волна*, *мука* и *мука*, всегда различно разумѣюишь по различнымъ удареніямъ. Такимъ образомъ хотя можно почитатишь однозначительными слова *градъ* и *городъ*, но не всегда; ибо слово *градъ* означаеишь и селидебное мѣсто и дождевыя капли, на воздухъ замерзающія; а слова *городъ* и *городъ*, если шолько поставишь надъ ними надспрочные знаки, такъ на примѣрѣ: *гѳродъ* и *горѳдъ*, то первое изъ нихъ будеишь означатишь мѣсто населенное жишелями, а второе будеишь означатишь огородъ, однѣми шолько грядами наполненный. Сіе послѣднее слово Великороссіянинъ произнесетъ *гѳродъ*, а Малороссіянинъ скажетъ какъ пишется *горѳдъ*. Болшинъ въ XVII примѣчаніи своемъ на Испорію Князя Щербашова упоишребленіе слова сего въ такомъ смыслѣ ушверждаеишь

нѣсколько своимъ опытомъ, но и Костромскую Лѣтописью.

Несторъ даетъ намъ и свое разрѣшеніе. Сколь скоро обращаешъ онъ рѣчь ко граду такому или иному, всегда соблюдаетъ имена ихъ въ собственномъ знаменованіи, на примѣрѣ: градъ Кіевъ, Смоленскъ, городъ Вручевъ и такъ далѣе; но кой часъ говоришъ о какой нибудь принадлежности города, въ такомъ случаѣ собственное имя превращаетъ въ прилагательное по обыкновенному употребленію. Такъ написалъ онъ и въ нашемъ спорномъ мѣстѣ: и украси *городъ Переяславскій* церковными и прочими зданіи и знаменіи, гдѣ превратилъ собственное имя города на прилагательное, поелику мысль его не относилась ко граду.

Лѣтописецъ по той причинѣ замѣтилъ городъ каменъ, или Переяславскую монастырскую каменную ограду включилъ въ число Ефремовыхъ знаменій, что въ то время каменные зданія дѣйствительно были весьма рѣдки, да и самая Печерская Лавра обведена была проспымъ деревяннымъ заборомъ. Достоверносшь, что Лавра не имѣла еще каменнаго огражденія, открывается изъ самой Лѣтописи; ибо Несторъ описывая происхожденіе сей обители, которое помѣстилъ въ 1051 году, неупу-

спилъ сказать на 111й страницѣ, что Игумень и брашя *монастырь оградиша столпиемъ*. Если онъ почипалъ достойною замѣчанія сію бѣдную деревянную ограду, то могъ ли оставишь безъ равнаго пому замѣчанія важное каменное огражденіе, когдабъ только оно сооружено было до 1089 года? Однакожъ не только Несторъ, но и продолжатель его Лѣтописи Сильвестръ о семъ неповѣснвуютъ, будучи впрочемъ весьма наблюдательны во всемъ касающемся до церквей и монастырей. Напрошивъ того Синописисъ, позднее произведеніе, которое заключаетъ въ себѣ одно общее и сокращенное содержаніе историческихъ повѣстей, никакъ не опредѣляетъ времени, когда Печерская Лавра обведена каменною стѣною въ шолстошу и широту на сажень. Слѣдовательно монастырь сей получилъ такое огражденіе не до 1089 года, какъ увѣряетъ г. Кришинъ, но гораздо послѣ Ефрема и Нестора.

Желающій сообразить объясненіе сіе съ предыдущимъ на Іюсшапью учиненнымъ, кажешся, легко можетъ войти въ мысль Несторову и согласишься, что подъ словомъ *городъ камень* разумѣлъ онъ каменное огражденіе монастыря, а подъ словомъ *городъ Переяславскій* разумѣлъ шощъ же самый Переяславскій монастырь.

III. О Русскомъ и Польскомъ языкахъ.

Примѣчаніе г. Крилика.

„Малороссійское нарѣчіе занимаетъ средину между нашимъ Русскимъ языкомъ и Польскимъ; изъ послѣдняго вошло въ него множесиво словъ и оборотовъ въ продолженіе того времени, когда Малороссія находилась подъ Польскимъ господствомъ. Хотя же въ Кіевѣ слово *баня* употребляется теперь въ значеніи церковной главы, но важныя причины заставляютъ г. Крилика утвердительно сказать, что при Неспорѣ оно совсѣмъ неизвѣстно было въ семъ значеніи; ибо Кіевъ тогда не былъ еще подъ господствомъ Поляковъ, называющихъ банями шарообразныя венцы.“

Объясненіе.

Изъ почтенія къ г. Крилику, порожественно увѣряющему въ своемъ отзывѣ, что для него столько же драгоценна историческая достоверность, сколько и для Сочинителя Изслѣдованія, сей служилъ ему оною съ удовольствіемъ.

Прежде нежели скажемъ утвердительно, Русской ли языкъ оставилъ слова свои и обороты въ Польскомъ, или Польской въ Малороссійскомъ нарѣчій, рассмотримъ

сей предметъ съ достоудолжнымъ уваженіемъ.

Излишнее было бы исчислять здѣсь народы и измѣрять пространство земель, надъ которыми господствовалъ Славянскій языкъ по свидѣтельству Нестора: для насъ довольно взять въ соображеніе владѣнія Великаго Князя Кіевскаго Святослава, простиравшіяся по Дунай, гдѣ сей преславный владѣлецъ полагалъ средину своей земли. Если въ сіи времена господствовавшая власть неразпространила болѣе употребленія Славянскаго языка, то по крайней мѣрѣ немогла стѣснить прежнихъ предѣловъ онаго, кои простирались весьма далеко. Извѣстно же, что Несторъ имѣлъ свое пребываніе въ Кіевѣ, послѣ Святослава спустился сто лѣтъ, или около сего времени, слѣдовательно долженъ былъ находить Славянскій языкъ въ полномъ его могуществѣ, равно какъ и языкъ Русской. Сверхъ того мы находимъ въ Лѣтописи разныя слова, какъ то: *вуй*, *слръгъ мнихъ*, удержанныя навсегда въ Польскомъ языкѣ, но Лѣтописцемъ употребленныя въ такое время, когда и самой языкъ Польской не былъ еще извѣстенъ въ Кіевскихъ окрестностяхъ. Съ другой стороны, верховная власть Кіева, непрерывно продолжавшаяся около 300 лѣтъ, почти до

конца XII вѣка, немогла ослабить употребленія Русскаго языка, копорый былъ общимъ для всѣхъ княженій сославлявшихъ Русь. Наконецъ слѣдствиемъ униженія Кіева было переселеніе верховной власти въ другія страны; но Русской языкъ оставался по прежнему господствующимъ во всѣхъ занятыхъ имъ обласяхъ. Когдажъ мы слышимъ не только въ Кіевѣ, но и вонругъ лежащихъ и далеко распространяющихся мѣстахъ, что жители оныхъ странъ употребляютъ по обычаю предковъ своихъ тѣ самыя слова и обороты, кои находимъ въ Неспоровой лѣтописи; когда господство Польское распространилось на окрестности Кіева спустя болѣе двухъ сотъ лѣтъ послѣ Нестора, въ XIV вѣкѣ: то можемъ ли признашь заимствованными отъ Поляковъ такія слова и обороты, коихъ употребленіе показываешь намъ Русской Писатель XI вѣка?

Извѣстный свѣту своею ученостію, своею любовію къ древностямъ и рѣдкою памятію Графъ Чацкій, въ книгѣ своей печатанной въ Варшавѣ въ 1800 году о Липовскихъ и Польскихъ правахъ, даетъ разумѣть, что онъ перерывши всѣ, можно сказать, архивы, не нашелъ никакихъ слѣдовъ къ тому, чтобъ изяснить, въ какомъ состояніи былъ Польской языкъ предъ XIV

вѣкомъ, а предъ X вѣкомъ и самое имя Польши не было извѣстно. Богослуженіе отправлялось у нихъ Славянское, прежде нежели начали отправлять Латинское. Графъ Чацкій признаетъ самымъ древнѣйшимъ памятникомъ своего языка переводъ Библии, въ 1390 году конченный, исключая пѣсни Богородицы. Напрошивъ того мы имѣли переводъ Библии еще при Владимірѣ Великомъ. Графъ Чацкій говоритъ, что въ канцеляріи Короля Стефана Баторія писали весьма хорошимъ Русскимъ почеркомъ. Баторій же былъ на престолѣ въ XVI вѣкѣ, съ 1575 по 1587 годъ. Особенно говоритъ онъ о Литвѣ, той самой Литвѣ, которая въ XIV вѣкѣ покорила подъ свою власть Волинію, Кіевъ, и прочее, что Русской языкъ былъ въ ней повсемѣстнѣйшимъ языкомъ; симъ языкомъ говорили предъ судомъ и властію, равно какъ и оповѣщивали на ономъ чиновники, судьи и Король. Спасушы первый и претій почно писаны были на Русскомъ языкѣ. Сочинитель Изслѣдованія самъ имѣлъ удовольствіе видѣть и разсматривать книгу законовъ сихъ, весьма древней Русской печати, находящуюся нынѣ въ С. П. Бургѣ, которая прежде хранилась въ извѣстной Варшавской библиотекѣ Залускихъ. — Законы сіи въ первой польско разъ напечатаны были съ Польскимъ переводомъ при Королѣ Сигизмундѣ

III въ XVI вѣкѣ. Канцлеръ Сапѣга, издавая Польской переводъ оной книги въ 1581 году, извяснилъ: если переводъ сей кому либо не понравится, по остаеися ему имѣть прибѣжище къ старинной *Русчизнѣ*. Не удосповѣряющѣ ли насъ всѣ сїи доводы, сколь большую силу имѣлъ Русской языкъ въ Польскихъ провинціяхъ даже въ то время, когда верховная власть Россіи нераспространялась болѣе на оныя спраны, однакожъ языкъ продолжалъ еще свое господство. Но еслибъ намъ и сихъ свидѣтельствъ недоставало, то множество книгъ привезенныхъ въ С. П. Бургъ изъ Варшавы и составляющихъ нынѣ Польскую меприку, показали бы намъ ясно, что всѣ дѣла и Королевскія привилегіи, жалованныя жипелямъ Липвы и прочихъ провинцій къ Россіи принадлежащихъ, писаны были въ самой Варшавѣ на Русскомъ языкѣ до начала XVII вѣка, или по 1612 годѣ. Слогъ, въ меприческихъ дѣлахъ и въ самихъ привилегіяхъ Королевскихъ примѣчаемый, соотвѣтствуетъ лѣтописному слогу и Малороссійскому нарѣчію; всего же болѣе слѣдуетъ замѣшнть, что почти всѣ Русскія слова вошли въ составъ Польскаго языка, который только въ XIV вѣкѣ начиналъ образоваться.

Окинувши однимъ взоромъ нѣсколько пропеншихъ сполѣпій, въ которыхъ Русской

языкъ владычествовалъ у безчисленныхъ народовъ, не можемъ оставить мысли рождающейся при семъ обзорѣи, что нажеся никогда Польша не преклонилась бы къ западной церкви и никогда не возникалъ бы языкъ Польскій, еслибъ наше древнее духовенство сколько же рачительно было въ снисканіи поверхности надъ умами, сколько пеклось о томъ духовенство Римское; но спеченіе двухъ прошивныхъ крайностей, какъ баснословная химера — со стороны Рима нарочито большая предприимчивость, а со стороны Кіева нарочито большая простота — воспинало на оныхъ значныхъ поляхъ то дия, которое въ возмужаломъ возрастѣ почиалось господиномъ своему господину, поелику обладало самимъ Кіевомъ.

Но главная цѣль такого объясненія состояла въ томъ, дабы оправдать Лѣтописца Неспора, или охранить его преданіе древнимъ преимуществомъ Русскаго языка и письменъ.

С. Петербургъ.

(Продолженіе обѣщано.)

III. С М Ъ С Ъ.

О безлечности.

„Не оплагай до будущаго дня того, что можешь сдѣлать въ нынѣшней“, говоритъ правдивая пословица многихъ народовъ. Не смотря на то безлечность, глухая для сей простой истины, съ подругою своею лѣно-стїю твердитъ при началѣ каждаго дѣла: *завтра!* — и завтра видимъ ея постыд-ное наказанїе. Поздно будетъ раскаянїе терзашъ безлечнаго, когда нищета поступи-чится у дверей его жилища, и онъ (хотя не радъ, да готовъ) впустилъ къ себѣ не-ожиданную гостью со всѣмъ ея жалкимъ шпашомъ.

Предвидѣнїе будущаго есть главная цѣль мудраго, слѣдственно безлечность, имѣющая въ виду одно насоящее, радуя-щаяся только тѣмъ, что лежитъ *подъ рукою*, слѣдственно она противна со всѣхъ точекъ зрѣнїя здравому разуму. На это скажутъ мнѣ справедливо, что были люди умные, люди съ дарованїями, которые при-обрѣли себѣ упоминаемую здѣсь слабостїю

большую знаменитость; что сия слава была утверждена не на легких жердочках временной похвалы, но на камнях вѣковой справедливости. Соглашаюсь, но одни поеты, поселившіеся воображеніемъ на вѣчно цвѣтущихъ лугахъ Аркадіи, гдѣ свѣтлое небо жизни не помрачено малѣйшимъ облачкомъ несчастія, гдѣ наслаждаются покоемъ и довольствомъ безъ трудовъ и заботъ; одни милые баснописцы, изъ которыхъ Лафонтенъ опличался просподушіемъ и безопасностью. Съ *такимъ* характеромъ долженъ онъ былъ конечно явиться на сцену славы для приспойнаго ему особеннаго рода упражненія; съ другимъ характеромъ онъ не былъ бы тѣмъ превозносимымъ всѣми Лафонтенемъ! Но сей любезной философъ не охудалъ ли самъ безопасности? не онъ ли хвалилъ *муравья* за его прилѣжаніе и предвидѣніе весною холодной зимы? не онъ ли самъ гонилъ отъ трудолюбиваго жителя земли праздную и безопасную *стрекозу*? . . .

Въ общемъ словарѣ понятій и мибній человѣческихъ безопасность должна стоять на ряду съ простою — не съ шюю, которая пѣняетъ насъ въ дѣйствѣ и въ поступкахъ женщины — но съ простою, ближайшею къ безразсудности. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ думаетъ человекъ

безпечною? — Разумъ его не перешагнетъ никогда границы наспоющаго; онъ весь во-кругъ себя: но и бессмысленная пшварь, подобно ему, неимѣетъ силы духомъ носиться въ предѣлахъ будущаго. Занимаетъ ли безпечнаго покой и счастье семейства его? помышляетъ ли онъ о собственномъ благомъ? радуетъ ли о благомъ ближняго? — Ни мало! вы не найдете въ немъ ни сильныхъ движеній къ добру, ни большой любви къ родственной связи, ни сладкаго рвенія къ пользѣ общества; или найдете пренебреженіе законовъ, возлагаемыхъ сими чувствованіями; или очень, очень рѣдко замѣните въ немъ искру сихъ добродѣтелей! слѣдственно безпечный есть существо бесполезное себѣ, семейству и обществу!

Можно сдѣлать нѣкоторое исключеніе изъ сего правила — исключеніе, которое обратится на безпечнаго жъ и не поставитъ его впрочемъ съ лучшей стороны. Во всѣхъ почти случаяхъ жизни своей самымъ бездѣйствіемъ трудится онъ для другихъ; но какимъ образомъ и кто сіи другіе? ... Люди, живущіе единственно на счетъ ближняго; люди, которые въ мутной водѣ охотники ловить рыбу и опускаютъ искусную сѣть тамъ, гдѣ вода имѣетъ менше движенія: они сдираютъ по-

слѣднѣй галуны съ ливреи безопаснаго, смѣясь отъ всего сердца высокою его прозорливости! . . . Между тѣмъ онъ готовъ своимъ порокомъ себя и можетъ быть двухъ или трехъ нераздѣльных съ нимъ существъ лишитъ насущнаго хлѣба! . . . Незавидной способъ благопворить недоспойнымъ! . . .

Сколько вѣковыхъ трудовъ исчезаетъ въ нѣсколько минутъ; сколько твердыхъ основаній счастья семейственнаго разрушается однимъ ударомъ — и все отъ безопасности! Мы видѣли пышныхъ Набобовъ, симъ характеромъ въ жалкое состоянiе брошенныхъ и скипающихъ по лицу земли съ участіемъ и суюмо спиховорца. Мы читали въ исторіи свѣта объ извергахъ, священнѣйшія права природы разрушившихъ и въ черныхъ порокахъ закоснѣвшихъ — единственно отъ слѣпой безопасности родителей! Мы слышали, какъ сія слабосиль кривила вѣсами Темеиды даже тогда, когда не было на нихъ положено золота; какъ у художниковъ похищаль сей порокъ довольство и покой жизненныя, и что еще дороже — славу! Нужно ли прибавить, что истинная любовь, всегда оспорожная, всегда любящая тайну, убѣгаетъ вездѣ безопасности, и что многіе безопасные хотѣли слезами стереть порокъ свой изъ

дѣйствія любви, но бесполезно? . . . Примѣры не нужны; ихъ можно не рѣдко видѣшь въ свѣтѣ. По етому самому, кто не будетъ спарашься убѣгать безпечности и дружитья съ неприятелемъ ея, съ попеченіемъ, или съ прилѣженіемъ? — Въ нашемъ подлинномъ мѣрѣ все достаютъ черезъ пруды; все теряютъ черезъ безпечность!

Лжч.

Московскія записки.

„Прочитавши спашью въ 2г. No вашего Вѣспника объ умершемъ Профессорѣ Машшеѣ, гдѣ ошдана совершенная справедливость заслугамъ сего ученаго мужа, я почти въ то же время увидѣлъ и въ Рижскихъ Нѣмецкихъ листкахъ (*Zeitung für Literatur und Kunst*) извѣстіе объ его кончинѣ. И тамъ равномѣрно съ должнымъ уваженіемъ упоминается о полезныхъ трудахъ и обширныхъ знаніяхъ покойнаго Машшея; но въ концѣ спашьи прибавлено одно замѣчаніе, которое для насъ Московскихъ жителей, коротко знакомыхъ съ Университетомъ, кажется вовсе невѣроятнымъ. Въ упомянутой спашьѣ, незнаю по чему, сказано, будто бы Профессоръ Машшей жилъ здѣсь и умеръ въ крайней бѣдности. Напротивъ того всѣмъ намъ и вамъ самимъ, г. Издатель Вѣспника Европы, извѣстно, что покойный располагалъ доходами своими очень благообразно, а слѣдовательно и не могъ

нуждаться въ своемъ содержаніи, получая шпашное жалованье Ординарнаго Профессора, и сверхъ того, преимущественно передъ нѣкоторыми другими своими товарищами, пользуясь казенною квартирою и дровами. Еще прибавлю, что прудолюбіе г-на Матшея не ослабѣвало и въ преклонныхъ лѣтахъ, и что онъ за изданіе книгъ, кромѣ выгодъ съ упражненіями сего рода сопряженныхъ, два или три раза удостоился получить отъ щедротъ Всемилостивѣйшаго нашего ИМПЕРАТОРА дорогіе подарки. Благоволите, г. Издашель, включить сіе мое замѣчаніе въ Московскія записки своего Журнала; оно будетъ небезполезнымъ для тѣхъ людей, которые не знаютъ, что въ Русскомъ Царствѣ не только сословіе самаго Профессора со всѣхъ сторонъ обезпечено, но что по кончинѣ его вдовѣ и даже дѣтямъ опредѣляется пенсія, соразмѣрная заслугамъ умершаго.“ Не имѣя причины отказать въ справедливомъ требованіи почтеннаго своего читателя, мы съ удовольствіемъ оному удовлетворяемъ.

Императорское Общество Испытателей Природы, при здѣшнемъ Университетѣ учрежденное, по желанію Его Сіятельства Господина Министра народнаго пресвѣщенія предположило составить *Описаніе Московской Губерніи*, основанное частью на достовѣрныхъ извѣстіяхъ авторовъ, но болѣе на собственныхъ наблюденіяхъ нѣкоторыхъ Членовъ, и долженствующее заключать въ себѣ свѣдѣнія географическія, историческія, спашистическія, физическія и до натуральной исторіи относящіяся. Сіе важное сочиненіе, по пригласованію и приведенію въ порядокъ нужныхъ

матеріаловъ, издано будетъ со всею типографическою пышностію, съ гравированными картинами, и какъ по внутреннему своему достоинству такъ и по наружному украшенію должно равняться извѣстнымъ въ Европѣ дорогимъ изданіямъ путешествій и топографическихъ описаній. Августѣйшій Покровитель наукъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ знакъ Всемилосердїишаго своего вниманія къ сему полезному предприятію, пожаловалъ соизволилъ 5000 рублей для произведенія онаго въ дѣйство. Сочиненіе напечатается на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ и нѣсколько экземпляровъ онаго разослано будетъ по главнѣйшимъ учебнымъ заведеніямъ въ Европѣ. Исполненіе сего дѣла возложено на особую комиссію, составленную изъ нѣкоторыхъ Членовъ Общества. Г. Профессоръ Г. Фишеръ и Надворный Совѣтникъ П. М. Дружининъ предпринимали путешествія въ уѣзды *Звенигородскій, Верейскій, Можайскій, Рязскій, Волоколажскій и Воскресенскій* для наблюденій минерологическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ; между прочимъ они обозрѣли истоки Москвы рѣки, которое до сихъ поръ было неизвѣстнымъ. Москва рѣка выходитъ не изъ болота, какъ полагаютъ, но русло ея простирается за *Поповку* и называется тамъ *Коноплевкою*; слѣдственно *Коноплевка* есть начало Москвы рѣки. Уже сняты граверомъ Цетперомъ разные достойные примѣчанія мѣстоположенія, на примѣръ *видъ Горенковскаго сада*, принадлежащаго Его Сіятельству Графу Алексію Кирилловичу Разумовскому, *видъ Борисова-городка* съ мѣльницею на рѣкѣ Провѣ между Вереєю и Можайскомъ, *видъ Савинскаго монастыря*, *видъ дома Князя*

Допущена подлѣ Зѣвнигорода надѣ Москвою рѣкою и проч. Дѣлаемая, Г. Профессоромъ Станскимъ. Совѣтникомъ П. И. Спирковымъ метеорологическія наблюденія также принадлежатъ къ плану сего сочиненія. Умершій Профессоръ Голдбахъ тригонометрически измѣрялъ Москву и большую часть ея Губерніи; но къ сожалѣнію о трудахъ его Общество свѣдѣнія не имѣетъ. Въ Московской Губерніи есть не мало минеральныхъ источниковъ, изъ коихъ изслѣдованы химически *Воронинскіе* и *Семеновскіе*, что близъ *Серпухова*, г-мъ О. Профессоромъ Рейссомъ, *Русскіе* и находящіеся близъ рѣки *Протвы* г-мъ Аптекаремъ Гельмомъ, въ *Коченовѣ*, что въ *Дмитровско*мъ уѣздѣ, г-мъ Миллеромъ, въ селѣ *Кайнарджи* г-ми Роджеромъ, Гельмомъ и Фишеромъ. Почти всѣ оныя воды оказались желѣзноватыми, а въ нѣкоторыхъ не найдено никакихъ частей инородныхъ.

Театръ. Ноября 1 *Мѣщанинъ во дворянствѣ*, комедія въ 5 актахъ. Послѣ перваго представленія сей комедіи, которая неполюбилась придворнымъ, вѣроятно по причинѣ страннаго и несбыточнаго маскарада въ двухъ послѣднихъ актахъ, Лудовикъ XIV сказалъ Мольеру, нѣсколько огорченному такою неудачею: *никогда еще ты не заставлялъ меня такъ смѣяться*, и съ тѣхъ же поръ *Мѣщанинъ во дворянствѣ* признанъ хорошею комедію. Трудно угадать, болѣе ли понравилась Королю Французскому испинно смѣшныя черты, единственно принадлежащія таланту Мольеру, или невѣроятное превращеніе Журдена въ Турка. Нѣтъ сомнѣнія, что Журденъ очень забавенъ полубоярскими своими зашѣя-

ми, по́чно какъ и всѣ разбогатѣвшіе мѣщане, копорымъ приходилъ въ голову мысль предразсудки своего состоянія промѣнять на предразсудки и странности дворянскія, и которые пренебрегши родовыя свои упражненія, *вдругъ* перескакиваютъ въ кругъ новаго для себя званія: но развѣ нужно было ешаго Журдена выставлять совершеннымъ глупцомъ, копорой выдаетъ дочь свою за мнимаго Турецкаго Принца и самъ принимаетъ достоинство мамамуши? Видно, что *Мѣщанинъ во дворянствѣ* написанъ Мольеромъ не для той публики, копорая съ удовольствіемъ смотрѣла *Мизантропа* его и *Тартюфа*; надлежало позабавить многочислѣннѣйшую толпу зрителей, а она, какъ извѣстно, болѣе любитъ фарсы, нежели по правиламъ хорошаго вкуса написанныя комедіи. Счастливъ Мольеръ, что имѣлъ дарованіе трудиться для безсмертной своей славы и въ то же время угождать толпѣ народной! Русской переводъ *Мѣщанина во дворянствѣ* относится къ тому времени, когда прилѣжно переводили всѣ Мольеровы фарсы.

Ноября 3 *Король Леаръ, трагедія въ 5 актахъ, взятая изъ твореній Шекспира.* У Шекспира Корделія, нѣжная дочь Леара, *невинно погибаетъ*; неизвѣстно какой Англичанинъ послѣ перемѣнилъ развязку сей трагедіи, и Корделію *оставилъ живую*; Французъ Дюсисъ сдѣлалъ еще болѣе, увѣнчавши любовную еспрасть Едгарда къ Леаровой дочери; Русской сочинитель незахотѣлъ въ ешомъ слѣдовашъ Дюсису, однакожъ сберегъ Корделію, испоргъ ее изъ подъ меча Освальдова и возвратилъ несчастному, или теперь уже счастливому, ея родителю. Въ Русской трагедіи

справедливость торжествуетъ, злодѣйство наказано. Съ мсей стороны, я всегда съ великимъ удовольствіемъ и смотрю и читаю трагедію *Леопа*, и на сей разъ неимѣю ничего сказать вопреки ея развязкѣ. Но можешъ бышь нѣкошорымъ читателямъ сихъ листковъ и любителямъ театра ненеприятно будешъ узнать мнѣніе природнаго Англичанина о развязкѣ въ сей трагедіи — мнѣніе славнаго Аддисона. Англіійскіе сочинители трагедій, говоришъ онъ (*), вообще думаютъ, будишъ выводимыя ими на сцену лица, невинныя и добродѣтельныя, но гонимыя судьбою, на послѣдокъ непременно должны бышь избавлены отъ несчастія, или торжествовать надъ своими врагами. Къ сей ошибкѣ подало имъ причину странное ученіе новой кришки, предписывающей опредѣлять награды и наказанія по заслугамъ и строго наблюдать пѣмъ правосудіе. Неизвѣстно мнѣ, продолжаетъ Аддисонъ, кто первой установилъ сіе правило; я увѣренъ однакожъ, что оно не основано ни на природѣ, ни на разумѣ, ни на древнихъ примѣрахъ. Мы видимъ, что какъ добро такъ и зло равномѣрно бывающъ удѣломъ всѣхъ людей въ сей жизни; а какъ главное намѣреніе трагедіи состоитъ въ томъ чшобы возбудить жалость и ужасъ въ душѣ зрителя, то достигнемъ ли къ сей великой цѣли, всегда представляя невинность счастливою, добродѣтельною торжествующею? Какія неудачи и бѣдствія ни терпѣлъ бы добрый человекъ въ продолженіе всей трагедіи; но его несчастія неспѣлаютъ въ насъ сильнаго впечатлѣнія, когда мы знаемъ напередъ, что въ послѣднемъ ак-

(*) The Spectator No 40.

тѣ всѣ его желанія увѣнчаются благополучнымъ успѣхомъ. Видя его ослѣпшаго бѣдствіями, мы не унываемъ, зная навѣрное, что герой нашъ отъ нихъ освободится, и что горестъ его, сколь бы впрочемъ была она ни велика, на послѣдокъ превратятся въ чувство радости. Вотъ для чего древніе сочинители въ трагедіяхъ своихъ представляли людей почти въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ бывають они въ здѣшнемъ свѣтѣ, то есть добродѣтельныхъ иногда счастливыми, а иногда несчастными, сообразно исторіи избранной ими для своей трагедіи, или же по тому впечатлѣнію, отъ котораго они ожидали большаго успѣха. Аристотель, рассмотрѣвши трагедіи того и другаго рода, замѣчаетъ, что имѣющія бѣдственную развязку всегда болѣе нравились зрителямъ и получали награды преимущественно передъ тѣми, кои оканчивались удачею и счастьемъ. Ужасъ и жалость оставляють по себѣ принятую скорбь въ душѣ зрителя; и для автора гораздо выгоднѣе удержатъ такое продолжительное и приятное расположеніе духа въ цѣломъ собраніи, нежели возбудить въ немъ скоропреходящую радость или удовольствіе. Сообразно сему находимъ мы, что изъ Англійскихъ трагедій наиболѣе имѣли успѣхъ тѣ, въ коихъ любимцы публики пали подъ бременемъ злѣ, нежели въ коихъ благополучно освободились отъ оныхъ. Сюда принадлежитъ удивительная трагедія *Король Леаръ* въ шестомъ видѣ, въ какомъ написана она Шекспиромъ; но бывъ передѣлана соопвѣтственно спраннымъ мысли о пипическомъ правосудіи, она, какъ я осмѣливаюсь думать, потеряла половину своего достоинства. — Другой

славной же писатель Джонсонъ думаетъ иначе о семъ дѣлѣ и именно прошивурбичилъ Аддисону. При удобномъ случаѣ сообщу любителямъ театра и Джонсоново мнѣніе.

Ноября 5 *Альзира или Американцы*; *Вольтерова трагедія въ 5 актахъ, переведенная стихами*. Лагарпъ въ Курсѣ своемъ усердно расхвалилъ *Альзирю*, которую нынѣшніе Французскіе критики не боятся называть самою посредственной трагедіею, надушою, наполненною пустыми звуками. Заморова любовь къ Альзирѣ, по ихъ словамъ, есть не иное что какъ звѣрское бѣшенство; все достоинство добродѣтелей сего Американца состоитъ въ природномъ инстинктѣ, свойственномъ дикому животному. Альзира нѣсколько умѣреннѣе; она христіянка, и въ добавокъ еще напирана философскими мнѣніями; она перемѣнила вѣру для видовъ политическихъ; и для тѣхъ же видовъ выходитъ за мужъ за челоуѣка; котораго совсѣмъ не любитъ. — Поселившись въ Сирейскомъ замкѣ, Большеръ углубился въ математическія науки не столько по склонности какъ для угожденія знаменитой госпожѣ Шашле; тамъ упражнялся онъ въ Геометріи съ сею ученою и любезною Маркизою; тамъ извѣснялъ онъ систему Невшонову о приращеніи; какъ вдругъ бросивши циркуль Ураніи; вздумалъ опять вооружиться кинжаломъ Мельпомены и пинтичскій вымыселъ подвеситъ подъ правила математики. И въ самомъ дѣлѣ здѣсь все у него разочтено и расчислено съ удивительною точностію! Американцы его не уступаютъ въ велерѣччи риторамъ и философамъ! Заморъ и Альзира говорятъ не хуже самаго Вольшера!

Заморъ и Альзира карлики; Вольшеръ поставилъ ихъ на ходуляхъ, для того чѣлобъ они казались великанами. При началѣ прегедіи зритель узнаетъ, что Заморъ съ нѣкоторыми бродягами сидитъ въ шюрмѣ, между тѣмъ какъ Гусманъ собирается жениться на его любовницѣ. Альварецъ проситъ Гусмана, своего сына, чтобы плѣннымъ Американцамъ дарована была свобода. Гусманъ соглашается, и плѣнники, вмѣстѣно того чѣлобъ неоглядываясь бѣжать прямо въ лѣсъ, приходятъ во дворецъ Гусмана и затѣваютъ заговоръ противъ сего Вицера! Заморъ бывши государемъ и начальникомъ войска не могъ успѣять противу шести сотъ Испанцевъ, покоровшихъ его опечество; а теперь пошъ же Заморъ съ десяткомъ земляковъ своихъ намѣренъ низвергнуть власть побѣдителей! На кого болѣе походитъ ешотъ Заморъ? на хвастливаго ли Гасконца, или на дикаго звѣря, которой въ бѣщенствѣ грызетъ свою клѣшку? .. Это чужія мысли; онѣ предложены здѣсь для того чѣлобъ показать нашимъ читателямъ, какому строгому суду подлежатъ и самые знаменитые писатели. Намъ оспается только сказать на сей разъ, что публика приняла ешу Вольшерову прегедію очень равнодушно. Г-жа Панова не попала на пошъ, приличной роли Альзиры; ее надобно играть совсѣмъ иначе: потребно болѣе простоты и свободы, а менѣе затѣйливости въ измѣненіяхъ голоса и въ тѣлодвиженіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что внимательность и стараніе ведутъ художника къ совершенству; но надобно чѣлобъ усилія его не были примѣшны въ самой работѣ, надобно чѣлобъ они были закрыты отъ зрителей.

Ноября 6 *Недоросль*, комедія въ 5 ак-
 тахъ. Пересчитывая всѣхъ извѣстныхъ мнѣ
 комическихъ писателей, не нахожу ни одного,
 кошорой былъ бы равенъ единственному наше-
 му Фонъ-Визину въ искусствѣ смѣшати, не-
 удаляясь отъ правдоподобія. Мольеръ, сей
 почный наблюдатель человѣческихъ нравовъ
 и дѣйствій, сей вѣрный живописецъ харак-
 теровъ, смѣшавъ по большей части своими
 фарсами, а между фарсомъ и комедіею столь-
 ко разницы, сколько между шумомъ и ос-
 проумнымъ человѣкомъ. Въ *Недорослѣ* мно-
 гіе характеры смѣшны сами по себѣ. Не пере-
 сказывайте мнѣ словъ Простакова, Скотини-
 на, Вральмана, а только опишите каждое ли-
 цо: я самъ догадаюсь, какимъ образомъ го-
 ворить должны Простаковъ, Скотининъ и
 Вральманъ, и они напередъ уже кажутся мнѣ
 очень забавными. Вотъ характеры сами по се-
 бѣ необходимо смѣшны. Представимъ же еще
 себѣ, что сочинитель почти всегда вла-
 гаетъ имъ въ уста слова и разсужденія, со-
 вершенно имъ приличныя, и мы увидимъ,
 что онъ весьма удачно достигъ своей цѣли.
 Вотъ истинное торжество таланта! Неда-
 ромъ Князь Потемкинъ сказалъ Фонъ-Визи-
 ну: *Денисъ! ты безсмертенъ!* Попомство
 повторяетъ слова Таврическаго: Фонъ-Ви-
 зинъ безсмертенъ! Длинный разговоръ Спаро-
 дума съ Софьею, состоящій изъ однихъ право-
 учительныхъ наставленій, также разговоры
 его съ Правдинымъ и съ Милономъ остано-
 вляющъ нѣсколько ходъ дѣйствія; они конечно
 прекрасны, наполнены хорошими мыслями и
 достойными подражанія правилами; но въ ко-
 медіи имъ не мѣсто: такъ думаютъ многіе
 опытные знашюки театра, и доказываютъ

живніе свое пѣмѣ, что въ представленіи иногда нарочно сокращаются упомянутые разговоры (а особливо во 2 явленіи 4 акта). Еще замѣчаютъ, что Купейкинъ не долженъ бы говорить пекстами изъ священнаго писанія, а особливо гдѣ онъ и Цыфиркинъ спорятся съ Бральманомъ. Купейкинъ имѣетъ свой собственной языкъ, приличной его званію; онъ могъ приводить тексты, когда бы хотѣлъ похвастать своею ученостию; но тутъ въ досадъ надлежало ему употреблять научительныя слова, и негоняться такъ далеко за неприличными изреченіями, которыми впрочемъ смѣшить бы не должно и по другимъ причинамъ. *Д. Д.*

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года умеръ въ Бѣлградѣ на 72 году Сербскій Анахарсисъ Досиѣй Обрадовичъ, воспитатель дѣшей Георгія Чернаго, Инспекторъ народнаго просвѣщенія, Сенаторъ и Министръ дѣлъ духовныхъ и иностранныхъ. Сей достопамятный мужъ останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Сербскаго народа. Выучившись Славенской грамотѣ, онъ въ самыхъ еще молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ монашеское званіе; потомъ путешествовалъ по Греческимъ островамъ и по Государствамъ Европы, научился древнимъ и новымъ языкамъ и упражнялся въ наукахъ весьма прилжно и съ успѣхомъ. Онъ перевелъ *Поученія Св. Іоанна Златоустаго* и *Дѣянія Апостольскія* съ Церковно-Славянскаго

языка на нынѣшней Сербской; съ Нѣмецкаго *Долкоферовы проповѣди*; съ Греческаго *Поученія Архієпископа Никифора Θεотохія*; съ разныхъ языковъ *Басни Езоповы съ примѣчаніями*; сочинилъ на Сербскомъ языкѣ и напечаталъ гражданскими Россійскими буквами свою собственную Біографію, Пѣснь на освобожденіе Сербіи и проч. Онъ первой изъ Сербовъ, исповѣдующихъ православную вѣру Греческую, вмѣсто мертваго Славянскаго языка началъ употреблять нынѣшней Сербской, для всѣхъ земляковъ его вразумительный, въ чемъ и другіе подражать ему стали не безъ успѣха. Онъ очень любилъ свою націю и трудился по склонности и по привычкѣ, единственно имѣя въ виду просвѣщеніе своихъ одноземцовъ.

Въ Сассоферрато найденъ въ цѣлости древній подъ комнаты въ длину 18, а въ ширину 16 футовъ. Онъ сдѣланъ изъ разноцвѣтнаго прекраснаго мрамора, и составляетъ мозаическую картину, на которой изображенъ Аполлонъ, окруженный знаками Зодіака.

Докторъ Ишаръ, служащій въ званіи врача при Парижскомъ заведеніи для глухонѣмыхъ, представилъ императорскому Инцишупу донесеніе свое объ одной весьма достопамятной операциі. Разсѣкая мертвыя тѣла глухонѣмыхъ и разсматривая ихъ прилѣжно, онъ удостовѣрился, что во многихъ случаяхъ потеряніе слуха происходитъ отъ засоренія или залеганія слуховаго органа. Ему пришло на мысль, что посредствомъ влаги, впускаемой во внутренность слуховыхъ каналовъ можно уничтожить оныя препят-

ства; и для того рѣшился онъ просверлить въ ухахъ глухонѣмаго барабанную кожу, впустить въ отверстія теплой воды и посмотреть, не найдетъ ли влага пути себѣ черезъ слуховой проходъ и черезъ трубу Евстаѣеву. Одинъ пятнадцати-лѣтній воспитанникъ, глухой и нѣмой отъ рожденія, одержимый жестокою нервною горячкою, принесенъ въ больницу 2 го Юля. Ему-то г. Ишаръ и провертѣлъ круглою, заостренною, изъ черенahi слѣдланною палочкою въ обоихъ ухахъ барабанную кожу. Для предосторожности, впускание влаги началось не прежде четвертаго дня послѣ операціи. Дицъ (имя глухо-нѣмаго) почувствовалъ сильную боль въ головѣ и въ ухѣ, однакожь вода выпекла обратно. Опытъ сей повторенъ былъ въ три слѣдующіе дня по одному разу, но безъ успѣха; только боль становилась сноснѣе. Наконецъ въ пятой день опытъ былъ удачнѣе, и ввущенная въ правое ухо вода прешла въ ротъ черезъ трубу Евстаѣеву; спустя день подобнае же дѣйствіе оказалось и въ лѣвомъ ухѣ. Воду впускали непереставали поцѣпи и пошести разъ ежедневно по утру. Въ одинъ день, когда у ближней церкви зазвонили во всѣ колокола, Дицъ лишился чувствъ отъ головной боли; потомъ въ концѣ Юля, прислужница замѣтила, что ея глухо-нѣмой началъ вслушиваться въ звонъ колокольной; а когда звонили дома въ колокольчикъ, то онъ каждой разъ съ чувствомъ удовольствія давалъ еще разумѣть прислужницѣ. Въ началѣ Августа Дицъ сталъ уже прислушиваться и къ словамъ разговаривающихъ. При играніи на органахъ нѣкоторыхъ медленныхъ и простыхъ пѣсень, больной сперва поблѣднѣлъ и зашевелилъ губами; потомъ щеки

его разгорѣлись, въ глазахъ засверкала огонь необыкновенный и пульсъ забился очень скоро и сильно; наконецъ движенія его спади упихашь и больной извѣявъ удовольствіе свое громкимъ смѣхомъ. Съ чувствомъ слуха возвращено Дицу вмѣстѣ и употребленіе слова: но точно какъ у дѣшей оно сперва началось нескладнымъ произношеніемъ слышимыхъ звуковъ. Способность говорить конечно получается ошъ природы вмѣстѣ съ жизнью; но самое искусство слова приобретается посредствомъ упражненія,

✱

Нашъ знаменитый Палласъ, незадолго передъ симъ умершій въ Берлинѣ, тамошнему вновь учрежденному Университету отказалъ часть драгоценнаго своего собранія зоологическихъ и ботаническихъ рѣдкостей.

✱

Фокусникъ Шарль въ бытность свою въ Швейцаріи называлъ самъ себя не только *художникомъ чревовѣщителямъ* (artiste-ventriloque), но еще *Королевско-Прусскимъ и Мекленбургъ-Шверинскимъ привилегированнымъ чревобасникомъ!*

✱

Въ Прагѣ напечатанъ Нѣмецкій переводъ *Пѣсни о полку Игоревѣ* подъ такимъ названіемъ: Героическая пѣсня о походѣ противъ Половцовъ Князя Новгородско-Сѣверскаго Игоря Святославича, сочиненная въ концѣ 12 столѣтія. Переводчикъ (Докторъ Миллеръ) объявляетъ, что сочинитель Пѣсни, природный пиитъ, занимаетъ среднее мѣсто между Оссіаномъ и Гомеромъ. Для любопытныхъ прилагаемъ образчикъ Нѣмецкаго перевода: „Du starker *Aucrochs*, Wsewolod! — — Wobin der

„Ochs sprang, mit seinem goldnen Helm leuchtend,
 „da liegen heidnische Köpfe der Polowzer, mit
 „gehärteten Sabeln gespaltene owarische Helme,
 „von dir, du starker Auerochs Wsewolod! Verges-
 „sen hat er Ehrenbezeigungen und Leben, die
 „Stadt Tschernigow und den väterlich goldnen
 „Sitz u. s. w.“ Воиѣ подлинникѣ: Ярѣ Турѣ
 „Всеволоде! — — камо турѣ поскачаше, своимѣ
 „зланымѣ шеломомѣ посвѣчивая, тамо лежатѣ
 „поганыя головы Половецкѣя, поскепаны саб-
 „лями валеными шелома Оварскѣя отѣ тебе
 „Ярѣ Турѣ Всеволоде. Кая раны дорога, бра-
 „шнѣ, забывѣ чши и живоша, и града Черни-
 „гова отчѣ злапа стола и проч.“ А воиѣ и
 Русской нынѣшнѣй переводѣ (Московскаго
 изданѣя): „Обогащырь Всеволодѣ! — — гдѣ шѣ
 „богашырь ни появишься, блистая золотымѣ
 „своимѣ шлемомѣ, тамѣ лежатѣ нечестивыя
 „голова Половецкѣя, и разсѣченѣ булашными
 „саблями Оварскѣя шлемы ихѣ отѣ тебя, хра-
 „брый Всеволодѣ! Какими брашцы ранами по-
 „дорожишѣ снѣ, забывѣ почести и веселую
 „жизнь, городѣ Черниговѣ, отеческой золотой
 „престолѣ и проч.“ Одинѣ Нѣмецѣ въ Иенскихѣ
 ученыхѣ вѣдомостяхѣ хвалитѣ переводѣ; дру-
 гой Нѣмецѣ же въ прибавленѣи къ Рижскому
 Зришелю говоритѣ, что переводѣ очень жо-
 стокѣ, и что вмѣсто означенныхѣ здѣсь
 косыми буквами Auerochs надобно бы употреб-
 ить Ur, а вмѣсто väterlich должно бытъ
 der Vater gold Sitz.

IV. ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Парижъ, отъ 5 Октября, н. ст. По повелѣнію Императора отъ 12 Сентября положено со всѣхъ привозимыхъ во Францію сочиненій на Французскомъ языкѣ, печатанныхъ въ Имперіи, брать пошлины по 150 франковъ съ метрическаго центнера; съ книгъ же на другихъ языкахъ по 75 сантимовъ съ квадратнаго грама.

Антверпенъ, отъ 6 Октября, н. ст. Сего Октября 4 числа по утру въ четыре часа съ половиною прибылъ Императоръ изъ Антверпена къ Вилленштадту. Не въѣзжая въ сей городъ, Его Величество изволилъ осматривать укрѣпленія. Въ два часа по полудни былъ онъ у Гелвешлюйса, а оттуда отправился на островъ Горюю. Въ пять часовъ Его Величество пробѣжалъ мимо Вилденштадта къ Дордрехту, куда и прибылъ въ семь часовъ съ половиною.

Утрехтъ, отъ 7 Октября, н. ст. Сего числа Его Величество Императоръ прибылъ въ здѣшній городъ, а 3 го изволилъ отправиться отсюда въ Амстердамъ.

Амстердамъ, отъ 10 Октября, н. ст.

Вчера въ половинѣ претьяго часа по полудни Императоръ и Императрица наши имѣли торжественный вѣздъ въ городъ Амстердамъ. По прибытіи своемъ во дворецъ, Его Величество принималъ Министровъ, Сенаторовъ и прочихъ чиновниковъ. Сего дня Императоръ осматривалъ здѣшнія верфи и разныя часты гавани.

Оттудажъ, отъ 15 Октября, н. ст.

Сего дня по утру Императоръ отправился отсюда въ Сѣверныя страны Голландіи. — Изъ Сардама отъ 13го числа пишутъ слѣдующее: „Вчера въ три часа по полудни прибыли сюда Императоръ и Императрица совсѣмъ неожиданно, такъ что никто не успѣлъ ихъ и встрѣтить. Ихъ Величества посѣтили шу знаменитую хижину, въ которой жилъ Императоръ Петръ Великій во время пребыванія Своего въ Сардамѣ, и осматривали все въ ней находящееся.“ (С. П. В.)

Изъ Гагги, отъ 24 Октября, н. ст. Сего числа около 4 часѣвъ по полудни прибыли сюда Императоръ и Императрица наши при пущечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Вскорѣ послѣ того отправились въ деревню Швефелингенъ. Ввечеру данъ былъ здѣшнимъ городомъ балъ, который Ихъ Величества изволили почтить своимъ присутствіемъ. Въ здѣшнемъ городѣ Ихъ Величества изволили остановиться въ домѣ Г. Гопа.

Изъ Амстердама, отъ 24 Октября, н. ст. Вчерашняго числа Ихъ Величества, Императоръ и Императрица наши, изволили

присутствовать на балѣ, который данъ былъ для нихъ здѣшнимъ городомъ въ домѣ общества, *Felix meritis*. — По повелѣнію Императора, отъ 22 числа сего мѣсяца, учреждены будутъ въ Лейденѣ и Греннингенѣ двѣ Академіи, изъ коихъ для первой, долженствующей имѣть попеченіе о всѣхъ находящихся тамъ учебныхъ заведеніяхъ, назначено 100,000 франковъ ежегоднаго дохода. Утрехтскій Университетъ и Аѳиней въ Амстердамѣ и Девентерѣ наименованы будутъ второкласными училищами (*Secundar-Schulen*). Таковыя же должны быть заведены во всѣхъ значнѣйшихъ городахъ Голландіи. Равнымъ образомъ открыты будутъ къ 1813 году въ Лейденѣ, Греннингенѣ и Утрехтѣ Лицеи. Чрезъ три мѣсяца всѣ частныя училища должны непременно имѣть учителей Французскаго языка, и по прошествіи двухъ лѣтъ никто изъ учителей, незнающихъ пофранцузски, не будетъ допускаемъ къ обученію. (*Съв. Дѣ.*)

*

Мадридъ, отъ 5 Сентября, н. ст.
Здѣсь все спокойно. Носится слухъ о скоромъ отъѣздѣ Короля въ Сарагосу. Отсюда отправляется великое количество воинскихъ снарядовъ и хлѣба для арміи, спящей по ту сторону Сьерры - Морены. Преслѣдованіе корпусовъ Блака и Фрейера продолжалось до 17 Августа; нѣсколько Французскихъ колоннъ вступили въ Королевство Мурцію и распространили ужасъ до самой Картагены. — Въ Севиллѣ день тезоименитства Наполеона празднованъ съ великимъ торжествомъ.

*

Изъ Италіи, отъ 24 Сентября, н. ст.
Въ гавани Неаполитанскаго Королевства изъ

всѣхъ мѣсѣхъ Средиземнаго моря ежедневно приходятъ корабли и отправляются обратно въ оныя. Суда, плавающія при берегахъ, совершенно безопасны, ибо весь берегъ Королевства Неаполитанскаго защищается сильными прибрежными батареями. Даже и при Монте Чирчелло заложена большая батарея: Соеобщеніе между Отрапто и Корфу совершенно свободно: Англичане въ продолженіи сего лѣта ни мало не беспокоили острова Корфу: Оный находится въ такомъ оборонительномъ состояніи, что всякое покушеніе со стороны неприятеля обратилось бы въ собственному его вреду. (С. П. В.)

✽

Изъ Рима, отъ 5 Октября, н. ст. Здѣсь утверждаютъ, что Императоръ далъ повелѣніе объ исправленіи Квиринальскаго дворца, и что будто бы назначены уже и суммы для приведенія оного въ прежнее состояніе. Изъ сего заключають въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ журналахъ, что Кухъ Величества намѣрены удостоить своего посѣщенія второй городъ Французской Имперіи. (Съв. П.)

✽

Вѣна, отъ 2 Октября, н. ст. Въ писемъ; полученныхъ изъ Презбурга, и частные люди прибывшіе сюда на сихъ дняхъ изъ онаго, увѣряють, что засѣданія собравшагося въ семъ городѣ Сейма продолжаются спокойно: Знапнѣйшіе Магнаты объявили, что Венгерскій народъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ прежнюю вѣрность свою и привязанность къ престолу докажетъ новыми чрезвычайными пожертвованіями. — Ерцъ-Герцогъ Рудольфъ, отказавшійся отъ духовнаго состоянія, не принявъ Архіепископства Олив-

мюцкаго, получилъ начальство надъ нѣжонскимъ бывшимъ Ольвинцевымъ полкомъ.

(С. П. В.)

Изъ Вѣны, отъ 8 Октября, н. ст. По полученнымъ изъ Презбурга извѣстіямъ о согласіи чиновъ Сейма пожертвовать церковнымъ серебромъ для передѣланія онаго въ монету, ожидаютъ здѣсь, что въ курсъ нашемъ послѣдуетъ весьма выгодная переѣна. За 100 гульденовъ монеты даютъ нынѣ 230 гульденовъ новыми билетами. Извѣстно, что 100 гульденовъ сими билетами составляютъ 500 гульденовъ прежними ассигнаціями, для обѣна коихъ были они выпущены.

*

Изъ Лейпцига, отъ 9 Октября, н. ст. Нынѣшняя ярмарка наша вовсе не соотвѣтствуетъ лестнымъ ожиданіямъ здѣшнихъ жителей. На большія покупки недостаетъ у купцовъ ни денегъ, ни смѣлости. Что касается до предметовъ необходимой потребности и роскоши, то продажа оныхъ еще довольно успѣшна; на шелковые же товары нѣтъ совсѣмъ покупателей, и нѣкоторыя издѣлія въ сравненіи съ цѣнами прошедшей ярмарки продаются почти въ половину дешевле единственно для оборота. Все сіе служитъ новымъ доказательствомъ, что или въ Германіи выдѣлывается болѣе товаровъ, нежели сколько для нея потребно; или обращающаяся въ ней сумма денегъ недостаточна для ея промышленности.

*

Изъ Лондона, отъ 28 Сентября, н. ст. По извѣстіямъ изъ Бомбая, Вехабиты продолжаютъ распространять свои завоеванія, и

недавно разорили они Маскадскихъ Аравитянъ и присланныхъ къ нимъ на помощь Персіянъ, такъ что сихъ послѣднихъ положено было на мѣстѣ отъ 2 до 3000.

Оттуда же, отъ 7 Октября, н. ст. Заключение Совѣта, разсуждавшаго о состояніи здоровья Короля нашего, не столь выгодно, какъ того ожидали. Хотя надежда о совершенномъ исцѣленіи Его Величества еще не все исчезла, но прошиву прежняго гораздо уже умалилась. Говорятъ однако же, что извѣ уваженія къ особѣ Короля предположенное врученіе неограниченной власти Принцу Регенту паки отложено, и засѣданія Парламента открыты будущъ не прежде какъ въ концѣ сего года. (Съв. П.)

Оттуда же, отъ 7 Октября, н. ст. Флотъ нашъ, находящійся предъ Тулономъ, состоитъ нынѣ изъ слѣдующихъ кораблей: *Каледонія Гибернія, Ла Виль-де-Пари, Ройяль Суверень, Горкъ, Ренульсъ, Конквероръ, Аяксъ, Бомбай, Ахиллъ, Кентавръ, Левіаганъ, Родней, Манъифисанъ и Султанъ.* За нѣсколько времени предъ симъ флотъ снялся съ якоря и намѣренъ былъ выдти изъ Гересскаго залива, но по причинѣ прошиваго вѣтра нашелъ онъ на неприятельскія батареи, при чемъ у штурмана корабля *Тежерера* оторвало ногу ядромъ и трое матрозовъ тяжело ранены.

Говорятъ, что Сиръ Пеллевъ намѣренъ во всю зиму содержать Тулонскую рейду въ тѣснѣйшей блокадѣ. Впрочемъ флотъ нашъ имѣетъ теперь великой недостачи въ свѣ-

жей говядинѣ, потому что съ острова Минорки, который служитъ нынѣ убѣжищемъ для Испанцевъ, а особливо для жителей Таррагоны, вывозъ рогатого скота запрещенъ: а потому флотъ нашъ можетъ доставать быковъ, да и то по малому числу, съ однихъ только береговъ Варварійскихъ.

Линейный корабль *Кумберландъ* оставилъ Гибралтаръ 8 го числа сего мѣсяца. Съ прибывшимъ въ тамошній портъ купеческимъ кораблемъ получено извѣстiе, что Король Сардинскій опасается нападенiя отъ Французовъ съ острова Корсики.

Между Англійскимъ и Испанскимъ правительствомъ, сказано въ Морнингъ-Крониклѣ, заключенъ договоръ, по которому послѣднее изъ оныхъ согласилось принять посредничество Англии для прекращенiя, если то будетъ возможно, несогласiя, происшедшихъ между Испанскимъ правительствомъ и его колонiями въ Южной Америкѣ. Коммиссарами Его Величества Короля нашего назначены Г. Стуртисъ нашъ Министръ въ Лиссабонѣ, Капитанъ Кокборнъ и Г. Морьеръ Повѣренный въ дѣлахъ въ Америкѣ; они должны дѣйствовать вмѣстѣ съ тѣми Коммиссарами, кои избраны будущъ Верховнымъ Совѣтомъ Испанскаго и Индiйскаго Правительства. Г. Гопартъ, служащiй при департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, назначенъ Секретаремъ Коммиссии: Трудно угадать, что будущъ дѣлашь Англiйскiе Коммиссары въ Южной Америкѣ. Мы думаемъ, что правительство наше поступитъ вопреки политикѣ, ежели вмѣшается, какимъ бы то образомъ ни было, въ дѣла Испанiи съ ея

колоніями. Кажется, правительству нашему надлежало бы опклонить такое предложеніе. Истинная полишика наша въ разсужденіи Южной Америки пребуешь, чтобы дѣла ея оставались въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ они находящяся нынѣ. Приемлемое нами въ оныхъ посредничество удобно возродитъ въ народѣ Южной Америки подозрѣніе къ нашимъ Коммиссарамъ, которыхъ онѣ скорѣе сочтешъ союзниками Испанцевъ, нежели своими друзьями. Ежели народъ сей твердо рѣшился бытъ независимымъ, то онѣ конечно достигнетъ сего намѣренія: ни что возпрепятствовашъ ему въ томъ не можетъ; а наше содѣйствіе Коммиссарамъ Испанскаго правительства только возбудитъ въ Американскихъ жителяхъ сильную къ намъ ненависть, и слѣдственно мы никакой пользы ни себѣ ни имъ сдѣлашь не можемъ. Если бы Испанское правительство, или Кортесы заблаговременно перемѣнили прежній образъ управленія своими колоніями, то сіи никогда бы и не вздумали опдѣлиться отъ Испаніи; но теперѣ уже поздно: революціонный духъ распространился по всей Южной Америкѣ, и никакіе посредники, присланные туда изъ Европы, не въ состояніи будущъ основать его. И такъ самая благоразумная полишика пребуешь, чтобы мы никакимъ образомъ не вмѣшивались въ сіи дѣла; попому что отъ нашего посредничества не только не должны мы ожидать для себя какой либо выгоды, но напротивъ того оно можетъ обратиться во вредъ собственнымъ нашимъ пользамъ.

По письмамъ изъ Лиссабона, Маршалъ Мармоншъ получилъ сильное подкрѣпленіе;

также и въ главной Англійской кварширѣ получено достовѣрное язвѣстіе, что многіе корпусы Французскихъ войскъ переправились чрезъ Пиринейскія горы и пошли въ разныя мѣста Испаніи. Равнымъ образомъ и съ нашей стороны посланы новыя войска на многихъ перевозныхъ судахъ, копорыя уже прибыли въ Лиссабонъ; но подкрѣвленія сіи еще недоспашочны. Думающъ что въ скоромъ времени воспослѣдуетъ генеральное сраженіе. Блокада Цивидадъ - Родриго продолжается неослабно. Маршалъ Мармонтъ собралъ всѣ свои силы въ окрестностяхъ Плаценціи, гдѣ находишся главная его кваршира.

Теперь уже не стараются скрывать отъ насъ, что Сицилійскій Дворъ сдѣлался нашимъ неприятелемъ.

Семь Провинцій въ Испанской Америкѣ, *Карракасъ, Кумана, Бариносъ, Маргарета, Барцеллона, Траксилласъ и Мерида* объявили себя независимыми, подъ именемъ *Союзныхъ Провинцій Венецуеллы*. Всѣ сіи Провинціи составляютъ одну, называемую *Терра-Фирма*, лежащую на берегу Атлантическаго моря въ Южной Америкѣ.

(С. П. В.)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 23. ДЕКАБРЬ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Изъ Гиббоновой Истории объ уладкѣ
и разрушеніи Римской Имперіи
Глава XL.*

(Продолженіе.)

Все нарѣваніе должно бы отразиться на характерѣ Юстиніана; однакожъ великая часть вины, а еще большая прибытковъ, принадлежала министрамъ, возводимымъ на степень сію рѣдко за добродѣтели и не всегда избираемымъ по ихъ дарованіямъ. О заслугахъ Квестора Трибоніана будетъ упомянуто при описаніи преобразования Римскихъ законовъ. Управленіе государственнымъ хозяйствомъ находилось въ рукахъ Префекта Препоріанскаго, того самаго Іоанна Каппадокійскаго, коего Прокопій изобразилъ въ исторіи яркими

красками, и тѣмъ оправдалъ сказанїи тайныхъ своихъ анекдотовъ. Сей Министръ свѣдѣнїя свои почерпнулъ не въ училищахъ, и едва умѣлъ писать; но онъ обладалъ силою природнаго разума, могъ подавать самыя мудрыя совѣты и при опчаянныхъ обстоятельствахъ находилъ спасительныя средства. При столь отличныхъ качествахъ разума онъ имѣлъ самое развращенное сердце. Его подозрѣвали въ магическомъ и идолопоклонническомъ суевѣрїи; онъ однакожъ казался нечувствительнымъ ни къ божїему страху, ни къ людскому нарѣванїю, и благоденствїе Іоанново возносилось на погибели тысячъ, на бѣдности милліоновъ, на разоренїи городовъ и на опустошенїи провинцій. Съ упреней зарю до обѣда онъ прилѣжно старался обогащать Государя своего и себя на счетъ всей Римской Имперїи; остатокъ дня посвящаемъ былъ чувшвеннымъ удовольствїямъ и постыднымъ забавамъ, а тихїе часы ночи возмущаемы были непрерывнымъ опасенїемъ мстящаго убійства. Его дарованїя, а можеть бышь и пороки, сберегли продолжительную дружбу Юстинїанову: Императоръ единожды принужденъ былъ удовлетворить ярости народа; скоро однакожъ побѣда сія помрачилась возстановленїемъ врага подданныхъ Юстинїана, и болѣе десяти лѣтъ подъ шатоснымъ его правле-

нѣмъ видѣли они, что Іоаннъ сдѣлался болѣе раздраженнымъ нежели наспавленнымъ отъ случившагося съ нимъ несчастія. Ропотъ народный служилъ только къ увеличенію довѣренности Императора къ Министру. Наконецъ Префектъ сей въ высокоуміи своемъ дерзнулъ оскорбить Θεодору, неуважилъ могущества поѣ, передъ копто-рою всѣ преклонили колѣна, и повусился посѣять сѣмяна раздора между Императоромъ и его любимую супругою. И сама даже Θεодора нашлась принужденною скрыть свою досаду; ждашь благоприяшной минушты и невидимыми средспвами сдѣлашь Іоанна виновникомъ собственнѣй его гибели. Въ то время когда Велизарій, знаменитый герой свсего вѣка, долженъ былъ показашься мятежникомъ, супруга его Антонина, тайная наперсница Государыни, увѣдомила Іоаннову дочь Евфимію о мнимомъ своемъ негодованіи прошивъ Θεодоры; легковѣрная дѣвица объявила опцу своему объ опасномъ предпріятіи, и Министръ, который долженъ бы знашь важность кляшвъ и обѣщаній, рѣшился имѣшь въ ночную пору законопреступное свиданіе съ Велизаріевою супругою. Спража и внухи пославлены были въ засадѣ по распоряженію Θεодоры; они кинулись съ обнаженными мечами, дабы схвапшь, или наказать вѣчнаго Министра; однакожъ Іоаннъ спа-

сенъ вѣрною своею свитою; но вмѣсто того чтобы обратиться къ милосивому своему Императору, который пайно увѣдомлялъ уже его о предстоящей опасности, прибѣгнувъ къ защитѣ святилища храма. Юстиніанъ принужденъ былъ супружескую нѣжnosť, или домашнее сносоствѣе, предпочесть любимцу. Префектъ вспуилъ въ духовное званіе и тѣмъ уничтожились всѣ его надежды. Впрочемъ дружба Императора облегчила несчастіе Іоанна, который живучи въ сносномъ зоченіи въ городъ Кузінъ, пользовался немалою частію прежняго своего богатства. Столь слабое мщеніе неудовлетворило неукротимому гнѣву Θεодоры; убіеніе стараго неприняемаго ея, Кузінскаго Епископа, подало еще благовидной случай, и наконецъ Іоаннъ Каппадонійскій, тысячу смертей заслужившій своими поступками, осужденъ былъ за такое прѣступленіе, въ которомъ онъ не имѣлъ никакого участія. Сильный Министръ, облеченный почестями консульскаго и патриціанскаго достоинства, вышерпѣлъ безчестное наказаніе нута, какъ прѣступникъ послѣдняго званія; отъ всѣхъ богатствъ осталась ему одна только епанча изношенная; его отправили въ Антинополь, въ верхній Египетъ, и Префектъ восточный до крайности просить себя подаанія въ тѣхъ городахъ, въ коихъ

прежде отъ одного имени его всѣ препешали. Въ продолженіе семи лѣтъ неутомимая жестокость хитрой Теодоры угрожала Іоанну новыми бѣдствіями, и уже по кончинѣ ея, когда Императоръ могъ вызвать обратно своего служителя, котораго долженъ былъ оправдать противъ желанія, честолюбіе Іоанна Каппадокійскаго ограничилось опправленіемъ священнической должности. Преемники его доказали подданнымъ Юстиніана, что опытносшю и прилжаніемъ возможно еще болѣе усовершенствовать искусство прилженія; обманы одного Сирійскаго банкира введены въ систему управленія финансами; примѣру префекта слѣдовали квесторъ, государственный и придворный казначей, губернаторы провинцій и всѣ главные начальники Восточной Имперіи,

V. Юстиніановы *зданія* сооружены сшжаніемъ народнымъ и скрѣплены кровію подданныхъ; невзирая на то, сш пышныя громады по видимому свидѣтельствуютъ о благоденствіи Государства, и нынѣ служатъ для насъ памяшниками шгдашняго зодчества. Умозрипельныя и въ дѣйствіе производимыя искусства, опносящіяся къ математическимъ и механическимъ наукамъ, были покровительствуемы Императорами. Проклъ и Анеемій прославились неменѣе

древняго Архимеда; и если бы чудеса ихъ были описаны умными и свѣдущими наблюдателями, то они послужили бы нынѣ къ распространенію круга умозрительныхъ выкладокъ ихъ и неводили бы въ сомнѣніе философовъ. Извѣстно всѣмъ преданіе, что Архимедъ истребилъ Римской флотіи въ пристани Сиракузской посредствомъ зажигательныхъ стеколъ; утверждающъ, что подобнымъ способомъ и Прокль; разрушивъ Готфрдаіе корабли въ гавани Констанцинопольской, защитилъ благодѣтеля своего Анаспасія отъ дерзновеннаго Вишадлана. Поспавленная на городской стѣнѣ машина состояла изъ шестигульнаго мѣднаго зеркала и изъ множества подвижныхъ частей онаго, служащихъ для принятія и отраженія лучей солнечныхъ; губительное пламя досягало, вѣроятно, до разстоянія на двѣсти фушовъ. Истина сего необычайнаго событія ослабляется молчаніемъ дозволившихъ дѣйствительныхъ свѣдѣтелей; сверхъ того зажигательныя стекла въ послѣдующія времена при осадѣ и оборонѣ крѣпостей никогда не были употребляемы: однакожъ извѣстный Философъ Французскій (*) удивительными своими опытами доказалъ возможность сего дѣйствія; и я, убѣждаемый возможностью событія, скорѣе припищу

(*) Бюффонъ.

изобрѣшеніе онаго величайшему изъ древнихъ математиковъ, нежели выдумавъ ту паго лѣтописателя, монаха или софиста. Другіе говорящъ, будто Прокль употребилъ сѣру для испребленія Голфскаго флота. При нынѣшнемъ состояніи дѣла имя сѣры пошчасъ даетъ поводъ догадываться о порохѣ, и сія догадка подкрѣпляется свидѣтельствомъ историковъ о тайныхъ искусствахъ Анеемія, ученика Проклова. Одинъ гражданинъ Траллеса, что въ Азіи, имѣлъ пятерыхъ сыновей, опличившихся успѣхами своими въ разныхъ искусствахъ и наукахъ. Олимпій былъ очень хорошій законовѣдецъ. Діоскоръ и Александръ оказались весьма учеными врачами; первый изъ нихъ искусство свое посвятилъ благу своихъ согражданъ, а другой, побуждаемый честолюбіемъ, отправился въ Римъ искать славы и богатства. Метродоръ извѣстенъ былъ въ качествѣ ученаго грамматика, Анеемію же какъ искусный математикъ и архитекторъ: Императоръ призывалъ ихъ обоихъ въ Конспанцинополь, Одинъ преподавалъ юношесству правила краснорѣчія, а другой наполнялъ столицу и провинціи болѣе прочными памятниками своего искусства. Нѣкогда, въ маловажномъ спорѣ съ сосѣдомъ своимъ Зенономъ о слѣнахъ или окнахъ дома, Анеемію принужденъ будучи уступить краснорѣчію орашора,

въ свою очередь опмстилъ ему неопасную механическою шушкою, впрочемъ весьма шемно описанною испорикомъ Агаеѣмъ, Механикъ поставилъ на низкомъ мѣстѣ нѣсколько сосудовъ или кошловъ съ водою и покрылъ каждой изъ нихъ широкимъ усъемъ кожаной шрубы; другіе концы шрубъ подложены были подъ перекладны и брусья сосѣдскаго дома, Подъ кошлами разведенъ огонь; распространяющійся по шрубамъ паръ колебалъ стѣны дома, и усбращенные жители его подумали, что землетрясеніе угрожаетъ Константинополю. Въ другое время пришли Зеноновы, сидя за столомъ, ослѣплены были внезапнымъ блескомъ лучей, опразившихся отъ Анееміевыхъ зеркалъ; сверхъ того они приведены были въ изумленіе звуками нѣкопрыхъ вещицъ, малыхъ и звонкихъ: тогда орапоръ надутымъ слогомъ объявилъ въ Сенатъ, что проспой смершнѣй по неволѣ долженъ усшудить силъ шакого прошивника, копорой колебленъ землю Цепшувовымъ презубцемъ, гремитъ и блещетъ перунами самаго Юпитера. Дарованія Анеемія и шоварища его Исидора Милезіанскаго были ободряемы и употреблены въ дѣло Государемъ, въ кошоромъ склонность къ зодчеству превратилась въ шраспъ разорительную и весьма вредную. Любимые архитекторы предспавляли планы свои и

недоразумѣнїя на судѣ Юстинїана, смиренно исповѣдуя ничтожность многотрудныхъ усилїй слабаго ума своего передъ вдохновенною мудросшію такою Императора, коего намѣренїя всегда клонились ко благу своего народа, ко славѣ своего царствованїя и ко спасенїю душевному.

Главная церковь, основанная въ Константинополѣ сооруженная въ честь Святой Софїи или вѣчной премудрости, двукратно была разрушаема пожаромъ, въ первой разѣ по изгнанїи Іоанна Златоуста, а въ другой при возмущенїи партїи Синей и Зеленой. Еще мятежъ непрекращался, какъ народъ христіанскїй началъ уже раскаиваться въ богопрошивной своей запальчивости; но онѣ могъ бы веселиться несчастьемъ своимъ, еслибъ тогда предвидѣлъ славу новаго храма, къ сооруженїю коего немедленно, по прошествїи сорока дней, приступилъ благочестивый Императоръ. Мѣсто очищено; назначено обширѣйшее пространство, и владѣльцы земли едва получили самой коронкой срокъ отъ неперѣливаго Монарха. Анѣемїй начерталъ планъ; умъ его управлялъ руками десяти тысячъ работниковъ, копорымъ въ каждой вечеръ выдаваема была плата числою серебряною монетою. Самъ Юстинїанъ, надѣвши льняную тунику, ежедневно осматривалъ по-

вѣщную работу, и ободрялъ мастеровъ ласковыми словами, ревностнымъ участіемъ и наградами. Новая кафедральная церковь Св. Софїи освящена Папрїархомъ послѣ пяти лѣтъ одиннадцати мѣсяцовъ и десяти дней отъ первоначальнаго ея основанія, и во время самаго торжества Юстинїанъ воскликнулъ съ набожнымъ шщеславіемъ: „Хвала Богу, удостоившему меня совершить сіе великое дѣло! Я побѣдилъ себя, о Соломонъ!“ Но гордость Римскаго Соломона, до испеченія двадцати лѣтъ, унижена была землеприсеніемъ, разрушившимъ восточную часть купола. Сіе достопамятное зданіе исправлено усерднымъ стараніемъ шогожъ Государя, и въ тридцать шестое лѣто своего царствованія Юстинїанъ торжествовалъ обновленіе храма, которой уже двенадцать столѣтій служитъ памятникомъ его славы. Зодчеству храма Св. Софїи, нынѣ обращеннаго въ главную мечеть, подражали Турецкіе Султаны, и сія величественная громада еще и теперь возбуждаетъ безплодное удивленіе въ Грекахъ и полезное любопытство въ путешественникахъ Европейскихъ.

Зришель обманывается неправильнымъ видомъ одной половины купола и клонящимся къ землѣ сводомъ; сторона главнаго входа не имѣетъ ни простопы, ни цыц-

ности ; размѣръ вообще уступаетъ иънепорымъ кафедральнымъ церквамъ Лаптинскимъ. Однакожъ архитекторъ, прежде всѣхъ вознесшій на воздухъ куполъ, по всей справедливости заслуживаетъ похвалу за смѣлою планъ и за искусное исполненіе. Куполъ Св. Софіи, освѣщаемый двадцатью чешырьмя окнами, имѣетъ споль малое наклоненіе, что верхъ его равняется шестой части его поперешника : мбра сего поперешника состоишь изъ ста пятнадцати фушовъ, а отъ верхней середины купола, на которомъ шеперь мѣсто креста заснула луна, до земли считаеяся сто восемьдесятъ фушовъ по прямой линіи. Вся окружность купола держится на четырехъ прочныхъ сводахъ, ушвержденныхъ на четырехъ же огромныхъ столбахъ, подкрѣпляемыхъ съ сѣверной стороны и съ южной толкымъ же числомъ колоннъ изъ Египетскаго гранита. Греческій крестъ, начертанный на чешыреугольной поверхности, предспавляетъ расположеніе сего зданія ; широна его простираеяся на двѣсти сорокъ три, а долготя на двѣсти шестидесять девять фушовъ, считаая отъ восточнаго края олпая до девяти западныхъ дверей, вѣдущихъ въ паперши и попомъ во внѣшнему преддверію. Въ семъ преддверіи шпояли кающіеся ; середина храма наполняеяся православными обоого пола, раздѣлен-

ными однакожь съ благоразумною оспорожносцію ; женщины молились въ особыхъ галлерейхъ , верхней и нижней . За свѣрнымъ и южнымъ столбами средину храма отъ хора отдѣляла рѣшетка , при концахъ коея устроены были мѣста для Императора и Патріарха ; между рѣшеткою и олшаремъ помѣщались пѣвцы и духовенство . Самой олшарь (и въ имени сему нечувствительно привыкъ слухъ православныхъ Грековъ) на краю спороны восточной сооруженъ былъ въ видѣ полу-цилиндра ; изъ него были входы въ ризницы , въ отдѣленіе для крещающихся и въ сопредѣльные зданія , назначенныя для обрядовъ богослуженія , или для жилищъ церковнаго причта . Помня прежнее несчастіе , Юстиніанъ вознамѣрился неупотреблять дерева при созиданіи новаго храма , кромѣ только на двери , и при выборѣ матеріаловъ имѣлъ въ виду прочность , легкость и великолѣпіе каждой части . Столбы , поддерживающіе куполъ , созиавлены изъ большихъ приугольныхъ и квадратныхъ плитъ песанаго камня , и скрѣплены свинцомъ съ немореною извѣстью ; но тяжесть купола облегчена качествомъ матеріала , состоящаго или изъ пензы на поверхности воды плавающей , или изъ кирпича Родосскаго , которой вѣшперо легче обыкновеннаго . Все зданіе сооружено изъ кирпича ; но сіе деше-

вое вещество закрыто мраморными досками; вся внутренность храма, куполь, два большіе и шесть меньшихъ полу-куполовъ, стѣны, сто колоннъ и помосты нынѣ пѣвнютъ взоры варваровъ богатствомъ и разнообразіемъ красокъ. Одинъ Поетъ (*), видѣвшій первоначальную пышность храма Св. Софїи, исчисляешъ цѣвшы, општѣнки и пѣшна десяти или двенадцати разныхъ мраморовъ, яшмъ и порфировъ, роскошно и щедро испещренныхъ напурою, какъ будто искуснымъ живописцомъ. Торжество христіянства украсилось послѣдними остатками отъ языческаго богослуженія; впрочемъ большая часть дорогихъ камней сихъ привезена изъ Малой Азіи, изъ острововъ Греческихъ, изъ самой Греціи, изъ Египта, Африки и Галліи. Восемь колоннъ порфировыхъ, Авреліаномъ поставленныхъ во храмъ Солнца, предложены въ даръ отъ набожности одной госпожи Римской; еще восемь колоннъ зеленого мрамора предсавлены отъ честолюбиваго усердія градоначальниковъ Ефесскихъ: тѣ и другія удивительны по величинѣ своей и по изяществу, но неправильныя капители ихъ не принадлежатъ ни къ какому ордену архитектурны. Различныя украшенія и фигуры изображены мозаическимъ искусствомъ;

(*) Павелъ Силенціарій.

начертанія лицъ Хрїста Спасителя; Пречислыя Дѣвы, Святыхъ угодниковъ и Ангеловъ, изглажены шеперь изувѣрчивомъ Турковъ. Образа сіи украшены были золотыми ризами. Рѣшетка передъ олтаремъ, вѣшались на колоннахъ, украшенія на дверяхъ и въ галлерейхъ, сдѣланныя изъ бронзы, покрышы были золотомъ; зритель ослаблялся блескомъ купола: одинъ олтарь содержалъ въ себѣ сорокъ тысячъ фунтовъ; священные сосуды и одежды сдѣланы были изъ чистѣйшаго золота и украшены безцѣнными камнями. Построеніе стѣнъ вышиною отъ земли въ два локтя стоило уже сорокъ пять тысячъ двѣсти фунтовъ, а все иждивеніе простиралось до трехъ сотъ двѣдцати тысячъ: пусть читатель по своему разсужденію опредѣляетъ сію цѣну серебра или золота, но то неоспоримо что вся сумма должна состоять не менѣе какъ изъ одного милліона фунтовъ стерлинговъ (*). Великолѣпный храмъ конечно есть достохвальный памятникъ усердія къ вѣрѣ и народнаго вкуса; я согласенъ также, что набожный человекъ, вошедши въ церковь Святыя Софіи, въ воспоргѣ ума почесить могъ ее обиталищемъ или даже твореніемъ самаго Божества; однакожь сколь слабо сіе произведеніе худо.

(*) 5,000,000 рублей серебряныхъ. К.

жествъ, сколь маловаженъ трудъ сей въ сравненіи съ образованіемъ послѣдняго насѣкомаго, пресмыкающагося на поверхности сего храма!

Симъ короткимъ описаніемъ храма, въ которомъ сила губительнаго времени прикоснувшись недерзнула, доказываеши справедливостъ повѣствованія о великомъ множествѣ зданій несполь огромныхъ и мѣнѣе прочныхъ, сооруженныхъ Юстиніаномъ въ столицѣ и въ провинціяхъ. Въ одномъ Константинополѣ и въ прилежащихъ къ нему предмѣстїяхъ освятилъ онъ двадцать пять церквей, сооруженныхъ во имя Хрїста Спасителя, Пречистыя Дѣвы и Святыхъ угодниковъ; онъ по большей части украшены были золотомъ и мраморомъ; мѣста для нихъ назначены были по искусному выбору или на заселенной равнинѣ, или въ припной роцѣ, или на берегѣ моря, или на высотѣ, откуда взоръ простирался по близлежащимъ окрестностямъ Азіи и Европы. Церковь Святыхъ Апостоловъ въ Константинополѣ и другая С. Іоанна въ Ефесѣ, кажутся, сооружены были по одному плану и съ куполами, подобными Софійскому; но олтарь въ нихъ устроенъ былъ въ средоточіи храма, и четьрьма со всѣхъ сторонъ поршивами гораздо явственнѣе изображалось начертаніе Креста Господня.

Иерусалимская церковь Пресвятыя Богородицы воздвигнута набожнымъ Императоромъ на мѣстѣ весьма неудобномъ для архитектора какъ по своему положенію, такъ и по трудности привозить матеріалы. Проложена дорога по скату горы до самой ея вершины. Камни, въ ближней ямѣ обтесанные по правильному размѣру, возимы были на особыхъ телегахъ, и для каждой плиты требовалось неменѣе сорока воловъ самыхъ сильныхъ. Ливанъ давалъ высокіе свои кедры, а ближняя весьма ксташи найденная жила краснаго мрамора снабдила удивительными колоннами, изъ коихъ двѣ, поддерживающія внѣшній портикъ, почитались самыми большими въ свѣтѣ. Благочестивый Императоръ щедрою рукою сыпалъ богатства на Святую Землю; онъ соорудилъ вновь и обновилъ многіе монастыри для обою пола, но онъ же выкопалъ колодези и построилъ больницы для покая путешественниковъ. Жители Египта по склонности къ ересямъ незаслуживали милостей Государа; но Сирія и Африка получили нѣкоторое вспоможеніе, послѣ преперпѣнныхъ ими бѣдствій отъ войны и землетрясеній. Карфагена и Антіохія, воздвигнутыя вновь изъ праха и развалинъ, имѣли справедливую причину благословлять имя своего благодѣтеля. Почти каждой изъ

угодниковъ Божіихъ имѣлъ храмъ, посвященный своему имени; почти каждой городъ Имперіи украшенъ поспроеніемъ выгодныхъ мостовъ, больницъ и водопроводныхъ каналовъ; только на бани и театры, на сіи предметы роскоши народной, щедрость Императора непростиралась. Юстиніанъ, заботясь о пользѣ общественной, немалѣе думалъ и о выгодахъ своего сана. Дворецъ Византійскій, поврежденный отъ пожара, вновь поспроенъ съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Можно судить о цѣломъ зданіи по богатому преддверію, которое называлось *бронзовымъ*; върочто по украшенію дверей или по крышѣ. Обширный четырехугольный сводъ поддерживался пологими четырьмя столбами; полъ и стѣны покрыты были разноцвѣтнымъ мраморомъ Лаконскимъ и Фригійскимъ; сводъ и стѣны представляли въ мозаическихъ изображеніяхъ пріумфы одержанныхъ побѣдъ въ Африкѣ и въ Испаніи. На Азійскомъ берегу Пропониды, близъ Халкидона, пышные чертоги и сады Терейскіе служили для лѣтняго пребыванія Императора, а болѣе Θεодоры. Современныя стихосворцы прославляли союзъ природы и искусства, согласіе нимфъ обитающихъ въ рощахъ, въ ручьяхъ и въ волнахъ моря; придворные служители напрошавъ того жаловались на неудобство жилищъ своихъ,

а нимѣры часто пуганы были извѣстнымъ Порфиріономъ, большимъ випомъ, шириною въ десять, а длиною въ тридцать локтей; страшилище сіе болѣе пятидесяти лѣтъ безпокоило воды Константинопольскія, и на послѣдокъ погибло въ устьи рѣки Сангариса.

(Окончаніе въ слѣд. нум.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Филомела и Прогна ().*

(Изъ Лафонтена.)

Когда - то Прогна залѣбла
Отъ башень городскихъ, обители своей,
Въ лѣса пустынные, гдѣ пѣла
Сиротка Филомела,
И такъ сказала ей
Болтливая пѣвица:
Здорова, душенька - сестрица!

(*) Филомела и Прогна, дочери Пандіона. Тетрей, супругъ послѣдней, влюбился въ Филомелу, заключилъ ее въ замокъ, во Фракіи находящійся, обесчестилъ, и отрѣзалъ языкъ. Боги, сжалившись надъ участію несчастныхъ сестеръ, превратили Филомелу въ соловья, а Прогну въ ласточку. Сок.

Ни видомъ не видать тебя ужь много лѣтъ!

За чѣмъ забыла свѣтъ?

За чѣмъ нашъ край не посѣщала?

Гдѣ была? гдѣ жила? куда и съ кѣмъ летала?

Пора, пора и къ намъ

Залетомъ по веснамъ;

Здѣсь скучно: все лѣса унылы,

И колоколенъ нѣтъ.

„Ахъ, мнѣ лѣса и милы!“

Печальной былъ отвѣтъ.

Комужъ ты здѣсь поешь, касатка возразила,

Въ такой дали отъ жила,

Отъ ласточекъ и отъ людей?

Кто слушаетъ тебя? спада глухихъ звѣрей

Иль хищныхъ птицъ собранье?

Сестра! грѣшно перяшь небесно дарованье

Въ безлюдной сторонѣ.

Признаться . . . здѣсь и спрашно мнѣ!

Смотри: песчаной боръ, рѣка, пустынные виды,

Гора висяща надъ горой,

Какъ словно въ Фракіи глухой,

На мысль приводяшь намъ Терезы обиды,

И гдѣ же шутъ покой? —

„За тѣмъ-то и живу средь скучнаго изгнанья,

Боясь воспоминанья

Любѣйшаго сто разъ;

Людей . . . боюсь у васъ“ —

Вздохнувъ сказала Филомела

Пошомъ: прости, прости! — взвилась и уле-

тѣла

Изъ ласточкиныхъ глазъ.

К.

Череловець.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Изъясненіе двухъ совамъ еще неизвѣстныхъ и весьма достопамятныхъ подлинниковъ на Славянскомъ языкѣ писанныхъ и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою.

В в е д е н і е.

Изъ многихъ частей, на которыя послѣ смерти Ярослава раздѣлилась Россія; *Область Новгородская* безспорно занимаетъ первое мѣсто у историка. Духъ свободы гражданъ Новгородскихъ, извѣстный между ними еще въ то время, когда въ жилахъ ихъ текла чистая кровь Славянская, и потомъ вѣроушно возвысившійся по смѣшеніи съ Варягами, коихъ многочисленнѣйшія толпы соединялись съ Новгородцами, нежели съ какимъ-либо другимъ Славяно-Русскимъ родомъ, — ихъ республиканскій образъ правленія, основанный на томъ духѣ свободы, — ихъ счастливое мѣстоположеніе на сѣверо-западномъ краю Россіи, куда не досягали губительныя опу-

отношенія, причиняемыя диктвмъ Азіатскимъ паспущескимъ народомъ, нѣсколько спольпій кочевавшимъ въ южной части Россіи, — ихъ древніе писанные законы, — ихъ военные походы въ страны дальняго сѣвера, — ихъ мореплаваніе и торговля, посредствомъ коихъ превзошли они жителей другихъ Русскихъ обласпей и богатствомъ и могуществомъ и образованностію — всѣ сіи оппичія дѣлающъ исторію Новгородской вольной обласпи весьма занимательною, и напоминающъ о древнихъ республикахъ Финикійскихъ и Греческихъ. Тѣмъ болѣе мы имѣемъ причину жалѣть, что сія исторія недостаточна въ нѣкопорухъ оппощеніяхъ. Лѣтописи древняго Новгорода, уцѣлѣвшія опъ постигшихъ его бѣдспвій, не содержатъ въ себѣ, какъ и большая часть хроникъ среднихъ вѣковъ, почти никакихъ замѣчаній, которыя народной молвѣ кажутся ничтожными, но которыя мыслящаго историка ведутъ къ весьма важнымъ заключеніямъ. Памятниковъ опъ древнѣйшихъ временъ республики, сколько мнѣ извѣстно, мы совсемъ неимѣемъ; подлинныхъ свидѣтельствъ оспалось немного, и они всѣ вообще писаны въ позднее время. Опъ того многія весьма важныя оппощенія древнихъ Новгородцовъ, на примѣръ связь ихъ съ Ганзой, остаются неизвѣстными, и немногія до сего пред-

мѣта касающіяся извѣстія должно собиратьъ изъ разныхъ мѣстъ съ великими трудностями. Но, смѣю прибавить, по сей-то причинѣ и самая неважная записка, служащая въ показанію событій древняго Новгорода, и случайно или по прилѣжномъ исканіи обрѣтаемая нами, передъ глазами историческаго изслѣдователя заключаетъ въ себѣ безцѣнное достоинство.

И такъ въ семъ уже отношеніи долженъ я почесться весьма счастливымъ случай открытія двухъ древнихъ Новгородскихъ грамотъ, которыя найдены мною между оставшимися бумагами покойнаго моего родителя, и о которыхъ свѣдѣніе намъренъ я теперь сообщилъ любителямъ отечественной исторіи; но другія обстоятельства дадутъ еще большую цѣну моему находкѣ. Немногія Новгородскія грамоты, въ здѣшнемъ Архивѣ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ хранящіяся, и которыя суть самыя древнѣйшія изъ числа извѣстныхъ донынѣ Русскихъ письменныхъ подлинниковъ, относятся только до *внутреннихъ* сношеній между Новгородомъ и Русскими Князьями (*). Но древ-

(*) Смори о томъ Россійск. Ист. К. Щербатова Т. III стр. 483, и Новикова Древнюю Росс. Вивлиоѳ. изд. 2. Т. I стр. 1 и слѣд. III.

нїя граматы, касающїяся до связи со внѣшними обласпями, до нынѣ были *вовсе неизвѣстны* (*). Мои принадлежатъ именно къ сему классу. Покойному опцу мое-

(*) Говорю *совсѣмъ неизвѣстны*; ибо хотя есть и другїя граматы, кромѣ сихъ мнѣ принадлежащихъ; но публикъ, сколько я знаю, онѣ неизвѣстны. Бывши въ Ригѣ передъ симъ незадолго, у тамошняго достойнаго Профессора г-на Бреге видѣлъ я нѣсколько письменныхъ подлинниковъ принадлежащаго сполѣшня, касающихся до отношеній нѣкоторыхъ обласпей Русскихъ къ чужестраннымъ. Въ числѣ ихъ находится именно договоръ между городами Ригю и Полоцкомъ, изъ котораго видно, что городъ Рига тогда имѣлъ форму правленія близкаго къ республиканскому. Короткое время пребыванія моего не дозволило мнѣ ни снять копию съ достопамятнаго сего договора, ни рассмотреть его съ особливою внимательностію; потому сіе мое замѣчаніе неполно, а можетъ спастись и невѣрно. — Договоры позднѣйшихъ временъ, какъ извѣстно, не очень рѣдки, а объ упомянутыхъ выше подлинникахъ, въ Архивѣ хранящихся, публика имѣетъ уже нѣкоторое свѣдѣніе по ирудамъ Щербатова и другихъ Русскихъ испориковъ. Но сіе опнюдь не касается до письменныхъ подлинниковъ Русскихъ, находящихся въ *иностранныхъ* архивахъ; они до сихъ поръ оставались почти совсѣмъ неизвѣстными и лежали безъ всякаго употребленія. Такимъ образомъ въ Архивѣ Кенигсбергскомъ хранятся многіе пись-

му достались онѣ посредствомъ разныхъ знакомствъ и связей, которыми имѣлъ онѣ со знатнѣйшими жителями города Любека, а особливо съ шамощными учеными мужами. Почти за шестнадцать лѣтъ передъ симъ, когда я слушалъ лекціи о Дипломатиѣ у знаменитаго Гашиперера, ошецѣ

менные подлинники, которые нынѣ по дозволенію Прусскаго правительства, списываются находящимся въ Кенигсбергѣ г. мѣ Геннингомъ, ученымъ и прилѣжнымъ дипломатикомъ, и пересылаются въ Россію. Я самъ видѣлъ въ архивѣ города Любека многіе Русскіе подлинники, и въ числѣ ихъ съ удивительнымъ великолѣпиемъ украшенную и прекрасно написанную грамоту съ большою золотою - печашью отъ Царя Бориса Годунова къ Ганзейскому Союзу. Еще досталъ я подробное свѣдѣніе (которое со временемъ сообщу публикѣ) объ одной чрезвычайно достопамятной перепискѣ между Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ и Готскимъ Герцогомъ Ернестомъ Кроткимъ, хранящейся нынѣ въ тайномъ архивѣ города Готты. Можно даже смѣло утверждать, что во всѣхъ большихъ княжескихъ архивахъ Германіи должны быть документы, принадлежащіе къ исторіи Россійской; и что благомыслящіе владѣтели оныхъ конечно не откажутся бы дозволить нашимъ путешественникамъ, имѣющимъ препорученіе отъ своего правительства, списывать для себя всѣ бумаги, относящіяся къ Русской исторіи. III

мой отдалъ мнѣ Новгородскія грамоты вмѣстѣ со множествомъ другихъ дипломатическихъ рѣдкостей, и въ то же время изуспно сообщилъ мнѣ касающіяся до нихъ выше приведенныя мною замѣчанія. Послѣ того, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Геттингена въ Москву, опецъ мой взялъ къ себѣ обратно дипломатическія рѣдкости, въ числѣ которыхъ были и обѣ грамоты. Долго потомъ я обѣ нихъ совсѣмъ недумалъ. Превосходное собраніе Славянскихъ древностей, принадлежащее г-ну Профессору Баузе, въ первой разѣ подало мнѣ случай вспомнить о грамотахъ; но какъ былъ я изумленъ, когда, за нѣсколько недѣль до отъѣзда моего въ Германію 1805 года, А. Ѡ. Малиновскій показалъ мнѣ въ Архивѣ Госуд. Киллегіи иноспр. дѣлъ Новгородскія грамоты принадлежанаго снѣлствія, достопамятнѣйшіе подлинники изъ всего собранія! Почеркъ, вѣшняя форма, свинцовыя печати, все напоминало мнѣ обѣ Геттингенскихъ моихъ знакомцахъ, и я не могъ понять себѣ, какимъ образомъ опецъ мой, обладая такимъ сокровищемъ, по видимому ничего неvědаль обѣ его достоинствѣ. Мысль сія съ тѣхъ поръ меня не покидала, и я при первомъ же случаѣ началъ искать грамотъ между вещами покойнаго моего родителя; но усилія мои были тщетны. Опецъ мой никакъ не могъ вспом-

нишь о двухъ паргаментныхъ подлинникахъ, сколько я ни спарался ему оныя описывать. Онъ досадовалъ даже, что я упверждаю возможность ихъ существованія. „Какъ тому спаться“ часто повпорялъ онъ, „чтобы я непомнилъ о вещахъ, для меня и для моихъ упражненій столь необходимыхъ.“ Такая убдишительная причина и меня самого заставила сомнѣваться; не могли же совершенно увѣрить себя въ томъ, что граматы никогда не было, я по крайней мѣрѣ спалъ думашь, что онъ должны быть *улучены*, когда узналъ случайно, что все собраніе дипломатическихъ рѣдкостей, оставшееся послѣ меня въ Гемпшингенъ, долго находилось въ чужихъ рукахъ. По прибытіи въ прошломъ году въ сей городъ, я оныя вспомнилъ о граматахъ, и непременно рѣшилъ ошискать ихъ. Долго спаранія мои были тщетными; наконецъ почитаемое упраченнымъ сокровище найдено въ такомъ мѣспѣ, гдѣ я совсѣмъ недумалъ найти его, въ набросанной кучѣ разныхъ чужеспранныхъ рѣдкостей. Мнѣ осталось загадку сію рѣшить шѣмъ, что граматы получены покойнымъ ошцемъ моимъ въроятно въ то время, когда онъ единшвенно занятъ былъ левціями своими о *полишикѣ*, *стаписшикѣ* и всеобщей исторіи и издаваніемъ одного журнала политическаго содержанія.

Я немедленно поручилъ одному искусному граверу вырѣзать на мѣди оныя граматы, съ шѣмъ чѣобы навсегда сохранишь ихъ для любителей счастливой исторіи. Въмѣстѣ съ отпечатками оныхъ осмѣливаюсь представить публикѣ и мои изясненія. Ежели не удалось мнѣ совершенно удовлетворить своему желанію — прошиву чего я и спорить не намѣренъ — въ такомъ случаѣ прошу благосклоннаго снисхожденія у читателей, и попому чшо мнѣ, какъ иностранцу, очень трудно изясняшь древніе памятники Русской исторіи, и наиболѣе по сродной слабости каждому человеку, коего все знаніе никогда небываетъ полнымъ и совершеннымъ. Впрочемъ всякой любитель исторіи воленъ пронцащельностію своею исправить мои ошибки и дополнить недостапки. Замѣчанія сего рода будутъ приняты какъ мною такъ и г-мъ Издашелемъ Вѣспника Европы съ должною признашельностію.

Общія замѣчанія.

Обѣ граматы написаны на пергаментѣ весьма чисто и четко, и величиною въ точности сходны съ приложенными здѣсь отпечатками. На обихъ неозначено ни года ни мѣсяца; следовательно время ихъ описывать должно не иначе какъ посредствомъ соображеній. Къ нимъ привѣшены свинцо-

выя печати, какія находяшся при Папскихъ буллахъ, но только грубѣ сдѣланныя. Смогря на сїи памятники, можно догадывашся, что древнїе Новгородцы оказали довольно значущїе успѣхи въ образованности. Особливо же примѣчанїя достойно, что въ Новгородѣ и тогда уже умѣли вырѣзывать штемпели на желѣзѣ, или на стали, хотя впрочемъ и неискусно.

Грамаѣа 1.

Внѣшняя форма. Письмо въ сей грамаѣѣ очень чистое, красивое и гораздо лучше нежели во вѣпорой. Чернила нѣсколько буроваты. Первое общепояшельство отвѣчаетъ вообще сдѣланному замѣчанїю, что древнѣйшїя Руссо-Славянскїя рукописи обыкновенно чистою почерка превосходящѣ *лозиднѣйшїя*. А симъ опять подтверждается истина, что въ Россїи послѣ *золотаго вѣка*, продолжавшагося подѣ благословеннымъ правленїемъ Владимїра и Ярослава, насталъ вѣкъ *желѣзный* по причинѣ междоусобныхъ браней и Татарскаго нацествїя.

Къ сей грамаѣѣ привѣшены при свинцовыя печати въ такомъ порядкѣ, въ какомъ оныя представлены здѣсь на опечаткѣ.

Впрочемъ рукопись не имѣетъ совершеннаго сходства ни съ однимъ изъ тѣхъ

образчиковъ древняго почерка Славянскаго, которые господинъ Оленинъ приложилъ при *Письмѣ своемъ къ Графу Мусину-Пушкину* о памятникѣ Тмутараканскомъ на девятой таблицѣ. Всего ближе подходишь она къ означеннымъ подъ номерами 7 и 9 на упомянутой таблицѣ буквамъ, которые, по показанію на 41 и 42 страницахъ, взяты изъ одной Несторовой лѣтописи 1377 года. Напротивъ того письмо граматы совершенно сходно съ древнѣйшими подлинниками Архива Иностранной Коллеги; можно бы даже подумать, что и моя грамата и Архивскіе подлинники писаны *одною* рукою. Знаюкамъ въ Славянской Палеографіи предославляеяся опредѣлить, нѣтъ ли въ почеркѣ граматы такихъ признаковъ, по которымъ бы заключить было можно о древности ея, относящейся далѣе 1377 года, если бы сіе послѣднее обстоятельство и не опровергалось другими признаками, о которыхъ я послѣ говорить буду. — Я нахожу въ почеркѣ граматы какую-то благородную *простоту*, которую можно почесать отличительнымъ признакомъ древности.

Списокъ граматы и изъясненіе.

„Отъ Великаго Князя Андрѣя, отъ
 „посадника Смена, отъ тысяцкого Машка,
 „отъ всего Новгорода; се прибха Иванъ
 „Бблынъ изъ Любча, Адамъ съ Гоцного

„берёга. Инцяолцятъ изъ Ригы, отъ сво-
 „ей брагии, отъ своихъ купецъ лашин-
 „ского языка. И дахомъ имъ при пуши гор-
 „ни по своей волоспи; а чѣтвертый въ
 „рѣчахъ. Гости вхати бесѣ пакости, на
 „божїи рудѣ и на княжи и на всего Нова-
 „города. Оже будетъ не чистѣ путь въ
 „рѣчкахъ, Князь велитъ своимъ мужемъ
 „проводити сїи гостѣ, а вѣстѣ имъ по-
 „даши.“

Надпись на печати съ правой руки
 шакова: *Сменова печать Климовича*,
 а другая съ лѣвой: *Тысяцкого печать*.
 Последняя имѣетъ надпись только на од-
 ной сторонѣ, а на другой находится об-
 разъ Святаго. Третья средняя печать рав-
 нымъ образомъ имѣетъ на себѣ съ одной
 стороны образъ Святаго безъ надписи, а
 съ другой начертаніе или всадника на конѣ
 (можетъ быть Св. Георгїя), или плыву-
 щаго корабля. Очень вѣроятно, что корабль
 былъ гербомъ Новгорода. Въ вранной Рос-
 сійской исторїи на страницѣ 149 упоми-
 нается о Новгородской монетѣ, называемой
 корабленниками; можетъ быть она отъ ко-
 рабля получила свое названіе. Присупимъ
 къ изъясненію.

Отъ (ш. е. имени) Великаго Князя
 Андрея, отъ посадника Семена, отъ Ты-

сяцкаго Машка, отъ всего Новагорода; прибхали Иванъ Бблынъ изъ Любека, Адамъ съ Голскаго берега (Висби) Инцяолцятъ изъ Риги (посланные) отъ своей братіи (союзниковъ?) отъ купцовъ своихъ Лашинскаго языка (Римско-Каполической вѣры). Мы дали имъ при *нагорныя* (по сушѣ) дороги въ нашей области, а чепвершую *въ рѣчкахъ* (по рѣкамъ). Чужестранцы (должны) бхать безъ преняшства на *рукахъ божіихъ* (подъ Божіимъ покровительствомъ) и на княжихъ (подъ покровительствомъ Князя) и на (рукахъ) всего Новагорода. А ежели (въ случаѣ) пущь *въ рѣчкахъ* (на рѣкахъ) будетъ *не числь* (не глубокъ); (по) Князь приказываетъ своимъ людямъ проводить сихъ чужестранцовъ и подашъ имъ извѣстіе (обо всемъ ихъ увѣдомишь).

Общее опредѣленіе содержанія и намѣренія граматы.

Сія рукопись вѣроятно служила граматою пропуска и провожанія для трехъ упомянутыхъ въ ней гражданъ, которые были можетъ быть просные только *прикащики*, присланные по *торговымъ дѣламъ*, или же *послы*, отправленные въ Новгородъ по препорученію *политическому*; до всего Ганзейскаго союза относящемуся. Словомъ *госли* (чужестранцы) здѣсь ничего рѣши-

тельно не опредѣляется; ибо хотя у Неспора (*) упоминаются *послы* и *госли*; однакожь, кажется, послѣднимъ именемъ называемы были ишѣ и другіе. Нѣкопорыя обстоятельство дающѣ мнѣнію сему особливую важность. Едва ли могло статься, чтобы проснымъ купцамъ даны были шоль *значущіе* провожатые, а шѣмъ болѣе въ такое время, когда (какъ мы послѣ увидимъ) въ Новгородѣ находилась уже *кантора Ганзейскаго Союза* (Нѣмецкой Дворѣ), и когда была уже шѣсная связь и частыя взаимныя сношенія между Новгородомъ и Ганзою; припомъ же если бы здѣсь дѣло соспояло только въ шорговомъ препорученіи, то конечно въ граматѣ какъ-нибудь было бы упомянуто о *Дворѣ Нѣмецкомъ*. Прибавимъ еще, что выдача сей граматы (какъ послѣ равнобрно покажемъ) относится точно къ тому времени, когда между Новгородомъ и Ганзою или дѣствительно заключенъ былъ шорговой договоръ, или по крайней мѣрѣ предположено было заключить оной.

Опредѣленіе мѣста. Въ граматѣ совсѣмъ ничего не сказано о мѣстѣ; но по

(*) Стр. 38. С. Петербургъ 1767. — Къ тому же и здѣсь въ ~~оригиналѣ~~ *оригиналѣ* оспается сомнительнымъ, заключающа о шѣ и два поненія въ словахъ *послы* и *госли*, или оба они значатъ одно и то же. Ш.

началу ей думать надобно, что она писана въ Новгородѣ.

Опредѣленіе времени. И объ этомъ ничего не упоминается. Мы должны прибѣгнуть къ посредству соображеній. Первымъ указателемъ служить намъ здѣсь имя Великаго Князя, которое однакожъ по тогдашнему обыкновенію недовольно опличено признаками. Намъ извѣстны при Князя сего имени, изъ которыхъ одинъ долженъ быть упомянутый въ грамотѣ. Первой *Андрей Юрьевичъ* княжилъ въ половинѣ двенадцатаго вѣка (*). Въ его время была уже связь между Германіею и Россіею. Императоръ Фридрихъ I въ 1187 году именуемъ уже Руссовъ въ числѣ нѣхъ народовъ, которыми извѣстною грамотою, данною Любеку, дозволено было свободно торговать въ семь городѣ (**). Сей же Императоръ былъ въ дружественной связи съ упомянутымъ Великимъ Княземъ, и присылалъ къ нему между прочимъ мастеровъ для сооруженія церкви во имя Пресвятыя Богородицы во Владимірѣ (***). Еслибъ удалось намъ дока-

(*) *Краткая Россійская Исторія* стр. 43. III.

(**) *Ruteni, Goti etc . . . absque theloneo et absque Hanza ad civitatem saepius dictam (Lubeck) veniant et recedant.* Смотри превосходное сочиненіе *Сарторія: Geschichte des hanseatischen Bundes Th. I. s. 332.* III.

(***) *Кратк. Росс. Ист.* стр. 44. III.

запѣ, что грамата относится ко времени споль опдаленному; но сей подлинникъ нашъ по древности своей имѣлъ бы первое мѣсто, послѣ Тмушараканскаго камня, въ числѣ письменныхъ памятниковъ Русскихъ! Но въ сожалѣнію догадка сія опровергается именемъ города Риги, коего начало счисляется въ 1200 году, но которой здѣсь является уже значительнымъ торговымъ городомъ на ряду съ Любекомъ и Висби. — Другой *Андрей Ярославичъ* съ 1249 по 1252 годѣ. Если бы моя грамата принадлежала въ сему времени, то я по крайней мѣрѣ былъ бы шѣмъ счастливъ, что нашелъ дрезвѣйшую изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Русскихъ рукописей; ибо изъ числа грамотъ Архивскихъ самая старшая писана 1263 года. И въ самомъ дѣлѣ есть довольно благовидныя причины, дающія мнѣнїю сему нѣкоторое правдоподобїе. Сюда во первыхъ принадлежитъ обстоятельство, что въ началѣ грамоты упоминается имя Великаго Князя; изъ чего видно, что Новгородъ тогда былъ еще въ нѣкоторой зависимости отъ общаго Главы надъ всѣми областями, между шѣмъ какъ въ письменныхъ памятникахъ 1263 года имя Великаго Князя не упоминается и Новгородъ оазывается уже имѣющимъ образъ правленїя почти совершенно республиканскїй. Сюда же принадлежитъ еще и то, что въ одной изъ оныхъ грамотъ

1263 года (*) упоминается Нѣмецкій Дворъ, между шѣмъ какъ въ ней совсѣмъ ничего объ немъ неговорится, и вообще связь между Ганзою и Новгородомъ кажется еще не весьма тѣсною. Какъ бы то ни было, мы приступимъ къ дѣлу безъ всякихъ предразсудковъ, и невидя передъ собою несомнительной истины, будемъ основываться на ближайшихъ въ ней историческихъ *правдоподобіяхъ*. И такъ мы полагаемъ, что упоминаемый въ нашей грамотѣ Андрей долженъ быть не какой-либо другой Великій Князь какъ III сего имени, но есть *Андрей Александровичъ*, княжившій съ 1294 по 1304 годъ; слѣдовательно и грамота наша относится къ сему же времени. Теперь обратимъ вниманіе свое на слѣдующія обстоятельства. Андрей, еще до восшествія на престолъ Великонвѣжескій, по желанію Новгородцевъ былъ выбранъ въ Князя Новгородскіе и всегда жилъ съ ними въ добромъ согласіи (**). Поэтому имѣемъ причину думать, что сѣе доброе согласіе продолжалось и по восшествіи Великаго Князя Андрея Александровича на престолъ Владимірскій, и что Новгородцы въ знакъ уваженія къ сему Князю не опасались упоминать его въ дипломатическихъ своихъ сношеніяхъ, въ чемъ однакожъ опказано было мно-

(*) Росс. Ист. К. Щерб. III. 485. III.

(**) Тамъ же III. 163 и 164. III.

гимъ изъ его предмѣстниковъ. Такимъ образомъ уничтожена прудность вразсужденій отдаленнѣйшей древности, къ которой можно бы относить нашу грамашу. Но мы приведемъ еще и другія доказательства, и начнемъ съ имени Посадника *Семена Климовича*. Имя сѣ находимъ подъ 6811 годомъ (1303 отъ Р. Х.) въ Новгородскомъ Лѣтописцѣ (*), гдѣ упоминается, что сей посадникъ отрѣшенъ отъ должности, и что на мѣсто его избранъ Андрей, братъ его. Спастся могло, что Семень Климовичъ въсколько лѣтъ опправлялъ должность посадника; и поелику 1303 годъ именно принадлежишь ко времени Княженія Андрея Александровича, то и въспъ причины сомнѣвались; что упоминаемое въ грамашѣ имя Андрея есть точно имя сего Великаго Князя. А разсудивши, что сѣя грамаша могла бытъ написана не въ послѣднѣй годъ посадничества Семена Климовича, и что почеркъ письма, какъ далѣе увидимъ, примѣтно отличаетъ отъ другой позднѣйшей грамашы и являетъ на себѣ признаки отдаленной древности; то, кажется, неопшунимъ отъ истины, когда ея эпоху опредѣлимъ въ послѣднемъ десятилѣтїи тринадцатаго вѣка.

(*) Новг. Лѣт. Москва 1781 на страницѣ 164 сказано: „отвѣна посадничество у *Семена Климовича* и даша брашу его Андрею.“ III.

Не могу при семъ случаѣ умолчать объ одномъ весьма важномъ обстоятельстве. Въ архивѣ города Любека, по свидѣтельству Дрейера и Сарторія (*), хранился одинъ прахпатъ, написанный на Лашинскомъ языкѣ безъ означенія мѣста и времени, заключенный будипобы съ одной стороны между Сѣверо-Нѣмецкими торговыми городами и жипелами Висби, а съ другой между Русскимъ Княземъ Борхрамомъ. Сарторій, коего и самыя даже догадки имѣютъ въ семъ случаѣ важность, сомнѣвается въ подлинности сего договора, и почитаетъ сію рукопись только *предварительнымъ начертаніемъ*. Въ самомъ дѣлѣ встрѣчается трудность въ нерусскомъ названіи Борхрама. Но другіе писатели (**), по видимому, несомнѣваются въ подлинности онаго прахпата, и говорятъ,

(*) Sartorius Geschichte des hanseatischen Bundes. I. s. 392 u. 398. III.

(**) С: Петербургской Журналъ V. стр. 405. Gadebusch Livl. Jahrbücher 1 te Abtheil. s. 306. Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, ссылаясь на книги, я слѣдую упомянутому выше бездѣльному сочиненію приятеля моего г-на Профессора Сарторія. Теперь я даже не имѣю случая справиться съ нѣкими книгами. — Не могу достаточно выразить, сколь важно и полезно сочиненіе г-на Сарторія для древней исторіи Новгорода. III.

что подъ именемъ Борхрама должно разумѣть *Бориса Андреевича*, сына упомянушаго выше Великаго Князя. Борисъ былъ Княземъ Новгородскимъ въ 1299 году (*). Правда что тогдашніе Нѣмцы имѣли обыкновеніе уродовать чужестранныя имена, какъ то прежде бывало и теперь водится у полупросвѣщенныхъ народовъ, слѣдовательно и *Борисъ* легко могъ превратиться въ *Борхрама* (*). Доспойно особливаго примѣчанія, что писатели, ничего незнавшіе о древней нашей рукописи, которая служила достовернымъ свидѣтельствомъ важныхъ сношеній около 1300 года между Ганзою и Новгородомъ, по другимъ историческимъ причинамъ догадывались о снхъ сношеніяхъ, и относили ихъ точно въ *сему же времени*. Читателямъ моимъ рѣшитель оставаяю, можно ли находить связь между обоими показанными случаями, и не значахъ ли они *одно и то же*; чтожь до меня касается, то я етому очень вѣрю, и сію связь извѣняю себѣ такимъ образомъ: Въ послѣднемъ десятилѣтїи тринадцатаго вѣка Ганза отправила посольство въ Новгородъ для заключенія догово-

(*) Росс. Истор. К. Щерб. III. 221. III.

(**) На примѣрѣ *изъ Немецъ* сдѣлали они *Ну* или *Нѣи*, изъ Новгорода *Низисартенъ* и ш. д. Sartorius I. s. 197. 394. 193. III.

ра, которыми бы навсегда утверждены были прежде случайнымъ образомъ дозволенные ганзеапическимъ купцамъ выгоды. Посольство сѣе получило *пропускную грамоту*, нынѣ мнѣ принадлежащую. Послы имѣли при себѣ предварительное начертаніе договора, написанное на Латынскомъ языкѣ и хранящееся теперь въ архивѣ города Любека. Но сѣе предварительное начертаніе *утверждено не было*, по причинамъ, которыя предлагаешь Сарторій: Ежели догадки мои справедливы, то пропускная грамота сѣя должна бысть именно въ 1299 году написана.

Касательно упомянутого въ сей древней рукописи имени Семена Климовича, которой въ ней оставилъ намъ почтенный памятникъ своей особы, и тѣмъ далъ себѣ историческую важность, я почитаю нужнымъ прибавить еще слѣдующія замѣчанія для любителей опечистивенной исторіи. Онъ выбранъ былъ 6816 года (1308) въ другой разъ (*) посадникомъ, а 6823 года (1315) въ третій (**). Тщательное о семъ показаніе лѣтописца даетъ причину думать, что Климовичъ происходилъ отъ знатнаго рода; ибо о переменахъ посадниковъ большею частію умал-

(*) Лѣтоп. Новгор. стр. 169.

(**) Лѣтоп. Новгор. стр. 122.

чивается въ лѣтописяхъ Новгородскихъ. Мнѣніе мое подтверждаю и другимъ еще обстоятельствомъ, а именно что сей посадникъ имѣлъ уже *родовое* свое названіе, а преимущество сіе тогда принадлежало безъ сомнѣнія однимъ только знатнымъ семействамъ. Напоследокъ еще прибавлю, что въ 6813 году (1305) своимъ иждивеніемъ построилъ онъ *каменную церковь*; а на такое зданіе конечно преобладала весьма значущая сумма, особливо же въ тогдашнее время.

О Тысяцкомъ Машкѣ я немогъ описать никакихъ извѣстій.

Замѣчанія на вѣкошорья слова.

Оль Посадника и проч. Посадникъ извѣстное названіе перваго чиновника Новгородскаго. Въ Нѣмецкихъ актахъ тогдашняго времени посадникъ означается именемъ *Oldermann* (*).

Смена сокращенное имя вмѣсто *Семена* или *Симеона*.

Машка. Уменьшительное отъ *Матвѣй* или *Матвей*.

Оль всего Новгорода. Къто неспомнитъ здѣсь древней Римской формулы: *Senatus populusque Romanus!*

(*) Sartor. Gesch. des hanseat. Bundes. B. I. s. 394 и 395. III.

Иванъ Бѣлый. Прозваніе сіе оспы-
вается наслоящимъ Славянскимъ именемъ,
вбродно изуродованнымъ, а можетъ быть
и исправно написаннымъ. Последнее ка-
жется возможнымъ, особливо же если пред-
ставимъ себѣ, что окрестности Любека
во время построенія города сего были на-
селены по большей части Славянскими пле-
менами, и что самое имя Любекъ (Русск.
Любечь), подобно другимъ географическимъ
памятней страны наименованіямъ (напр.
Траве, Верениць, Стенениць и проч.)
суть происхожденія Славянскаго. И теперь
еще во многихъ прозваніяхъ жителей горо-
да Любека можно находить Славянское на-
чало. Скажу болѣе: въ одномъ Латинскомъ
сочиненіи 1294 года, слѣдственно современ-
номъ нашей грамматкѣ, Бременъ, Любекъ,
Рига и другіе города сѣверныхъ береговъ
Германіи вообще назывались приморскими
городами *земли Славянской* (*).

Можетъ быть спросить: какимъ же
образомъ имена трехъ чужестранцевъ очу-
тились въ грамматкѣ? Сіи послы вбродно
должны были останавливаться на границѣ и
ждать присылки къ себѣ пропускнаго вида
съ показаніемъ именъ; таковъ обычай

(*) Civitates maritimae Slaviae. — Sartor. T. I,
s. 497.

замѣчается въ каждомъ полу-образованномъ государствѣ; такъ иныя бывающыя въ различныхъ областяхъ Азіи, и такъ за полтора столѣтія лишь передъ симъ было въ Россіи.

Еще достойно примѣчанія, что уже *тогда* пропускныя граматы были уважаемы. *Тогда* (и можетъ быть *не позже*, можетъ быть по сабдствію сильныхъ способствъ, употребленыхъ Владиміромъ (*) Великимъ для образованія своего народа) искусство чтенія и письма вѣроятно было очень многими употребляемо въ Россіи. Ибо иначе къ чему послужила бы *пропускная грамата*?

Адамъ. Къ имени сему недостаетъ прозванія. Могло спастись, что естество Адамъ вовсе не имѣлъ родового имени (что и некажущся спраннымъ по тогдашнему времени), или же прозваніе его по ошибкѣ писца непославлено.

Съ Гоцного берега. По сходству имени я сперва подумалъ было о Шведскомъ городѣ Гошенбургѣ. Г. Профессоръ Сарнхейръ заславилъ меня принявъ другое справедливѣйшее мнѣніе. Онъ увѣрилъ меня, что Гошенбургъ (какъ и всякой не нѣмецкой

(*) Смори о томъ въ Schlözers Nestor I. s. II.

городъ, какъ и самой Новгородъ, вопреки общему ложному мнѣнiю) никогда непринадлежалъ въ Ганзейскому союзу, и что въ немъ находилась польскъ Ганзейская контора. И такъ мнѣ инаго ничего не осмалось, какъ упомянутое слово объяснить *Голландомъ*, а Голландъ опять принять за городъ *Висби*, шѣмъ болѣе что тогдашнiй кругъ дѣйствiя сего славнаго торговаго города былъ очень обширенъ, и что Висби весьма часто и въ Нѣмецкихъ старинныхъ подлинникахъ являешся подъ именемъ Голланда. Съ первыхъ годовъ основанiя Ганзейскаго союза городъ Висби имѣлу *преимущественное* участiе въ Русской торговлѣ. Сарпорiй думаетъ даже, что сношенiя Россiи съ прочими Ганзейскими городами начались чрезъ посредство жипелей города Висби (*).

Инцигольцятъ — вовсе неизвѣстное имя! Можешъ бытъ надлежало сказать *Елценгольцъ*, или другое подобное тому, но здѣсь испорченное.

Оль своей братiи. Вѣроятно клонился рѣчь въ Ганзейскому союзу.

Оль своихъ кулъць Латинского языка. Латинской языкъ здѣсь значитъ

(*) I. s. 191. II. 4. III.

Лашинское или Римско-каполическое исповѣданіе. Къ соединенію языка и вѣры въ одномъ понятіи дасть могло поводъ обыкновеніе Римско-каполическихъ христіанъ, которые Лашинскій языкъ употребляютъ въ богослуженіи и пишутъ Лашинскими буквами.

Три пуши горній. Пушь горній — высокій берегъ, нагорная сторона рѣки — здѣсь значить сухой пушь, для противоположности пуши водяному. Впрочемъ сіе мѣсто остается неизвѣстнымъ. У Саршорія упоминаются *три пуши* (*), по которымъ Нѣмцы вѣздили въ Новгородъ за торговыми дѣлами: одинъ по Ладожскому озеру и по Волхову, другой по Наровѣ, а третій по Двинѣ. Но ещо пуши водяные, а не сухіе; въ помужѣ еше не все они находились въ области Новгородской, но ошѣ части въ чужихъ владѣніяхъ; а здѣсь рѣчь идетъ о трехъ пусяхъ *по сушѣ*, да еше *и въ области Новгородской*. Впрочемъ Нѣмцы дѣйствительно вѣздили въ Новгородъ нѣрѣдко и сухимъ путемъ, какъ то видно изъ Нѣмецкихъ подлинныхъ свидѣтельствъ, на примѣръ изъ одного весьма сщариннаго предписанія Нѣмецкимъ купцамъ въ Новгородъ, писанномъ на прокъснародномъ Нѣмецкомъ языкѣ, и храз

(*) І. s. 192. сравн. II. s. 4. 46. и 47. III.

нящемся теперь въ Копенгагенской библіотекѣ (*). Въ немъ часію упоминающіяся путешественники по сушѣ въ противоположность путешественникамъ по водѣ. Не рѣдко были сношенія и переговоры съ владѣльцами, черезъ обласпи коихъ надлежало Ганзейскимъ купцамъ ѣхать, о томъ какой именно сухой путь избирали они, отправляясь въ Россію. Такимъ образомъ граждане Любека въ 1299 году (слѣдственно въ томъ самомъ, въ которомъ, по всей вѣроятности, происходили переговоры, и въ которомъ упоминается наша грамата) получили отъ Лифляндскаго Гермейстера Готтфрида дозволеніе и въ военное время ѣздить черезъ Лифляндію и торговать съ Россіянами на свой страхъ (**).

Оже будетъ и проч. А ежели по рѣкамъ; уменьшительное по рѣчкамъ употреблено здѣсь; какъ то бываешь и

(*) За списокъ сего древняго, весьма достопамятнаго документа, я обязанъ г-ну Профессору Сарторию. Послѣ неославаю сообщивъ публикѣ подробнѣйшее о немъ извѣстіе. Сравн. II. s. 436 in der Note.

(**) Sartorius. Th. I. s. 194. Кажется, будто 1299 годъ именно назначенъ былъ Ганзейскимъ Союзомъ для переговоровъ о дѣлахъ касающихся до безопасной торговли въ земляхъ отдаленныхъ. III.

въ другихъ случаяхъ, безъ особливаго на-
мѣренія.

№ 6 число — неглубокъ.

Своимъ мужемъ проводили. Очеви-
дно, что здѣсь подъ словомъ *мужемъ* ра-
зумѣнь надобно лоцмановъ; симъ объ-
ясняется прежняя рѣчь объ опшмвляхъ.
Надобно сравнить съ ешимъ одно мѣсто
договора, почитаемаго Сарпоріемъ за про-
спое, только предварительное начертаніе (*). Въ немъ также упоминается о
лоцманахъ, а о требуемомъ покровитель-
ствѣ приѣзжающимъ Нѣмцамъ говорится:
какъ встарину было.

Исслѣдованія мои о первомъ подлинни-
кѣ заключаю общимъ замѣчаніемъ: изъ
онаго между прочимъ открываеися, что
связь между Новгородомъ и Ганзою была не
такъ тѣсная, какъ объ ней вообще дума-
ютъ, по крайней мѣрѣ въ концѣ шринад-
цатаго столѣтія; ибо въ сей грамотѣ Ган-
зейскіе госни являющіяся бытъ совершенно
чужими людьми, которымъ поручено за-
ключить тѣснѣйшій союзъ съ Новгоро-
домъ.

Шлецерь.

(Окончаніе въ слѣд. нум.)

(*) Sartorius. Th. I. s. 393 и 394. III.

III. С М Ъ С Ъ.

~~~~~

О м о д ѣ.

Древніе обоготворяли все то, что господствуетъ между людьми, и что привлекаетъ къ себѣ ихъ вниманіе: спрашки благороднѣйшія и самыя мучительныя, таланты ума и шѣлесную силу, юность, время, дружбу, любовь, ненависть, мщеніе и даже бщенство гыѣва, краснорѣчіе, убвжденіе; словомъ, древніе воздвигали олтари и добродѣтелямъ и порокамъ; но между многими божествами древнихъ мы щещенно ищемъ той богини, которая господствуетъ надъ нами, которая доставляетъ минуныя забавы прекраснѣйшей половинѣ человеческого рода и въ то же время осыпаетъ щедрыми благодѣянїями своими купцовъ и ремесленниковъ.

Мода, сія богиня, почищающая себя неразлучною подругою Граціи и весьма часто ихъ оскорбляющая, — съ горячею набожностію величаемая и славимая веселою и безразсудною молодостію, но едва (только изъ благоприсойности) уважаемая зрѣ-

лымъ разсудкомъ; — сія повелительница; законовъ всеи совершенно презрѣть никакъ неможно, хотя законы ея суть дѣйствіе прихоти, — повелѣвающая и повинующаяся, — исполняющая приказы своихъ полководцевъ и внемлющая наставленіямъ своихъ пишомцовъ, — управляющая даже государями, и однаковъ послушная ихъ волѣ, — Мода не была извѣстна ни Грекамъ ни Римлянамъ. Отъ сихъ знаменитыхъ народовъ заняли мы вкусъ въ изящныхъ искусствахъ и наукахъ. Мы знаемъ теперь ихъ памятники, обычаи, одежды, танцы, празднества. Мы знаемъ, что Греки приносили жертвы Граціямъ; что спашуи сихъ богинь имѣли мѣсто въ школѣ важнаго Платона; что самъ даже Сократъ презиралъ танцовъ; что всему изящному, любовному и прелестному отдаваема была совершенная справедливосшь; что надъ самыми даже могилами поспавляемы были неселье, смѣющіеся предметы, и что самыя крошкѣя добродѣтели, важещя, были принадлежностями Грацій. Слѣдовательно можно приносить жертвы Граціямъ, собсѣмъ незная Моды.

Въ оныя древнѣе вѣки юная дѣвушка наряжалась шакъ точно какъ прежде наряжалась мать ея; Алкивіадъ и пригожій Хармиклесь одеждою своею неопличались отъ

Перикла или Плафона. Одинъ разъ нашедши покрой плашья, выгодной и красивой, надобно ли безпрестанно выдумывать новые? Посмотрите на древнія медали; Антипиной предсказывается на нихъ нимало не наряднѣ Вакха или Гіацинта; Венера одѣта, хотя не такъ скромно, однакожъ не лучше Діаны или Юноны.

Нынѣ женщины вездѣ и во всемъ ищущъ моды. Было время, когда онѣ подражали иногда истиннымъ образцамъ изящности и слѣдовали правилу добраго Фенелона, коимъ желалъ, чтобы молодыя дѣвушки въ нарядѣ своемъ перенимали изящную простоту древней Греческой одежды; но какъ трудно бываетъ вкусъ моды удерживать въ предѣлахъ умѣренности, то и наши женщины сдѣлали наконецъ одежду свою простою даже до излишества. Онѣ забыли, что все нескромное не можетъ быть истинно прелестнымъ; что прелесть, одушевляющая памятники изящныхъ искусствъ, совершенно противна той прелести моральной, которая должна господствовать въ общежитіи; ибо иначе наслѣдокъ дошло бы до того, что въ одеждѣ подражать стали бы Аполлону Белведерскому и Медицисовой Веверѣ.

Сказываютъ, что Пракситель имѣлъ образцомъ своимъ Фрину для статуи Вене-

ры Гнидѣйской. Апеллесъ трудясь надъ изображеніемъ Венеры Анадіомены смотрѣлъ на черты Лаисы или Кампасы, Александровой любовницы. Зевксисъ, будучи въ Крошонѣ, выбралъ пять наилучшихъ красавицъ и съ нихъ рисовалъ Юнону Лацинію для жипелей Агригента. Но образцами для упомянутыхъ художниковъ были, какъ извѣстно, женщины не самой строгой чистности, и ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ бы въ гинецеѣ, по еспи на женской половинѣ въ домѣ какого-либо гражданина, искасть себѣ образца изящества. Еслибъ они жили и явились между нами, то не имѣли бы въ помѣ никакой надобности; они увидѣли бы на милыхъ супругахъ нашихъ всѣ формы, выпуклости и округлости, споль нужныя для живописцовъ и ваятелей!

Впрочемъ ешо не одна сполько выгода, за которую должны благодарить Моду. Сѣя богиня научила насъ иногда презирать здравой смыслъ, хорошей вкусъ и разумъ; она увѣрила молодыхъ людей, что весьма прилично и красиво ходить съ поморщеннымъ лицомъ и въ поморщенномъ плащѣ; что хорошее зрѣніе не есть безцѣнный даръ неба, и что гораздо выгоднѣе быть близорукимъ; она въ слабомъ полѣ поселяетъ мужество и заставляетъ ихъ не бояться несполько болѣзней, но и самой смерти; она сдѣлала еще

болѣе — она убѣдила женщинѣ отказать-
ся отъ правъ своихъ быть любезными;
отказаться отъ снуда и цѣломудрїя, сихъ
неосвѣтлемыхъ принадлежностей красоты
истинной. Должно признаться, что власнѣ
Граціи не была столь велика у Грековъ.
Исторїя неговоришь намъ, чтобы Леонтиа
проспудила горло свое, вечеромъ гуляя полу-
обдѣтая въ саду Эпикура. Архїанасса не по-
смѣла бы въ неблагоприспойной одеждѣ
явиться въ садахъ Академіи; весьма вбро-
яшно также, что и Аспазїя, бесѣдуя съ
Сократомъ и Перикломъ, недумала, будто
бы пригожспву ея недоставало очковъ или
другаго подобнаго украшенїя.

Нынѣ власть Моды проспирѣетса даже
и на тѣ памятники, которые должны пе-
режить ее. Она управляетъ кистїю живо-
писца на фамильныхъ картинахъ; и чтожь?
едва окончанный портретъ уже выходитъ
изъ моды, и мы принуждены будемъ выно-
сить изъ комнатъ своихъ изображенїе род-
ственника, друга, почтеннаго предка! На
лица ихъ смотрѣть бы еще можно; но
одежда ихъ и обычаи очень странны! Дѣвши
смотря на картины, воображаютъ себѣ,
что люди сїи неимѣли вкуса и здраваго
смысла, и уже съ юныхъ лѣтъ начина-
ють шутить надъ спариною, къ которой,
по замѣчанїю писателей, уваженїе въ насѣ

гораздо поуменьшилось. Остаешься изъ двухъ одно: или смѣяшься надъ почтенными изображеніями спаринныхъ людей въ спранныхъ плащяхъ, или совсѣмъ забышь ихъ. Такимъ образомъ Мода иныхъ заставляетъ быть неблагодарными; напрошивъ того Граціи именемъ своимъ напоминали о благодарности (*).

И шакъ надобно ли изгнать Моду, и всегда носить платье одинакаго покроя? Положимъ, что нѣтъ; однакожъ надобно чшобы соблюдаема была въ одеждѣ и приязнность и благоприспойность, и чшобы платье отвѣчало нашимъ обычаямъ и климату; надобно чшобы у Моды отнята была власть лишать жизни и здоровья; надобно чшобы она не смѣла у цѣломудрїя похищать ея прелесть, а у добродѣтели ея силу. Станутъ ли чужестранцы слѣдовать нашимъ модамъ, когда наконецъ всѣ наряды наши будутъ назаться спранными, опасными и неблагоприспойными?

(Изъ Француз. Журн.)

(*) *Граціи* и *благодарность* называются однимъ именемъ на Греческомъ языкѣ.

Московскія записки.

Театръ. Ноября 15 *Отецъ семейства*, комедія въ 5 актахъ. Въ одномъ изъ прежнихъ замѣчаній сказали мы, что сія комедія первоначально явилась во Франціи, попомъ передѣлана въ Германіи, а напоследокъ уже преобразована и обновлена въ Россіи. Теперь почитаемъ за нужное прибавить, что нѣкоторымъ любителямъ театра извѣстна комедія сія на Англійскомъ языкѣ, и что не Дидеротъ былъ ея изобрѣтателемъ, но одинъ изъ драматическихъ писателей Великобританіи. Не хотимъ спорить о томъ, чего незнаемъ. А какъ рѣчь коснулась теперь до Дидерота, кошораго драму *Le Père de Famille* многіе читали; то дозволимъ себѣ выписать нѣкоторыя любопытныя сужденія и замѣчанія о семъ Философѣ, одномъ изъ числа тѣхъ, коими прославилась Франція въ исшедшемъ столѣтіи.

Изъ огромной кучи твореній Дидерота остаешся годнымъ только драма *Отецъ семейства*. Епотъ человекъ, по расположенію умовъ тогдашняго времени, сумазбродствомъ своимъ надѣлалъ въ словесности болѣе шуму, нежели другіе своимъ здравомысліемъ. Теперь мудрено рѣшить, что такое былъ Дидеротъ въ самомъ дѣлѣ — шарлапанъ, или безумецъ. Впрочемъ подлинное или только припворное было его безуміе, но его уважали какъ глубочайшую премудрость! Тогда время чреватое было присшествіями, ознаменовавшими конецъ осмнадцатаго вѣка. Почти у каждаго Француза кружилась голова. Желаніе новизны, уваженіе къ шарлапанамъ, пренебреженіе древности и опытовъ, бѣшенная страсть

къ такъ называемому натуральному состоянію и къ независимости, пресыщеніе всѣмъ изящнымъ и добрымъ, нѣга и ослабленіе силъ душевныхъ — вотъ признаки, коими отличались люди хорошаго, какъ тогда говорили, общества. Развращенные умы питались химерами и порождали чудовищъ; составлялась ужасная крамола противъ двухъ главныхъ основаній общества, противъ гражданского порядка и противъ вѣры. И чтожь? всѣ преимущества, всѣ выгоды уваженія и богатства были наградою шѣмъ велерѣчивымъ софистамъ, кои всѣми силами своими усиллялись противъ общественнаго блага! Явился Дидеротъ. Его приняли какъ апостола новаго ученія; удивлялись отважности его и пламенному усердію; циническое безстыдство его почли за сильное рвеніе философіи, презирающей всѣ предрасудки. Другіе проповѣдники новаго благовѣстія были осторожны: боясь, чтобы неопасаться въ бѣду, они преподавали свое ученіе скрытно и правила свои предлагали подъ тайнственными гіероглифами, вразумительными только для однихъ адептовъ. Но Дидеротъ отважною рукою распоргъ завѣсу, громкимъ голосомъ началъ проповѣдывать и отличился геройскою своею неустрашимостію. Можно бы подумать, что онъ ищетъ вѣнца мученическаго; его однакожь не удостоили сей почести, а только посадили въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцовъ. Само собою разумѣется, что такое, можно сказать слабое и вредное, снисхожденіе правительства, непомѣшало Дидероту и единомышленникамъ его кричать изо всей мочи и жаловаться всему свѣту (на деспотизмъ, тиранство, неперимостъ, суевѣріе, изувѣрство !

Академія вв шайнѣ одобряла апостольскіе подвиги Дидерота, но несмѣла наградить ихъ; она удивлялась ревности сего героя, и сокрушалась что неможесть принятъ его вв свое словіе. Дидеротъ не былъ членомъ Академіи; но онъ славился болѣе многихъ академикомъ; онъ зналъ что ему опказываютъ по причинѣ излишней его ревности, и гордился шѣмъ, что шерпитъ гоненіе за истину!

И такъ Дидеротъ не былъ членомъ Академіи; но за то онъ былъ главою Енциклопедіи. Его-то смѣлая и неупомимая рука вознесла сей свѣшпильникъ для озаренія всею міра; она-то соорудила сію швердыню неприступную и страшную для предрасудковъ и заблужденій. Но увы! сей знаменитый памятникъ не достигъ своего назначенія! Ужасная переменна, коея великій пророкъ Дидеротъ никакъ непредвидѣлъ, дала умамъ совсѣмъ другое направленіе Фаросъ Енциклопедіи уже не свѣшилъ, а полько дымится; сія крѣпкая швердыня уже почти совсѣмъ разрушена!

Во время славы Дидеротовой нѣкоторые дворы Европейскіе прилѣжно наблюдали внушрненія происшествія Франціи, и внимательность ихъ особенно устремлялась къ шѣмъ императорамъ, которые сочиненіями своими угрожали Европѣ близкою переменною. Король Пруссій былъ вв короткой связи съ главными проповѣдниками новаго ученія. Фридерикъ нашелъ вв Вольтерѣ такою человекъ, которой угождалъ его страсти къ стихотворству и ободрялъ его мнѣнія вразсужденіи вѣры. Императрица Екатерина являла покровительство свое ученымъ людямъ, единственно любя дарованія (однакожъ не злоупотребленіе даро-

заній) и свою славу; нѣкоторыхъ она ободряла и награждала по своему великодушію и также по любви ко славѣ; но во мнѣніяхъ ихъ она не принимала никакого участія. Иной охотникъ опгадывать, сказалъ бы, что полипика предписывала Европейскимъ дворамъ ободрять тогдашнихъ Французскихъ писателей, какъ виновниковъ слабости ихъ отечества; но догадки не всегда бываютъ справедливы. Екатерина излила благодѣнія свои и на Дидерота. Она даже призвала его въ Петербургъ; но посмотрѣвши на него вблизи, тотчасъ увидѣла, что надобно отправить его обратно.

Изъ двухъ драмъ Дидеровыхъ одна *Побочный сынъ* давно уже брошена, другая *Отецъ семейства* осталась на шеагрѣ; но въ ней Французскими критиками многое не одобряется. Самой Отецъ семейства, говоря они, не можетъ служить примѣромъ для подражанія, какъ человекъ слабый и пошачливый; вся завязка, продолжаютъ тѣ же критики, состоитъ изъ невѣроятностей, и проч. и проч. Пускай же они говорятъ себѣ, что угодно; а мы скажемъ, что наша Русская комедія *Отецъ семейства* принадлежитъ къ числу тѣхъ драматическихъ сочиненій, въ которыхъ иногда замѣчаются недостатки, но которые составляютъ капиталъ шеагра, разумѣется не денежной.

Ноября 17 *Единъ въ Аѳинахъ*, трагедія въ 5 актахъ, съ хорами. Имѣя случай довольно часто писать замѣчанія на сію прекрасную Трагедію, я намѣренъ теперь остановиться надъ хорами. У насъ служатъ они единственно къ украшенію, къ пышности

зрѣлища; напротивъ того у древнихъ Грековъ составляли они часть самой трагедіи. Греческіе пѣишы дорожили ими какъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, и потому обрабатывали ихъ со всевозможнымъ тщаніемъ. Хоры или пѣсни трагическія раздѣлялись, подобно Пиндарическимъ одамъ, на строфы и антиспрофы, и принадлежали собственно къ лирическому стиховорству. Слѣдующіе два примѣра показываютъ, сколь великое дѣйствіе производили хоры надъ умами Грековъ. Плутархъ повѣствуетъ, что многіе изъ несчастныхъ Аѳинянъ, претерпѣвшіе поражение въ Сициліи подъ предводительствомъ полководца своего Никіаса и доставшіеся въ рабство тамошнимъ жителямъ, получили себѣ свободу посредствомъ пѣнія прогательныхъ хоровъ изъ Еврипидовыхъ трагедій. Они выучили нѣкоторыя пѣсни, и возбуждали ими жалость въ сердцахъ своихъ обладателей. По возвращеніи въ отечество, съ благодарными слезами обнимали они Еврипида, и рассказывали ему, какимъ благополучіемъ обязаны были его дарованіямъ. Тотъ же древній писатель говоритъ слѣдующее: по завоеваніи Аѳинъ Лисандромъ, не только предложено было всѣхъ Аѳинянъ сдѣлать рабами, но одинъ Аѳинянинъ совѣтовалъ даже и самой городъ ихъ разрушить до основанія. Столь ужасное бѣдствіе отвращено немногими стихами изъ Еврипидовой Електры: одинъ Фокеецъ пропѣлъ хоръ неприятельскимъ полководцамъ, и произвелъ ими столь великую жалость въ своихъ слушателяхъ, что городу въ то же время дарована пощада.

Въ нашемъ Едипѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ Русскихъ трагедіяхъ помѣщены хоры

конечно для подражанія иносцраннымъ: но Греческіе пѣншы не могли безъ нихъ обойтись между прочимъ и потому, что хоръ былъ у нихъ началомъ Трагедіи и Комедіи. Сперва при народныхъ празднествахъ пѣли хоромъ; послѣ того вошло въ обыкновеніе, чтобы одинъ изъ пѣвцовъ, при молчаніи хора, пересказывалъ на словахъ какое-нибудь доскональное дѣйствіе; когда это понравилось, то признано за нужное, чтобы два лица разговаривали между собою; такимъ образомъ мало по малу составилось правильное театральное предствленіе. Изъ того видно, что хоръ сначала былъ главнымъ дѣломъ въ предствленіи, и что послѣ уже разговоръ взялъ преимуществво, а хоръ остался только принадлежностію трагедіи. Ссылаемся на всѣ уцѣлѣвшія Греческія трагедіи; чтожъ касается до Комедіи, то извѣстно, что онѣ сочиняемы были наконецъ уже и безъ хоровъ.

Хоръ состоялъ изъ мужчинъ или изъ женщинъ. Онъ не сходилъ съ театра во все продолженіе трагедіи, и пѣлъ оды свои между разговорами лицъ дѣйствующихъ. Оды сіи обыкновенно относящя къ содержанію трагедіи, а иногда и существенно къ нему принадлежатъ. Число людей составляющихъ хоръ иногда простиралось до пятидесяти. Есихилу дано было опѣ правительствва повелѣніе употреблять для хоровъ своихъ не болѣе пятнадцати человекъ; ибо оказалось, что излишняя пышность производилъ вредныя впечатлѣнія въ зрителяхъ.

Новѣйшіе писатели различно думаютъ о надобности хоровъ въ трагедіяхъ. Расинъ

весьма удачно употребилъ ихъ въ своей Аппалии. Ему подражали не безъ успѣха и другіе спихотворцы. Нѣтъ сомнѣнія, что хоры и у насъ могутъ быть терпимы; но кажется надлежитъ употреблять ихъ съ нѣкоторою осторожностію. Они ненарушаютъ театральнаго правдоподобія въ трагедіяхъ, коихъ содержаніе взято изъ Греческой исторіи, или даже изъ пѣсней Оссіановыхъ, гдѣ такъ часто упоминается о поющихъ бардахъ. Но прилично ли быть имъ въ трагедіяхъ, составленныхъ изъ отечественныхъ нашихъ происшествій, или такихъ, коихъ содержаніе взято изъ исторіи Татарской? Елико подлежитъ изслѣдованію. Очень жаль, что у насъ мало пишутъ (и даже мало читаютъ) о теоріи драматическаго искусства. При столь значущемъ количествѣ трагедій, сочиненныхъ и переведенныхъ, пора бы уже извлечь изъ нихъ постоянныя правила, сообразныя съ здравымъ разумомъ и съ наставленіями древнихъ.

Ноября 24 *Діанна древо, опера въ двухъ актахъ.* Сія опера была нѣкогда любимою, и теперь возобновлено представленіе оной къ удовольствію многихъ охотниковъ до музыки. Приятныя аріи изъ *Діанна древо* давно уже переложены для духовыхъ инструментовъ, и имѣли честь долго служить забавою въ дальнихъ городахъ Россіи, какъ нынѣ пѣсни изъ *Русалокъ*. Содержаніе оперы взято, какъ извѣстно, изъ того же неиспощимаго магазина, которой снабжаетъ богатствомъ своимъ почти всѣхъ Европейскихъ сочинителей, пишущихъ для театра. Сказываютъ, что пригожій пастухъ Ендиміонъ не рѣдко проводилъ ночи на вершинахъ горъ, и тамъ

занимался астрономическими наблюденіями. Изъ ешаго древніе Греки составили басню, будто Ендиміонъ былъ любимъ Діаною, и будто сія *богиня непорочности*, увидѣвши его спящаго на горѣ Ламмосѣ и плѣнившись его чрезвычайною красотою, сходила съ небесъ длить время съ нимъ счастливымъ смертнымъ. Басня годится для посредственной оперы; я охотно осыпалъ бы ее похвалами, еслибъ неостанавливали меня замѣченныя мною нѣкоторыя слова, произносимыя Дористомъ, забавнымъ стражемъ Діанина дерева. На примѣръ, онъ упоминаетъ о Магометѣ и о серали, хотя ни то ни другое не было извѣстно древнимъ Грекамъ. Вольность оперы не простирается такъ далеко, и сочинитель не имѣетъ права смѣшивать обычаевъ разныхъ народовъ. Выводя на сцену Грековъ или Римлянъ должно напередъ позаботиться, чѣмъ они говорили и дѣйствовали точно какъ Греки или Римляне. Строгое наблюденіе такъ называемаго костюма едва ли не во всѣхъ случаяхъ необходимо. Узнаютъ ли на картинѣ древняго Грека, если живописецъ изобразитъ его съ чалмою на головѣ и въ рукѣ съ курительною трубкою? Есть мѣлочи, надъ которыми зритель не остановится, и которыя не нарушаютъ правдоподобія въ главномъ дѣйствіи; однакожъ гораздо болѣе чести художнику, ежели онъ и въ мѣлочахъ соблюдетъ надлежащую правильность. Но, между нами будь сказано, для сего требуется основательное ученіе и прилѣжное упражненіе въ миѳологіи, въ исторіи и въ древностяхъ разныхъ народовъ; а мы по большей части пробѣжавши Корнеля, Расина и еще немногихъ писателей, тошчасъ принимаемся сочинять по

симъ образцамъ трагедіи и все что угодно, вовсе не думая о тѣхъ правилахъ, которымъ они обучались, ниже о тѣхъ знаніяхъ, которыми они приобрѣтали долговременными трудами, и безъ которыхъ не могли бы написать ничего хорошаго.

Ноября 26 *Черный человекъ, комедія въ двухъ актахъ, и Полубарскія затѣи, комедія въ 5 актахъ.* Въ обѣихъ игралъ г. Пономаревъ, прибывшій изъ С. Петербурга актеръ. Онъ обыкновенно представляетъ смѣшныя лица, и примѣры искусной игры его могутъ быть здѣсь весьма полезны, ежели только захотятъ ими воспользоваться. Смѣшныя роли очень опасны для неопытнаго актера: ободряемый рукоплесканіями и хохотомъ раяка, онъ думаетъ, что верхъ совершенства состоитъ въ странномъ крикѣ, визгѣ, коверканьѣ и кривляньѣ, и что чѣмъ далѣе отступитъ отъ черты умѣренности, тѣмъ болѣе разсмѣшитъ свою публику, и слѣдовательно тѣмъ болѣе получитъ успѣха. Г. Пономаревъ какъ видно слѣдуетъ инымъ правиламъ; онъ старается угождать людямъ образованнымъ, и въ самомъ желаніи смѣшить ихъ примѣтна благоразумная осторожность.

Ноября 27 *Андромаха, новая трагедія въ 5 актахъ.* Знаменитый Расинъ почерпнулъ содержаніе для трагедіи своей изъ многихъ стиховъ претей книги Виргиліевой Енеиды, гдѣ нашелъ онъ дѣйствіе, мѣсто и четыре главные лица, то есть Андромаху, Пирра, Ореста и Герміону, съ ихъ характерами, кромѣ только что характеръ послѣдней занялъ онъ у Еврипида. Но у Еврипида содер-

жаніе вообще весьма оплично. Тамъ Андрoмаха безпокоишся о жизни Молосса, своего и Пиррова сына, прошиву котораго умышляешъ зло Герміона; а здѣсь у Андрoмахи нѣтъ другаго мужа, кромѣ Гекшора, ни другаго сына кромѣ Астіанакса. Сей младенець погибъ подъ стѣнами Трои; слѣдовательно Расинъ нарушилъ одно историческое обстоятельство, продолживши немногими годами жизнь Гекшорова сына. Достойно особливаго примѣчанія, съ какимъ спараніемъ и какими причинами оправдываетъ знаменитый Расинъ опступленіе свое отъ преданія, и какъ уважаетъ онъ принятое всѣми основаніе басни, котораго, по его мнѣнію, разрушать никакъ недолжно, хотя стихотворецъ иногда и воленъ перемѣнить маловажныя обстоятельства. Желательно, чтобы нѣкоторые наши господа прагики выучили наизусть предисловія Расиновы къ его трагедіямъ, гдѣ онъ тщательно показываетъ причины даже малѣйшимъ опступленіямъ своимъ отъ исторической истины. Но что при были говорить о Расинѣ? онъ образовалъ себя по древнимъ; а мы учимся по Расину, или и совсѣмъ ничему неучась, пишемъ трагедіи!

Вотъ содержаніе Расиновой Андрoмахи: По разрушеніи Трои, Пирру досталась на часть Андрoмаха съ сыномъ своимъ Астіанаксомъ. Пирръ, имѣя уже обязанность сочешаться съ Герміоною, дочерью Елены, влюбился въ Андрoмаху и принуждаетъ ее къ браку. Между тѣмъ Греки, узнавши что Гекшоровъ сынъ живеть при матери, прислали Ореста; сына Агамемнонова, ко двору Пиррову съ требованіемъ выдачи Астіанакса, котораго положено лишить жизни. Пирръ обѣщаетъ

свое покровительство Андромакѣ, ежели она согласится за него выдти. Несчастливая мать, вѣрная супруга Троянскаго героя, наконецъ рѣшается дать руку свою Пирру, и обезпечивъ такимъ образомъ Аспіанакса, немедленно лишаетъ себя жизни. Ревнивая Герміона, любящая Пирра и любимая Орестомъ, страшится сего брака, истребуетъ отъ Агамемнонова сына, чтобы отпущилъ за нее Пирру смертію, и въ награду за сію услугу обѣщаетъ съ нимъ сочетаться. Ослѣпленный любовью Орестъ вмѣстѣ съ Пиладомъ и Греческою дружиною вторгается во храмъ, гдѣ совершаемъ былъ ненавистный обрядъ бракосочетанія Пріамова убійцы съ несчастною вдовою Гектора: Пирръ погибаетъ. Герміона въ горести опирается отъ словъ своихъ, осыпаетъ упреками Ореста и пронзаетъ себя надъ трупомъ Пирра: Орестъ лишается разума.

Трагедія *Андромаха* переведена Графомъ Дмипріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ и напечатана уже вшорымъ изданіемъ. Г. Переводчикъ сдѣлалъ приятное одолженіе любителямъ театра, помѣстивъ Лагарпово сужденіе о Разиновой Андромакѣ при своей книжкѣ. Здѣсь читатели съ удовольствіемъ найдутъ основательныя мысли Французскаго критика, показывающія все достоинство шворенія. — Представленіе Андромахи украшалось превосходною игрою г-жи Семеновой, прибѣжавшей сюда изъ С. Петербурга въприсы. Талантъ ея извѣстенъ и здѣшней Публикѣ; но онъ, кажется, теперь еще болѣе усовершенствованъ. Нельзя лучше представить спрасную, ревнивую, мстительную, пылающую гнѣвомъ Герміону.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Астрономъ Уре, находящійся въ Глазго-вѣ, объявляеишь, что истинная величина свѣ-щающагося ядра кометы, видимаго чрезъ посред-ство большаго телескопа Гершелева, равна ве-личинѣ мѣсяца.

✱

Ексъ - Маркизъ Пюисегюръ, прежде - быв-шій Французской службы Генералъ отъ ар-тиллеріи, но болѣе извѣстный по особенной любви своей къ *магнетизму* и снохожденію (*Sympathisme*), недавно опять выдалъ пол-стную книгу своихъ *исслѣдованій, опытовъ и наблюдений о натуральномъ и искус-ственномъ снохожденіи*. Онъ приписываетъ невѣроятныя дѣйствія сему припадку. Па-рижскіе журналисты очень забавно шутятъ надъ проповѣдываемыми Пюисегюромъ чудеса-ми снохожденія; но многіе и теперь еще, какъ прежде, вѣрятъ имъ отъ добраго сердца.

✱

Извѣстный Институтъ Песталоцція и способъ его ученія оуждаются многими Нѣ-мецкими писателями; естъ однакожъ и рев-ностные защитники того и другаго. Теперь продолжается весьма жаркой споръ между обѣ-ими парціями.

✱

Одинъ живущій въ Парижѣ Италіянецъ изобрѣлъ новую машину, отъ которой надѣ-ются важныхъ выгодъ. Въ сей машинѣ мож-но сварить *безъ дровъ и безъ огня* вдругъ на шесть блюдъ разнаго кушанья. Сколь ни странно сіе изобрѣтеніе, которое многимъ кажется вовсе невѣроятнымъ, упомянутый Италіянецъ дѣлалъ однакожъ опытъ въ при-

существомъ многихъ особъ и всѣхъ привелъ въ изумленіе общаннымъ успѣхомъ. Машина варитъ посредствомъ спирта столь дешеваго, что для приготовления блюдъ на одинъ разъ требуется не болѣе 1 су. Изобрѣтатель продалъ машину свою нѣкоторому мѣднику, который намѣренъ надѣлать множество подобныхъ и продавать за дешевую цѣну. Жаръ произведенной спиртомъ продолжается 9 часовъ. Кушанье положено было въ машину и заперто при свидѣтеляхъ, которые возвратившись черезъ два часа, нашли оное совершенно готовымъ и ничѣмъ неуступающимъ обыкновенному.

Въ Парижѣ явился еще одинъ переводъ Гомеровою Илиады въ прозѣ; надъ нимъ прудились шри челоѣка вмѣстѣ. Журналисты опзываются о немъ не весьма выгодно, и можетъ быть имѣющъ на то справедливыя причины. Однакожъ должно замѣнить, что Французской языкъ менѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ удобенъ для переложенія древнихъ писателей, а особливо прозою. Ходъ мыслей и способъ выраженія древнихъ весьма во многомъ несходны съ нынѣшними, и переводъ можетъ быть хорошъ на какомъ-либо изъ новыхъ языковъ тогда только, ежели переводчикъ рѣшится опшупать опъ правилъ своего языка; а во Французскомъ, какъ давно уже установленомъ и ушвердившемся, всякая новизна почитается погрѣшностію.

Выписываемъ нѣкоторыя извѣстія о большомъ торговомъ городѣ Томбукшу, находящемся во внутренности Африки. Караваны изъ Феца въ Томбукшу приходятъ во 129

дней. Путеводители показываютъ дорогу по наблюдению звѣздъ, ибо инаго способа нѣтъ на необозримыхъ степяхъ песчаныхъ. Туда отправляются слѣдующіе товары: Нѣмецкое полошно, кисея, кораллы и амбра, жемчугъ, Бенгальской и Италіанской шелкъ, мѣдные гвозди, кофе, чай, сахаръ, мускатные орѣхи, гвоздика, инбирь, перецъ, соль, разныя ткани изъ хлопчатой бумаги и гошовыя платья; а отсюда привозятся: золото, невольники, ка-медь и кардамонъ. Въ Томбукшу торгъ производится посредствомъ золотого песка. Область Томбукшу простирается въ ширину на 90 миль; западной предѣлъ ея находится въ 130 миляхъ отъ города, а восточной оканчивается при большомъ Суданскомъ озерѣ, за кошорымъ, какъ сказываютъ, живетъ бѣлый народъ христіанской вѣры. Къ югу область сія сопридѣльна съ землею, обитаемою нѣкошорымъ Еврейскимъ племенемъ. Городъ Томбукшу лежитъ въ разстояніи трехъ дней пути отъ границы Сагарской и въ 12 миляхъ отъ рѣки Нигера. Онъ неимѣетъ стѣнъ; окружность его заключаетъ въ себѣ полторы мили. Дома построены объ одномъ жильѣ и безъ оконъ. Прежде Томбукшу принадлежалъ Мароккскому Императору; теперь зависитъ онъ отъ Короля Бамбарскаго и управляется диваномъ, коего члены избираются на три года. Жители суть негры магомешанскаго исповѣданія. Жидамъ не дозволено входить въ городъ. Въ Томбукшу есть многія мануфактуры, и какъ сказываютъ, одна публичная библіотека съ Еврейскими и Халдейскими книгами и съ Арабскими рукописями, большею частію переведенными съ Греческаго и Латинскаго языковъ.

Ирокойцы, коихъ дикая жизнь обратилась даже въ поговорку, становящая нынѣ просвѣщеніе. Причиною сему есть распространение между ими христіянскія вѣры. Англійскіе миссіонеры занимаются онымъ съ особенною ревностію. По новѣйшимъ извѣстіямъ, число Ирокойцевъ полагается нынѣ до 12,000. Богатство ихъ состоитъ въ скотѣ; они имѣютъ также разныя мѣльницы, ткацкіе и прядильныя станы, училища и упражняются въ земледѣліи. Преобразование Ирокойцевъ началось съ 1796 года.

*

Изъ Аугсбурга, отъ 24 минувшаго Октября пишушъ слѣдующее: „Ко множеству необыкновенныхъ событій въ нынѣшнемъ году принадлежишъ также и то, что уже нѣскольکو дней на здѣшнемъ рынкѣ продается въпорично въ семь году свѣжая спѣлая малина; на поляхъ цвѣтешъ ленъ, на вишневыхъ деревьяхъ находятя зрѣлые плоды, а на разцвѣтшихъ въ Іюль мѣсяцѣ во второй разъ виноградныхъ лозахъ висятъ новыя грозды.

*

Въ присутствіи членовъ Адмиральшества, въ Лондонѣ, дѣланъ былъ недавно опытъ надъ новымъ изобрѣтеніемъ г-на Фанка. Онъ выдумалъ обвертывать пушечныя ядра особо пригошовленною хлопчатою бумагою шоль крѣпко и хорошо, чпо четырехъ фуншовое ядро получаешъ отъ того видѣ самаго большаго калибра. Таковыя ядра производятъ не одно токмо обыкновенное дѣйствіе, но сверхъ того вылетаютъ изъ пушки обвѣтныя пламенемъ, такъ что все, чему они ни коснулись, дерево, или парусина, загораетя немедленно.

Извѣстный въ Аугсбургѣ художникъ Виртъ окончилъ нынѣ одно единственное въ своемъ родѣ произведеніе искусства, надъ коимъ прудился онъ съ неусыпнымъ стараніемъ одиннадцать лѣтъ. Извѣ имѣетъ оно видъ величественной крѣпости съ двумя башнями, изъ коихъ на одной находятся боевые часы. Съ музыкою органовъ соединяя звуки трубъ, колокольный звонъ, барабанный бой, пушечную пальбу, шоны гармоники и опголосокъ, оно можетъ вдругъ представишь самый смутный шумъ сраженія, съ пальбою, звукомъ оружія, крикомъ сражающихся и раненыхъ, и мгновенно за нѣмъ произвести приятнѣйшую гармонию.

✱

Извѣстный Капишанъ Ладорини испыталъ въ Ливорнѣ дѣйствіе гидроспапическаго плаща своего. Опыты его были совершенно удачны, не смотря на волновавшееся море: онъ прошелъ сухими спонами по морю отъ гавани до башни, служащей маякомъ, и отсюда обратно до берега. Въ слѣдъ за нимъ пустился и товарищъ его повторить свои опыты надъ плавательнымъ плащомъ; но удалясь отъ берега не болѣе какъ на сто шаговъ, мгновенно погрузился въ водъ, и погибъ передъ глазами изумленныхъ зрителей.

IV. ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Парижъ, 2 Ноября, н. ст. При Тулонѣ по сіе время не случилось еще ничего новаго. Тамонній флотъ мало по малу усиливается присоединеніемъ къ оному кораблей и фрегатовъ. — Бывшій Испанскій Король и понынѣ живешъ въ Марсели. — Въ окрестностяхъ Гренобля, по причинѣ продолжавшейся понынѣ теплой погоды, разцвѣли померанцовыя деревья точно какъ лѣтомъ, а въ поляхъ появились весенніе цвѣты. (С. П. В.)

Отъ 4 Ноября, н. ст. По повелѣнію Императора отъ 26 числа минувшаго мѣсяца, городъ Гага возведенъ въ достоинство первоклассныхъ городовъ Имперіи, и Меры онаго будутъ имѣть право присутствовать при коронаціи Императоровъ. — Въ Фоншенебло дѣлающіяся пригопвленія для принятія Ихъ Величествъ. Министръ финансовъ прибылъ уже обратно въ дѣшнюю столицу.

Отъ 10 Ноября, н. ст. Работы для обнесенія дѣшняго города стѣнами продолжаются съ великою дѣшельностію. У всѣхъ 58 городскихъ воротъ, или засавъ, будутъ найдены желѣзныя рѣшетки. — Сего дня

ожидаютъ въ Компіенѣ прибытія Императора и Императрицы. Утверждаютъ, что Ихъ Величества отправятся опшуда прямо въ Сен-Клу. (Съв. П.)

Генуа, отъ 12 Октября, н. ст. Въ прошедшую пятницу прибылъ сюда изъ Парижа чрезъ Марсель Муниръ-Еффенди Турецкой Посоль при Его Величества Императоръ и Король. Въ слѣдующую среду отправился онъ опсюда чрезъ Триестъ въ Константинополь. Въ Парижѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ оставилъ онъ перваго своего секретаря. (С. П. В.)

Изъ Венеціи, отъ 20 Октября, н. ст. По полученнымъ извѣстіямъ о возникшей въ Картегенѣ желтой лихорадкѣ дано опъ здѣшняго правительства повелѣніе, чтобы всѣ приходящія сюда изъ Гишпаніи, Португалліи, изъ Гибралпара и съ Балеарскихъ острововъ суда подвергаемы были сорокодневному карантинному очищенію; для судовъ же изъ прочихъ портовъ Средиземнаго моря назначено по 28, по 14 и по 7 дней для очищенія, смотря по привозимымъ ими свидѣльствамъ и грузу. (Съв. П.)

Амстердамъ, отъ 29 Октября, н. ст. Во вчерашнихъ Чрезвычайныхъ Роппердамскихъ Вѣдомостяхъ помѣщено слѣдующее: „Генераль Дендельсъ, Генераль-Губернаторъ острова Явы, прибылъ во Францію на корветѣ Сафо. Онъ привезъ самое приятное извѣстіе о состояніи сего острова. Увѣдомленіе о присоединеніи Голландіи ко Франціи доставлено было шуда въ Февраль мѣсяцѣ на бриггѣ Клавдіи Цивилисъ, и принято съ величай-

шимъ удовольствіемъ. Генераль Янсенъ, назначенный Императоромъ въ Генераль - Губернаторы острова Явы, прибылъ 25 го Апрѣля съ тремя фрегатами въ Батавію. 16го Мая Генераль Дендельсъ въ присутствіи Верховнаго Индійскаго Совѣта вручилъ ему полномочную грамоту. 20го Генераль Янсенъ принималъ присягу отъ конспитуціонныхъ чиновъ. 16го Мая Генераль Дендельсъ въ изданной прокламаціи объявилъ, что онъ слагаетъ съ себя должность Генераль - Губернатора. Даннымъ отъ Генерала Янсена 4го числа Іюня повелѣніемъ, приказаніе прежняго правительства, которымъ предписано было жителямъ острова содержать въ домахъ своихъ по двѣ бочки воды, уничтожается, съ тѣмъ однакожъ чтобы въ случаѣ осады города повелѣніе сіе было исполняемо во всей точности. Впрочемъ, кажется, нѣтъ причины опасаться, чтобы неприятель сдѣлалъ высадку на островъ Яву. Армія находилась въ хорошемъ состояніи и приняты всевозможныя средства для защищенія острова.“

Вѣна, отъ 26 го Октября, н. ст. Его Величество Императоръ предложилъ 11 го числа сего мѣсяца чинамъ Венгерскимъ: 1) Чтобы Венгрія уринула на себя поручительство во 100 милліонахъ банковыхъ билетовъ; 2) чтобы изъ числа двухъ милліоновъ монетю, которые предположено собрать со всей Имперіи, Венгерія внесла 942,680 гульденовъ; 3) чтобы изъ собираемыхъ ежегодно со всей Имперіи четырехъ милліоновъ банковыми билетами Венгрія доставляла по 1,885,371 гульдону, и 4) чтобы сверхъ обыкновенныхъ сборовъ представила она на государственныя

расходы 12 милліоновъ. Объ опивѣтѣ Сейма на сіе предложеніе еще ничего неизвѣстно.

(С. П. В.)

Отъ 26 же Октября, н. с. Многіе Венгерскіе вельможи показали въ настоящихъ обстоятельствахъ примѣрные опыты усердія своего къ отечеству. Графъ Цихи отослалъ на монетный дворъ серебряный свой сервизъ превосходной работы, коей удивлялись всѣ при данномъ имъ обѣденномъ столѣ въ день тезоименитства Императора. Графъ Сцехни отправилъ шудаже 14 центнеровъ серебра для обращенія въ монету; а Графъ Фестетинскъ предположилъ скупить на милліонъ гульденовъ ассигнацій, и оныя уничтожить.

Отъ 6 Ноября, н. с. Австрійскія фабрики начинаютъ также упадать при нынѣшнихъ тяжкихъ обстоятельствахъ. По недостатку занятій на оныхъ многіе рабочіе люди уже распущены. Въ Богеміи и Моравіи содержатся шерстяныхъ фабрикъ жалующся особенно на малый сбытъ издѣлій своихъ; прежде же произведенія ихъ вывозились въ иностранныя земли въ большомъ количествѣ.

(Съв. П.)

Лондонъ, отъ 19 Октября, н. ст. Отъ одного офицера изъ арміи Лорда Веллингтона, коего главная квартира находится нынѣ въ Фуенте-Гинальдо, получено слѣдующее письмо, отъ 23го Сентября: „Цивидадъ-Родриго окруженъ теперь совершенно. Туда привезено двадцать орудій, которыя дѣйствуютъ противу сей крѣпости. Думаютъ, что мы успѣемъ пресѣчь непріятелю всѣ способы къ подвозу

сѣбѣспныхъ припасовъ, которые гарнизонъ се-го города въ скоромъ времени получишь надѣеся, и которые мы конечно перехватимъ можемъ, если только Сультъ и Мэрмонтъ не будутъ угрожать нападеніемъ на Провинцію Аленшею, куда Французы, по моему мнѣнію, удобно вступишь могутъ. Въ семъ случаѣ мы принуждены будемъ опспуишь, чптобы непріяель не напалъ на насъ съ пылу. Ожидаемые припасы идущъ изъ Саламанки и, какъ говорятъ, подъ прикрытіемъ 12 тысячъ человекъ войска. — Въ арміи нашей множество больныхъ; они спраждущъ лихорадкою.“
(С. П. В.)

Отъ 22 Октябръ, н. с. Здѣсь получены на прошлой недѣлѣ письма изъ Персіи, изъ коихъ видно, чпто посолъ нашъ Сиръ Георгъ Узелей и его супруга живутъ нынѣ въ Шаховомъ дворцѣ въ Ширасѣ. Принадлежащіе къ посольству чиновники и служилели, также охранительный отрядъ конницы и аршиллеріи, расположены въ шатрахъ около дворцовыхъ садовъ. Сиръ Вилліамъ Узелей, братъ посла, готовился опсправиться въ Даробгардъ (древній *Кирополисъ*) для обозрѣнія развалинъ Пассагарда и гробницы Кировой. Потомъ располагался онъ пробхашъ путемъ Александровымъ отъ Пассагарда до Персеполя. Переѣздъ сей, составляющій около 300 миль, надѣеся онъ совершитъ въ 13 или 14 дней. Посолъ исходатайствоваль для него фирманъ Шаховъ; сверхъ того оппряженъ офицеръ для сопровожденія Сира Вилліама и для доставленія ему нужныхъ при семъ путешествіи пособій. (Със. II.)

Отъ 22 Октября, н. ст. Генералъ-Маіоръ Робертъ Макфарланъ назначенъ Начальникомъ Штаба Англійскихъ войскъ въ Сициліи. Онъ получилъ повелѣніе ъхашъ въ Плимутъ, а опшуда опсправитсѣ въ Сицилію. — Пятидесятипушечный корабль *Кражпущ* опсправляется въ полуденную Америку. На ономъ находящѣя и коммиссары, назначенные отъ нашего правительспва посредниками въ переговорахъ между Испанією и Американскими ея колоніями. — По письму изъ Мессины, опъ 1 Августа, ожидающъ въ семъ городѣ скорой перемѣны въ правительспвѣ. Народъ весьма негодуетъ на Англичанъ. Издаваемыя шамъ газеты, подъ названіемъ: *Gazetta Britannica*, запрещены по повелѣнію правительспва, а напечатавшій оныя Джіованни Богольдъ взятъ подъ спражу.

Выписка изъ письма нѣкотораго офицера Португальской арміи. Лиссабонъ, 17 Октября. „Пользуясь представившимся мнѣ случаемъ, увѣдомляю васъ о положеніи нашемъ въ Лиссабонѣ; правда, оно очень незавидно. О состояніи, въ какомъ находишся нынѣ армія наша, знаемъ мы шолько изъ частныхъ писемъ, доставляемыхъ сюда изъ главной кватиры. За недѣлю предъ симъ получилъ я письмо отъ моего приятеля, кошорый недавно выздоровѣлъ отъ лихорадки. Съ прискорбіемъ увѣдомляю васъ, что страна сія, по свирѣпствующимъ въ ней болѣзнямъ, совершенно походитъ на оспровъ Валхернъ. Въ Лиссабонѣ и въ окрестностяхъ считаеишся нынѣ больныхъ до 11 тысячъ. Всѣ монастыри и церкви наполнены ими. Здѣсь продолжающѣя нынѣ несносныя жары, по прошествіи кото-

рыхъ надлежитъ ожидать проливныхъ дождей. Въ Лиссабонѣ теперь все дорого. Земляныя яблоки продаются по пяти су; бушылка поршеру стоить 30 су. Вся страна сія разорена и опустошена. Всякаго рода сѣбшныя припасы какъ для арміи, такъ и для несчастныхъ жителей, должно привозить изъ Англии, или изъ другихъ иностранныхъ земель,“ и проч. (С. П. В.)

✽

Изъ Минхена, отъ 27 Октября, н. ст.
Для скорѣйшей уплаты государственныхъ долговъ правительство наше, предположило продать въ Барейтѣ значную часть государственныхъ имуществъ. (Съв. П.)

✽

Берлинъ, отъ 20 20 Октября, н. ст.
Часть Прусскихъ войскъ, споявшихъ въ печеніе всего прошедшаго лѣта при берегахъ Балтійскаго моря, нынѣ возвращается на непрѣбныя свои квартиры; ибо Англійскій флотъ, по причинѣ наступившей зимы, долженъ будетъ выйти изъ Балтійскаго моря. (С. П. В.)

✽

Изъ Стокгольма, отъ 5 Ноября, н. ст.
По повелѣнію Короля нашего, никто изъ выѣзжающихъ изъ Швеціи, исключая Министровъ и иностранныхъ Державъ, не можетъ вывозить съ собою болѣе 100 червонцевъ и шодикаго же числа шалеровъ монетою, безъ особеннаго на то Королевскаго позволенія. О привозимой каждымъ иностранной монетѣ должно объявлять въ таможнякъ, и въ такомъ покомъ случаѣ обратный вывозъ оной изъ Государства можетъ быть позволенъ.

(Съв. П.)

✽

Константинополь, отъ 10 Сентября,
н. ст. Египетскій намѣстникъ Али-Мехметъ Паша всячески старался привести къ скорѣйшему окончанію приуготовленія свои къ экспедиціи противъ Вехабитовъ. Издержки для сего потребныя проспираются будущъ до 60,000 мѣшковъ (по 182½ рейспалеровъ въ каждомъ).

По извѣстіямъ, полученнымъ чрезъ Остѣ-Индію, Вехабиты успѣшно ведутъ войну въ Южной Аравіи; они недавно испребили корпусъ, состоявшій изъ 4000 чел. Персовъ и Арабовъ, шедшихъ на помощь къ Мускашскому Иману.

Сюда прибылъ изъ Тегерана бывшій при Персидскомъ дворѣ Англійскій Министръ Сиръ Гарфордъ Юнесъ. Онъ отправился отсюда 4 числа Сентября въ Англію на фрегатъ *Помонъ*, которой ожидалъ его за Дарданеллами.

Флотъ нашъ уже около мѣсяца не выходитъ изъ гавани, ожидая попушнаго Южнаго вѣтра.

Хозровъ Паша, Никомидскій намѣстникъ, скоро отправится съ войскомъ противъ взбунтовавшагося Гераклійскаго Аяна въ Виѣнии, Али-Моллы.

По извѣстіямъ изъ Алеппо, отъ 10 Юля, Вехабиты дѣлаютъ частыя нападенія на окрестности Багдада. Багдадскій Паша выслалъ противу ихъ войска, которыя хотя и принудили Вехабитовъ къ отступленію, однакожь не могли ошнятъ у нихъ взяшой ими добычи.

Смирна, отъ 17 Августа, н. ст. Купеческій флотъ изъ Мальшы, подъ прикрытіемъ одного бригга, прибылъ сюда съ большимъ количествомъ товаровъ и колониальныхъ произведеній. Цѣна послѣднихъ хотя была уже довольно низка, нынѣ еще болѣе унизилась. Таковыя подвозы товаровъ не только не приносятъ никакой пользы торговлѣ, но еще дѣлаютъ великую въ оной оспановку.

На сихъ дняхъ пришли сюда два купеческихъ корабля изъ Америки. Поелику Американскія соединенныя Области неимѣютъ съ Поршою никакого торговаго договора, то сіи купеческія суда не иначе могли войти въ здѣшній портъ, какъ подъ Англійскимъ флагомъ; но Англійскій Консулъ, по настояніи негоціантовъ, своихъ соопечеспвенниковъ, принудилъ Американцевъ снятъ Англійскій флагъ, и увѣдомилъ таможенныхъ чиновниковъ, что корабли сіи Американскіе. Турки воспользовались симъ случаемъ и потребовали съ нихъ, вмѣсто шрехъ, по девяти проценшовъ таможенной пошлины; однакожъ наконецъ согласились взять только по чешыре процекша. Но какъ скоро всѣ товары были выгружены, то таможенные чиновники, по наущенію Англичанъ, захватили шесть боченковъ съ индиго, кощорые не будуще возвращены конечно хозяевамъ. Вопшъ какимъ образомъ Англичане пошупаютъ здѣсь съ Американцами. (С. П. В.)

Дополненіе и поправки.

Неоплагая до слѣдующей книжки Вѣспника, Издашель почитаешъ за необходимое здѣсь же приобщить дополненіе и поправки къ спашы о Славянскихъ рукописяхъ, сдѣланныя почтеннымъ господиномъ Сочинишелемъ оной, Христіаномъ Августовичемъ Шлецеромъ. Упомянушая спашья написана на Нѣмецкомъ языкѣ и переведена самимъ Издашелемъ, копорой немогши вездѣ разобрать рукописи и неимѣвши досужнаго времени справитъ ся съ господиномъ Сочинишелемъ, не могъ избѣжать и погрѣшностей. Да благоволяшъ читашели къ концу 194 страницы въ сей книжкѣ прибавитъ слѣдующее замѣчаніе г-на Сочинишеля:

„Онъ (покойный Шлецеръ), получивши рукописные подлинники, опложилъ ихъ къ сторонѣ для будущихъ изслѣдованій. Между тѣмъ подоспѣла старость, а съ нею вмѣстѣ и забывчивость, сему возрасту свойственная. Принявшись же потомъ снова за Русскую исторію, ошецъ мой, какъ обыкновенно случается съ людьми старыми, легко возобновилъ въ памяти своей всѣ впечатлѣнія молодости; но происшествія позднихъ лѣтъ, а съ ними вмѣстѣ и приобрѣтеніе Славянскихъ подлинниковъ, были имъ совершенно забыты.“

На 191 страницѣ въ 6 строкѣ примѣчанія, вмѣсто Броге, читашь должно: Броце; а въ 13 строкѣ вмѣсто городъ Рига, надобно читашь: городъ Полоцкѣ.

На 200 страницѣ во 2 строкѣ примѣчанія внизу, вмѣсто и здѣсь въ грамахъ, читашь должно: и здѣсь въ лѣтописи.

На 209 страницѣ въ 12 строкѣ, вмѣсто *Вареницъ*, чипашь должно: *Важенницъ*.

~~~~~

У в ѣ д о м л е н і е.

„Исполняя долгъ чувствительнѣйшей благодарности и желая удовлетворить требова-
нію Почтенной Особы, упомянушая въ 18 Но
Вѣсп. Евр. вдова Г* С* спѣшишь увѣдомить
неизвѣстнаго своего Благотворителя ($\frac{27}{4}$),
что она присланные имъ сто рублей палучи-
ла при письмѣ, въ коемъ сія Почтенная Особа
обѣщаетъ облегчать и впредь злосчастный ея
жребій. Такое безпримѣрное челоуѣколюбіе
останешся ли безъ воздаянія предъ престо-
ломъ Вышняго? — По желанію сея Особы съ
удовольствіемъ почитаетъ себя Г* С* обязан-
ною сказать: 1. Что всю надежду свою въ
несчастіи можетъ она полагать только на
Провидѣніе, на благотворительность сосрада-
тельныхъ особъ и на собственные труды
свои. 2. Что она имѣетъ двухъ сыновей, кои
обучаются въ извѣстномъ училищѣ, одного
въ службѣ, трехъ дочерей, изъ коихъ двѣ
малолѣтныя, и двухъ внучекъ-сиротъ, воспи-
тываемыхъ ею. Такое семейство требуетъ
всего вниманія и всей попечительности чадо-
любивой матери. Она же вдова свидѣтель-
ствуетъ свою сердечную благодарность Осо-
бамъ, благоволившимъ прислать ей изъ *Харь-
кова* пятьдесятъ р., изъ *Прилукъ* двадцать
пять р. и изъ *Москвы* двадцать пять р.“

(Прислано изъ *Кіева*.)

При сей книжкѣ прилагается одинъ ошпеча-
токъ древней рукописи,

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 24. ДЕКАБРЬ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Изъ Гиббоновой Исторіи объ уладкѣ
и разрушеніи Римской Имперіи
Глава XL.*

(Окончаніе.)

Юстиніанъ построилъ множество новыхъ крѣпостей въ Европѣ и въ Азіи; но въ сихъ часто повпоряемыхъ предоспороженостяхъ наблюдашель прозорливый усматриваетъ слабость Имперіи. Отъ Бѣлграда до Еввсинскаго Понпа простиралась по Дунаю цѣпь, состоящая болѣе нежели изъ восьмидесяти укрѣпленій. Въспо высокихъ башень, построенныхъ для немногочудной спражи, явились обширныя цитадели; большія и малыя крѣпости наполнились колонистами или гарнизономъ; при развалилахъ Траянова мѣста воздвигнушы крѣпкія

ствѣны, и разставленные во многихъ мѣстахъ военныя سپражи, по видимому, еще хотѣли задунайскимъ спранамъ угрожать величїемъ Римскаго имени. Но сіе имя было, уже не спрашно; варвары ежегодно переправлялись черезъ Дунай и обратнo въ виду сихъ бесполезныхъ укрѣпленій, и пограничныя жилища не только не могли наслаждаться покоемъ, но должны были неуспѣшно охранять свои жилища. Опустѣвшіе древніе города наполнены жилищелами; вновь основанные самимъ Юстиніаномъ названы, можетъ быть слишкомъ поспѣшно, непреодолимыми и многочисленными, а счастливая родина Императора ознаменована особливимъ почтительнымъ отпличїемъ. Прежде неизвѣстная деревня Таврезіумъ получила пышное наименованіе Юстиніанова града (Iustiniana prima) и содѣлалась мѣстопробываніемъ Архіепископа и Префекта, коихъ власть простиралась надъ семью воинспвенными областями Иллирика. Быдїе онаго сохранилось въ нынѣшнемъ испорченномъ названіи Жюстендилля, въ мѣстопробываніи Турецкаго Санжака. Для чести и выгодъ земляковъ своихъ Императоръ не замедлилъ соорудить кафедральную црковь, дворецъ и каналъ водопроводной; общеспвенныя и частныя зданія отпвчали пышности царспвеннаго града, а крѣпость стѣна въ удачно сопрошивлялась неискуснымъ

нападеніямъ Гунновъ и Славянъ во все продолженіе Юстиніановой жизни. Нашествія сихъ народовъ иногда были замедляемы, а надежда ихъ на полученіе добычи уничтожаема множествомъ укрѣпленій въ Дакіи, въ Егирѣ, въ Фессаліи, въ Македоніи и во Фракіи. Изъ числа сихъ укрѣпленій шесть сошъ построены или возобновлены Юстиніаномъ; но думать надобно, что многія изъ нихъ были не иное что какъ только башни каменные или кирпичныя, построенныя среди четырехугольнаго или круглаго пространства, окруженнаго ровомъ и стѣною, и что они во время опасности служили нѣкоторою защитою для поселянъ и для скопины деревень собственныхъ. Сіи сооруженія, истощившія казну государственную, не могли совершенно успокоить Императора и Европейскихъ его подданныхъ. Теплыя воды Анхіальскія во Фракіи ограждены безопасностію по мѣрѣ приносимой ими пользы; но шучныя пажити Фессаліи опустошаемы были Скиѣскою вонницею, и на прелестной Темпейской долинѣ, за триста миль отъ Дуная, безпрестанно раздавались военные звуки, между тѣмъ какъ неукрѣпленныя дальнія мѣста наслаждались благоденствіемъ мира. Врага Фермопильскія, которыми по видимому защищалась Греція, но которыя часто слу-

жили входомъ для непріяшелей, были тща-
 тельно укрѣплены Юспиніаномъ. Отъ мор-
 ского берега черезъ лѣса и долины до горъ
 Фессалійскихъ проведена была крѣпкая стѣ-
 на, для прикрытія удобныхъ входовъ. Не
 шолпа наскоро собранныхъ поселянъ охра-
 няла ее, но двѣ тысячи воиновъ, для про-
 довольствія копорыхъ усроены были жиш-
 ницы и водохранилища, а на случай оп-
 сугленія ихъ сооружена крѣпость. Стѣ-
 ны Коринескія, разрушенныя землетрясе-
 ніемъ, и вѣшкія укрѣпленія Аѳинъ и Пла-
 теи воспановлены; обнаженные города Пе-
 лопонеса защищены крѣпостями на Ко-
 ринескомъ перешейкѣ, и варвары шерили
 бодрость предвидя многія и шрудныя оса-
 ды. На краю Европы другой полуостровъ,
 Херсонесъ Фракійскій, вдавшійся на при-
 дни пупи въ море, отъ прошивуположнаго
 берега Азіи раздѣлялся проливомъ Гелле-
 спонтскимъ. Пространство между одиннад-
 цатью многолюдными городами состояло
 изъ высокаго лѣса, прекрасныхъ пажитей
 и нивъ, удобныхъ къ воздѣланію, и пере-
 шеекъ сего полуострова на тридцать семь
 стадій простирающійся былъ уже укрѣ-
 пленъ Спартанскимъ полководцомъ за де-
 вятьсотъ лѣтъ до Юспиніанова царства.
 Во время свободы и мужества даже слабое
 огражденіе могло защитить отъ внезап-

ныхъ набѣговъ; вѣроятно, Прокопій непонималъ преимущества временъ древнихъ, ибо онъ хвалилъ крѣпость сооруженія и двойной парашъ стѣны, достигающей съ обѣихъ сторонъ до моря; но и сѣя твердыня показалаь недослапочною для защиты Херсонеса, ибо каждой городъ, а особливо Галлиполи и Сестосъ, имѣлъ еще собственныя свои укрѣпленія. Такъ называемая *долгая* стѣна была сооруженіе презрительное и вмѣстѣ почтенное. Богатства столицъ разливались на сироты сосѣдственныя; окрестности Константинополя, щедро облагодѣшествованныя императрицею, украшались роскошными садами и загородными домами сенаторовъ и богатыхъ жителей. Но богатство ихъ служило приманкою для хищныхъ и отважныхъ варваровъ; благороднѣйшіе Римляне, изъ нѣдра безмятежной роскоши похищаемые, уводимы были въ плѣнъ къ Скиѣтамъ, и Государь ихъ изъ черноговъ своихъ могъ видѣть огни неприятельскіе, дерзновенно возжигаемые передъ самыми врагами царствующаго града. Анаспасій принужденнымъ нашелся, въ разстояніи сорока миль, соорудить протяженную твердыню; долгая стѣна его, простирающаяся на шестьдесятъ миль отъ Пропонтиды до Чернаго Моря, возвѣстила о слабости его оружія, а неупомидмый и предусмотрительный Юстиніанъ, по мѣрѣ на-

стоянїи опасности, за благо разсудилъ прибавить къ силѣ сей новыя укрѣпленїя (*). . .

VII. Юстиніанъ уничтожилъ Аѳинскїя училища и консульство Римское, которыя произвели столь многихъ мудрецовъ и героевъ въ человѣческомъ родѣ. Хотя сїи учрежденїя давно уже лишились первобытной своей славы; однакожь справедливая ужоризна падаетъ на сребролюбїе и зависть Императора, коего рукою до конца разрушены сїи почтенныя развалины.

Аѳины, послѣ одержанныхъ побѣдъ надъ Персами, приняли къ себѣ Философію изъ Іонїи и Риторіку изъ Сициліи, и сїи науки содѣлались наслѣдїемъ шакого города, коего обитатели (около тридцати тысячъ мужеска пола) въ продолженїе одной человѣческой жизни вмѣстили дарованїя въновъ и милліоновъ людей. Какая мысль раждается въ душѣ нашей о достоинствѣ напугры человека при одномъ шолько воспоминанїи, что Исократъ былъ товарищемъ Платона и Ксенофонша, что онъ присуство-

(*) Описанїе Азїйскихъ крѣпостей, сооруженныхъ и возобновленныхъ Юстиніаномъ, представляю огоньникамъ читать въ подлинникѣ, и поспѣваю къ окончанїю Главы, что бы неопшладывашъ онаго до будущаго года,
Церков.

валъ, и можетъ быть въ одно время, съ испорикомъ Оукидидомъ при первомъ предсавленіи Едипа Софоклова и Еврипидовой Ифигеніи, и что ученики его Ескинъ и Димосенъ спорили о вѣнкѣ любви опечесвенной въ присуствіи Ариспошеля, бывшаго насавникомъ Теофрасту, копорой училъ въ Аѣнахъ въ одно время съ основашелами Слорической сенипы и Епикурейской! Благорожденные юности Аппическіе пользовались своимъ опечесвленнымъ ученіемъ, которое было сообщаемо безъ за-висти и городамъ сопротивнымъ. Двѣ ты-сячи учениковъ слушали насавленія Теофрастовы; училища рипорическія были еще многолюднѣе; обученные юности распроетра-няли славу своихъ учителей, языкъ и имя Греціи. Предѣлы сего языка разширены по-бѣдами Александра; искусства и науки Аѣинскія пережили свободу ихъ и могуще-ство, и Греки, Македонянами поселенные въ Египтъ и разсѣянные по Азіи, въ продолже-ніе вѣковъ часто предпринимали набожные пупешествія для поклоненія Музамъ въ лю-бимомъ храмѣ ихъ на берегу Илиса. Завое-вашели Римскіе почтительно внимали на-савленіямъ своихъ подданныхъ и пѣвни-ковъ: имена Цицерона и Горація вписаны бы-ли въ училищахъ Аѣинскихъ; по ушверженіи Римской Имперіи уроженцы изъ Италіи, изъ Африки, изъ Британіи бесѣдовали

въ рощахъ Академіи съ воспочными своими соучениками. Философія и краснорѣчіе имѣли естественную связь съ формою народнаго правленія, которое ободряло свободныя изслѣдованія и усилювало единственно могуществу убѣжденія. Въ республикахъ Греціи и Рима искусство краснорѣчія было главнымъ орудіемъ любви общественнои и стремленія къ славѣ; въ риторическихъ школахъ образовались полиппики и законодатели. По уничтоженіи свободы соспязались о дѣлахъ общественныхъ, орапорамъ оставалась еще почтенная должность защищать невинность и справедливость; они могли еще употреблять во зло дарованія свои, сочиняя пантирики; пѣ же правила риторическія служили софистамъ для ихъ велерѣчивыхъ разсужденій, а дѣписателямъ для приведенія въ порядокъ историческихъ событій. Философскія системы, касательно изслѣдованія свойствъ Бога, человека и вселенной, занимали любопытство искапеля мудрости, которой сообразно расположенію ума своего могли сомнѣваться со сценниками, утверждать рѣшительно со спонками, углублялись въ созерцанія съ Платономъ, или умствовать и доказывать по спрогимъ правиламъ логики съ Аристотелемъ. Суемудріе различныхъ противоположныхъ сектъ показывало невозможность достигнуть къ воображаемому счастью и къ совер-

шенству; но поприще ихъ было знамени-
то и спасительно: послѣдователи Зенона
и даже Эпикура учились дѣйствовать и
шерпѣшь; смерть Пещронія и Сенеки заклю-
чала въ себѣ ту пользу, что унизила ши-
рана, обнаруживъ его. безсиліе. Свѣтъ уче-
нія неограничивался Аѳинскими стѣнами;
несравненные писатели прудились для все-
го человѣческаго рода; живые наставники
опправлялись въ Италію и въ Азію; го-
родъ Беринъ въ позднѣйшія времена сла-
вился ученіемъ законоискусства; астроно-
мія и физика процвѣтали въ Александрій-
скомъ музеѣ; но Апшическія училища ри-
порики имѣли передъ всѣми преимущество
со временъ Пелопонесской войны даже до
Юстиніанова царства. Аѳины, при невы-
годномъ положеніи своемъ на землѣ без-
плодной, отличались здоровымъ воздухомъ,
свободною приспаныю и памятниками дре-
вняго искусства. Сіе священное убѣжище
рѣдко возмущаемо было торговыми дѣлами
и распоряженіями правительсства; и по-
слѣдніе Аѳиняне все еще отличались пыл-
костію воображенія, чистотою вкуса и
языка, вѣжливостію въ обществѣ и нѣ-
копорыми признаками, по крайней мѣрѣ
въ разговорахъ, великодушія своихъ пред-
ковъ. Въ предмѣстіяхъ города *Академія*
Платонистовъ, *Лицей* перипатетиковъ,
портикъ стоиковъ и *садъ* Эпикурейцовъ

наполнены были распущими деревьями и украшались спашуями; тамъ философы преподавали ученіе свое, не заключенные въ тѣсномъ огражденіи, но гуляя по обширному пространству, которое въ опредѣленные часы посвящено было упражненіямъ разума и тѣла. Духъ основателей обихалъ еще въ сихъ почтенныхъ убѣжищахъ; честолюбивымъ желаніемъ шествовать по слѣдамъ наставниковъ челоѳческаго рода возбуждалось благородное соревнованіе; и достоинство кандидата при открывшемся праздномъ мѣсцѣ провозглашаемо было свободными голосами просвѣщеннаго народа. Аѳинскіе наставники получали отъ учениковъ своихъ плату: смотря по состоянію тѣхъ и другихъ и по способностямъ, цѣна была, какъ видно, неодинакова, и восходила отъ мѣны до таланта. Самъ Исократъ, осмѣивающій сребролюбіе софистовъ, отъ каждого изъ ста учениковъ своихъ требовалъ около тридцати фунтовъ. (*) за риторическія наставленія. Плата за труды есть награда справедливая и почтенная; однакожъ тотъ же Исократъ заплакалъ принимая въ первой разъ сію награду: стоикъ долженъ бы усшыдиться получая деньги за наставленія о презрѣннн денегъ, и мнѣ прискорбно было бы узнать, что

(*) Около 150 рублей серебряныхъ.

Аристотель и Платонъ, опустивши отъ прибора Сократова, начали обвинять науку на землею. Но по дозволенію законовъ философскія кѣедры въ Аѳинахъ могли приобретать земли и дома въ свою собственность и пользоваться завѣщаніями умирающихъ доброхотовъ. Эпикуръ оставилъ ученикамъ своимъ сады, купленные за восемьдесятъ минъ (*), и достаточный капиталъ какъ на содержаніе оныхъ, такъ и на ежемѣсячныя празднества. Наслѣдство Платоново приносило ежегодной доходъ, которой въ продолженіе осми вѣковъ увеличился до тысячи золотыхъ. Самые мудрые и добродѣлительнѣйшіе изъ Римскихъ Императоровъ покровительствовали Аѳинскія училища. Учрежденная Адрианомъ библіотека помѣщалась въ портикъ, украшенномъ карпинами, спашуиима, алебастровымъ сводомъ и сотнею колоннъ изъ Фригійскаго мрамора. Великодушные Антонины назначили жалованье отъ казны общественной, и каждой учитель полиптики, риторики, платонической, перипатетической, стоической и эпикуррейской философіи ежегодно получалъ по десяти тысячъ драхмъ (**), на свое содержаніе. По кончинѣ Марка сіи щедрыя выдачи и другія пре-

(*) Около 1250 рублей серебряныхъ.

(**) Болѣе 1500 рубл. серебр.

имущества, въ училищескихъ наедрамъ принадлежавшія, были уничтожаемы, возобновляемы, уменьшаемы и попомъ увеличиваемы; въкопорые слѣды царскаго благоволенія находимъ во времена преемниковъ Конспанпиновыхъ; но самопроизвольной ихъ выборъ недостойныхъ людей въ наставники давалъ поводъ Аѳинскимъ философамъ жалѣть о минувшихъ вѣкахъ бѣдности и свободы. Достойно примѣчанія, что царскія щедроты Антониновъ равномерно изливались на прошивныя философскія секты, и что сіи Императоры почитали ихъ равно полезными, или по крайней мѣрѣ безвредными. Сократъ нѣкогда былъ славою и безчестіемъ своего отечества; первыя наставленія Эпикуровы показались поoliko несносными набожнымъ душамъ Аѳинянъ, что по изгнаніи философа и его прошивниковъ они повелѣли прекратити всѣ прѣнія о свойствѣ боговъ; но въ наступившемъ годѣ уничтожили приговоръ свой, возвратили училищамъ прежнюю свободу, и удословрились опытами вѣковъ, что нравственный характеръ философвъ совсѣмъ не зависитъ отъ ихъ умозрительныхъ изысканій.

Гопфское оружіе не столько было пагубнымъ для Аѳинскихъ училищъ, какъ усшановленіе новой вѣры, коея служители,

опровергая суемудріе разума, рѣшили всякой вопросъ закономъ принятаго ими божественнаго ученія. Они сочиняли пространныя опроверженія, доказывали слабость разума и развращенность сердца человѣческаго, осуждали вредныя изслѣдованія философовъ, прошивныя догматамъ. Оставшаяся севша платонистовъ, которыхъ однакожъ Платонъ постыдился бы признашь своими послѣдователями, безумно смѣшивала высокія умозрѣнія съ суевѣрными дѣйствіями магіи. Будучи одна посреди христіанъ, она лишила тайную злобу прошиву духовнаго и свѣтскаго правительствва, ко-его строгая рука уже гонима была нанесши послѣдній ударъ ея дерзости. Спустя около ста лѣтъ послѣ Іуліана, Прокль имѣлъ дозволеніе учить въ Академіи философскимъ наукамъ, и прилѣжаніе его было такъ велико, что въ одинъ день иногда читалъ онъ по пяти лекцій и писалъ по семи сотѣ строчекъ своего сочиненія. Дѣяпелный умъ его углублялся въ сокровенности метафизики и морали, и онъ дерзнулъ предложить осмнадцать доказательствъ прошивъ христіанскихъ преданій о сотвореніи міра. Мудрецъ сей въ часы свободныя онъ ученія лично бесѣдовалъ съ Платонъ, Ескулапомъ и Минервою, въ тайнства коихъ почиталъ себя посвященнымъ и коихъ отверженнымъ шамуимъ усердно

поклонялся, твердо будучи увѣренъ, что философъ, какъ гражданинъ мѣра, долженъ служить всѣмъ божествамъ, почитаемымъ въ мѣрѣ. Солнечное затмѣнїе предвозвѣстило его кончину. Начершавше жизни Прокла и послѣдователя его Исидора, сочиненное двумя приближнѣйшими ихъ учениками, представляется плачевную картину въ другой разъ младенчества разумнаго человѣческаго. Золотая цѣпь Платоновыхъ послѣдователей (название слишкомъ щеславное) продолжалась сорокъ четыре года послѣ Прокловой смерти до указа Юстиніанова, которымъ навсегда уничтожены Азинскія училища и которымъ возбуждено сильное негодование въ немногихъ оставшихся блюстителяхъ наукъ Греческихъ и севѣрїя. Семь друзей и философовъ Діогенъ и Гермїасъ, Евлалій и Присцианъ, Далмацій, Исидоръ и Симплицій, непринявшіе вѣры своего Императора, вознамбрились въ чуждой странѣ искать свободы, кою не могли наслаждаться въ своемъ отечествѣ. Они слышали, и вѣрили легкомысленно, что Платонова республика существуетъ въ деспотической Персіи, и что въ семъ государствѣ господствуетъ Монархъ-патріотъ среди счастливѣйшаго и добродѣльнѣйшаго изъ народовъ. Но они чрезвычайно удивились, нашедши Персію подобною другимъ странамъ мѣра. Хозяйой,

величавшійся именемъ философа, былъ Го-
 сударь легкомысленный; жестокій и щеще-
 славный; суесвятство и духъ неперпимо-
 сти обладали Магами; вельможи были вы-
 сокомбрны, придворные раболбны, судьи
 несправедливы; пресупники изббгали на-
 казанія, а невинные спрадали. Огорченные
 философы въ досадб своей неспали замб-
 чать добродбтелей въ Персахб; они чрез-
 вычайно вознегодовали на многоженство и
 роскошество въ содержаніи наложницб, на
 кровосмбсительные браки, на обыкновеніе
 повергать мерпвые шбла псамб и коршу-
 намб на снбдбніе, вмбсто того чтобы за-
 сыпать ихб землею, или испреблять пла-
 менемб. Спранники сїи посббшно возвра-
 тились, и говорили въ слухб, что лучше
 хотяшб умереть на границб Имперїи не-
 жели наслаждашбся богатшствомб и выгода-
 ми царской милоспи среди варваровб.
 Они однакожб воспользовались благодбнянї-
 емб, которое показываешб хорошую сто-
 рону характера Персидскаго Монарха. Хо-
 зрой потребовалб, чтобы мудрецы, посб-
 шившіе Имперїю его, не подлежали наказа-
 нію, закономб Юстинїановымб опредблен-
 ному для уклоняющихся отб хриспїянской
 вбры; и сїе преимущество, въ мирной до-
 говорб включенное, охраняемо было бди-
 тельностїю могущешвеннаго посредника.
 Симплицій и шоварищи его скончали жизнь

свою въ пишинѣ и неизвѣстности; и какъ послѣ нихъ учениковъ неосталось, по имѣ и заключается длинный списокъ Греческихъ философовъ, такихъ, коихъ, невзирая на слабости ихъ и недоспѣлки, можно по справедливости назвать мудрейшими и добродѣтельнейшими изъ числа ихъ современниковъ. Сочиненія Симплиціевы сохранились до нынѣ. Физическія и метафизическія примѣчанія его на Аристотеля при перешедшемъ состояніи наукъ потеряли свою цѣну; но его нравоучительныя изъясненія Эпикурена у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ почитаются классическою книгою, полезною для направленія воли, очищенія сердца и утвержденія разума.

Почти въ то самое время, когда Пизагоръ изобрѣлъ названіе философа, старшій Брутъ установилъ въ Римѣ вольность и консульское достоинство. Сіе достоинство сначала сопряжено было съ должною, а потомъ состояло въ одномъ титулѣ. Первые правители республики избираемы были народомъ; они имѣли въ рукахъ своихъ верховную власть въ сенатѣ и въ войскѣ, въ мирное время и въ военное, и власть сія на послѣдствѣ принадлежать стала Императорамъ. Но преданіе о семъ достоинствѣ долго уважаемо было Римлянами и варварами. Юрнандъ консульство Теодо-

риково называешьъ верховнымъ благомъ и первымъ украшеніемъ въ здѣшнемъ мірѣ; самъ Король Ингалійскій приносилъ поздравленіе симъ ежегоднымъ любимцамъ форшуну, которые не зная заботъ престола пользовались всѣмъ его блескомъ. Но прешествій тысячи лѣтъ, Государями избираемы были два консула въ Римъ и въ Константинополь единственно для льпосчисленія и для празднества народнаго. Но издержки на сіе празднество, которыми богатые и щеславные старались превзойти своихъ предѣстниковъ; наконецъ увеличались до восьмидесяти тысячъ фунтовъ. Благоразумные сенаторы уклонялись отъ бесполезной почести, влекущей за собою неминуемое разореніе всего ихъ семейства, и вѣроятно по сей-то причинѣ въ консульскихъ спискахъ послѣдняго вѣка часто видимъ пусые промежутки. Юстиніановы предѣстники, выдавали изъ общественной казны деньги въ пособіе небогатымъ кандидатамъ; а сей бережливый Государь выдумалъ вмѣсто того другой дешевой и удобнѣйшій способъ: онъ уменьшилъ число зрѣлищъ, назначивъ только семь предшавленій, вмѣсто прежнихъ рыскалицъ на коняхъ и на колесницахъ, едимоборства аплетовъ, музыки, пантомимическихъ игрищъ и прѣвля; вмѣсто золотыхъ монетъ, бросаемыхъ въ народъ и

обыкновенно служившихъ поводомъ къ шумнымъ, беспорядкамъ и къ пвянству, онъ приказалъ употреблять малыя серебряныя. Не смотря однакожъ на сіи предосторожности и на собственнй прамбръ Императора, послдованіе консуловъ совсѣмъ прекратилось въ тринадцатой годъ царства Юстиніана, кошорой по видимому былъ очень радъ тому, что сіе шипло ненапоминадо уже Римлянамъ о древней ихъ свободѣ. Но ежегодное консульство все еще оставалось въ памяти народа; онъ безразсудно ожидалъ скората возстановленія, и каждой разъ извъявлялъ свое удовольствіе, когда новой Государь по восшеспвіи на престолъ въ первой годъ принималъ на себя шипло консула. Триста лѣтъ сущя по кончинѣ Юстиніана, при Львѣ Философѣ напослѣдокъ уничтожено закономъ сіе обвешщавшее достоинство, давно уже уничтоженное обыкновеніемъ. Неудобное лѣпосчисленіе по именамъ государственныхъ чиновниковъ замѣнено выгоднѣйшимъ усшановленіемъ поспоянной Еры: Греки начали считать отъ сошворенія мѣра по семидесяти полковникамъ Библіи, а Лапины со времени Карла Великаго приняли лѣпосчисленіе отъ Рождества Христова.

(Съ Англ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Наставленіе влюбчивому прияпелю.

Послушайся меня, — долой поску съ двора;
 Съ подругою шакой въ минушу посбдбешь.
 Живи, покамбснб жншь не минула пора,
 А смершь придетшь съ серпомб, — хоть дюжб,
 не уцблбешь.

Ученые давно рѣзказывають намб,
 Чшо всуе горевашь о шомб, въ чемб мы не
 властны;
 Ч по всякой долженб бышь покоренб Небесамб, —
 Твердяшь о шомб вбковб намб опышы всечасны.

Послбдуй мудрецамб и сердцу дай покой,
 Не мучь его, мой другб, разборчивостью спрогой;
 Разсудка не пишай чувствншельной шоской,
 И кб вбчности бреди ешественной дорогой.

Нашурой созданы, вб нашурб мы живемб:
 Законами ея намб должно управлншься;
 По милосши ея мы спимб, бдимб и пьемб,
 По милосши ея мы можемб наслаждашься.

Томб бредомб зараженб обманчнвыхб
 спрасшей,
 Кшо мнншь, чшо жизни сей минушы драгоцбнны,
 Такб шочно, какб жемчугб на днб густыхб
 морей,
 Во ввупреннихб жнльяхб сердечныхб сокровенны.

Въ ошибокъ шомъ, кто мнишь, что сча-
стие сердець
Въ обмѣнѣ нѣжныхъ чувствъ, въ душевномъ
восхищени;
Что вздохъ, слеза и взоръ суть радостей вѣнецъ;
Что вѣспники всѣхъ благъ сердечныя бѣны.

О жалкія умовъ испорченныхъ мечпы,
Которымъ въ жертву мы несемъ союзъ природы,
И жизни сей цѣнишь не смысла красоты,
Бѣжимъ въ оковы зла отъ прелестней свободы!

Увы! я самъ искалъ такихъ же въ свѣтѣ
благъ!
Романами пуши прокладывалъ ко счастью,
И пагубнымъ считалъ шомъ каждый смѣлый
шагъ,
Которой велъ меня нечаянно къ безспаснью.

Очнулся, наконецъ. — Что радости? —
прошло
Прекрасныхъ лѣтъ дней; веонѣ не возвращайся;
Снѣгъ старости напалъ на сморщенно чело,
Кумиръ любви разшибъ — и полно заблуждаешься.

Натура! виноватъ твой сынъ передъ тобою;
Но ты какъ нѣжна мать меня благословила,
Дала мнѣ поиграть въ мечтахъ моей судьбой,
А здравіе мое и силы сохранила.

Въ тебѣ одной я зрю источникъ всѣхъ
отрадъ.
Кто черпаетъ изъ него умѣетъ осторожно,
Того палящій зной не жжетъ въ тѣни про-
хладъ;
Доволенъ, веселъ, бодръ и счастливъ шомъ не-
ложно.

Натура намъ не лжетъ и разуму не
льститъ;
Воспользуйся, мой другъ, щедротъ ея богат-
ствомъ.
Купидо журавля на небѣ намъ сулитъ;
Натура насъ прямымъ довольствуеши приап-
ствомъ.

Взгляни вокругъ себя на всѣ ея дары:
Чего нѣтъ въ естествѣ вещественнаго міра?
Чего намъ не дадутъ сырой земли пары,
Согрѣтые лучемъ, ниспосланнымъ съ еяра?

Тамъ въ житницы поля скирдами пла-
тятъ дань,
И грѣча твоя сусѣкъ засыпала крупами;
Тамъ ленъ для слугъ твоихъ гошовитъ блу-
шкань,
А кони твоя зрѣтъ луга, уставленны сто-
гами.

Тамъ спѣетъ гибкой хмѣль вокругъ по-
ленькихъ жердей,
И скоро бражной чашѣ народу разольется:
Съ занозой аршишокъ, кудрявой кочень щей,
И иблинкой горохъ — все для тебя ведется.

Здѣсь множествомъ цвѣтѣвъ весь воздухъ
накурѣнъ:
Ты въ сладкой тишинѣ ласкаешь обонянье;
Чудесной пестротой твоей взоръ обвороженъ.
О, сколько намъ утѣхъ даетъ благоуханье!

Вошъ Шпанскихъ вишенъ лѣсъ, царь фрук-
товъ ананасъ,
Аймоновъ сочныхъ рядъ и груша духова:

Какой для вкуса пиръ, для пресыщенья часъ!
Владѣльцу ли сихъ мѣсѣхъ прилично жить
скучая!

Тамъ дынь, арбузовъ шма, тамъ слад-
кой виноградъ
На рамахъ разложилъ свои тяжелы кисти;
О радостная вѣпвь! — утѣшнѣе спокрѣнѣ
Сокъ лознаго плода Дамасскія корысти.

Дай слуху радости внять пѣснь ранню со-
ловья;
Войди въ дремучій лѣсѣ, отечество пернат-
ныхъ, —
Тамъ соколъ, чижъ, снѣгирь, какъ общая семья,
Вьюшѣ гнѣзда и пшеницѣ выводятъ въ нихъ
крылатыхъ.

Рѣчь: — огромной домъ потчасъ те-
бѣ готовъ,
Умѣй лишь изобрѣсть вещамъ употребленье,
Жги хлѣбъ, вари стекло, на все достанетъ
дровъ, —
И барку съ грузомъ вдаль несетъ воды спре-
мленье.

Что шагъ, то чудеса: изъ камня брыз-
нулъ ключъ,
Ударился въ оврагъ и долу покатился;
Чешуйчатую тварь пригрѣлъ путь солнца лучъ,
И въ неводѣ швомъ сонмъ разныхъ рыбъ явился.

Уже ли на сію картину естества
Въ окно свое смотрѣть ты можешь равнодушно,
Природу пренебречь въ день свѣтла торжества,
И лежа на софѣ швердишь нахмурясь: скучно!!

Или еще тебѣ швой опышѣ не сказалъ,
Сколь суетно въ кругу любовниковъ поплышся,
Инширгу прясшь любви, какъ вершопрашней
Галль,
И зрѣнье искосишь на шо, чшобы слюбишся?

Да будетъ проклятъ тотъ безмозглыхъ
книгъ писецъ,
Кто первой въ кровь пустилъ ядъ оспы лже-
моральной,
И разумъ помущя, направилъ пущь сердецъ
Къ той жизни, кою мы зовемъ сеншменшаль-
ной.

— Но прежде нежелъ я (готовъ пы мнѣ
сказать)
Воспользуюсь всѣмъ шѣмъ, что мнѣ дала при-
рода,
Недолженъ ли мужикъ нагнувъ хребетъ орать,
Не мучашъ ли его, по зной, по непогода?

Гдѣ чижъ поешъ въ верху, шамъ змѣй
шипш въ правъ;
Не все шо хорошо, что взоръ прельщенный
хвалитъ.
Червь почитъ красной цвѣшъ на мягкой му-
равъ,
И прежде чѣмъ есть медъ пчела себя ужа-
литъ. —

Что нѣшъ добра безъ зла, согласенъ я съ
тобой;
Согласенъ въ шомъ, что трудъ поварищъ на-
слажденья;
Повѣрь же мнѣ и пы, что сладостной покой
Намъ лѣвъ одна не дасшъ, — шо плодъ ешъ
упражненья.

А если безъ труда нѣтъ въ свѣтѣ ни-
чего,
Не лучше ли, мой другъ, въ занятіяхъ полез-
ныхъ,
Основываясь столпы блаженства своего,
Чѣмъ шуне прашить жизнь въ пенетахъ у
любезныхъ?

Спращей быспра спезя; обѣ ней ты не
пужи;
Нашуры пушь вѣриѣй, съ него лишь не сбивайся;
Ума по пустыкамъ въ химерахъ не кружи;
Земное все любя, лишь Небомъ восхищайся.

Восторгъ есть твари дань единому Творцу;
Ему принадлежишь всѣхъ смертныхъ изумленья!
Какъ чада, мы сему небесному Отцу
Единому должны воздать благоговѣнье.

За тѣмъ — весь міръ для насъ, для раз-
ума и чувствъ.
Благошее люби и дѣлай добродѣтель;
Мѣкъ полезныхъ другъ, любитель будь ис-
кусствъ;
Сосѣду доброхотъ и дворни благодѣтель.

Умѣренность храня, за лишнимъ не гонись;
Натура никогда насилій не прощаетъ;
Дары ея во зло употребить спрашись;
Невоздержаніе болѣзни привлекаетъ.

На что запасовъ намъ лѣтъ на сто хоро-
нишь?
Кто жаждетъ лишь владѣть, тотъ жалкой
рабъ разсчета,

Всечасно въ страхѣ шомъ, для скорби долженъ
жизнь ;
Владѣльцу нуженъ страхъ — гдѣ страхъ, шамъ
и забоша.

А я насущнымъ сытѣ, природѣ пѣснь пою;
Физическимъ любя довольствомъ наслаждаюсь,
Я сладострастїе изъ полной чаши пью,
И чувственнымъ спѣшу весельямъ предаваться.

Что можешь лучше быть при силахъ есте-
ства,
Какъ вдоволь пишь и ѣшь и спать безъ воз-
мущенья,
Нѣтъ истиннѣй добра для смертныхъ суще-
ства,
Все прочее мечты и бредъ воображенья.

Дорашъ сказалъ (*), и я весьма согласенъ
съ нимъ :
Насъ можешь острой умъ любезностью просла-
вить ;
Но въ правду если мы счастливы быть хо-
шимъ,
Стомахъ намъ лишь одинъ удобенъ по доста-
випи.

Хозяйку я люблю, какъ друга, какъ жену;
Но къ Богу я ее въ стихахъ не примѣняю;
Съ ней вмѣстѣ кое-какъ шагло свое шяну;
Не спрою лиры ей, а по просну лобзаю.

(*) L'esprit peut rendre un homme aimable; mais
l'estomac le rend heureux.

Быть можетъ заключаю, что я маперьялистъ,
Пусть скажутъ — я молвы ужь не пугаюсь;
Поклепъ съ себя страхну, какъ дубъ осенній
листь:
Лишь съ совѣстью въ ладу всѣдневно быть
стараюсь.

Не мни, чтобъ для меня безъ радостей
былъ свѣтъ,
За тѣмъ что жизнь моя кругъ старости вер-
пится;
Предъль утѣхамъ смерть, не номеръ нашихъ
лѣтъ,
И старецъ иногда всѣмъ сердцемъ веселился.

Царица благъ земныхъ, роскошница забавъ,
Натура! сохрани мои оставши силы;
Блюди отъ новыхъ бурь еще мой пылкой
нравъ,
И дай спокойно мнѣ достигнуть до могилы.

Кн. И. Долгорукій.

Владиміръ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

*Изъясненіе двухъ совсѣмъ еще не-
извѣстныхъ и весьма достопамят-
ныхъ подлинниковъ на Славянскомъ
языкѣ писанныхъ и относящихся
до связи между Новгородскою
республикою и Ганзою.*

(О к о н ч а н і е .)

Г р а м а т а з .

Внѣшняя форма. И сія грамота на-
писана также на пергаментѣ. Но вмѣсто
трехъ имѣетъ она только двѣ свинцовыя
печати. Третья никогда не была привѣше-
на, какъ по видѣнью можно по качеству
вырѣзанной дырочки. Почеркъ слишкомъ
красивъ, и походитъ на образчики при-
писмъ Господина Оленина къ Графу Му-
сину - Пушкину приложенные гораздо бли-
же чѣмъ почеркъ прежней грамоты. Замѣт-
но сверхъ того здѣсь нѣсколько очевид-
ныхъ погрѣшностей. Въ разныхъ мѣстахъ
надобно добираться до смысла посредствомъ
догадокъ. Вообще весь подлинникъ написанъ
нерадиво. Языкъ въ немъ, по моему мнѣ-

нїю, подходивъ гораздо ближе къ новому Россійскому.

Списокъ граматы.

Отъ Архїепископа Новгородскаго Владыки Олексѣя, отъ Посадника Юрья, отъ Тысяцкаго Матфѣя, отъ всего Новгорода о той жалобѣ, что у насъ былъ на Любчанъ и на Годьчанъ бережанъ, что взял у насъ шоваръ передъ Невою разбойники, той шоваръ шворилъ есмь въ ихъ городѣхъ, шако и шый шоваръ, что у Сшеколмъ взял, шако же есмь шворилъ во ихъ городѣхъ въ Любкѣ да у Гочного берега по есмь съ ними докончалъ съ ними правдою, какъ ми и наши съ шыхъ есмь спустилъ на зеньчю, ни въ кошорое время непоминашь, по есмь докончалъ съ посломъ съ Яковомъ и съ Иваномъ изъ Любка, да съ Григорьею да съ Иваномъ изъ Гочного берега, на помъ Яковъ да Иванъ изъ Любка да Григорѣй да Иванъ изъ Гочного берега крестъ цѣловалъ про шый шоваръ безъ хитрости.

На печатахъ находящяся слѣдующія надписи. Съ лѣвой руки: *печать Матфѣя (Фалелъевича?) Тысяцкаго Новгородскаго*; съ правой руки: *Посадника Новгородскаго Юрьева печать (Ивановича?)*. Здѣсь означены скобками шь слова, кошорыхъ разобрать невозможно, частїю отъ до

вредившихся свинцовыхъ кружковъ, частію же по причинѣ грубыхъ ошибокъ, коихъ вообще много открывается въ семь подлинникъ. Показанный выше смыслъ надписей я почицаю *въроялившимъ*.

Чтожь касается до смысла самого подлинника, то можно перевести его двумя способами; и въ разности сей подають поводъ находящіяся въ немъ грубыя ошибки. Причины обоюднаго перевода предоспаляю себѣ показать при изъясненіи словъ подлинника.

И з ъ я с н е н і е.

Первой переводъ. Отъ (п. е. имени) Новгородскаго Архіепископа Владыки Алексѣя, отъ посадника Юрія, отъ Тысяцкаго Матвѣя, отъ всего Новгорода: о жалобѣ (насапельно жалобы), копорая намъ была (принесена) на Любчанъ и жителей Готланда (Висби), что передъ Невкою (въ устьи Невы) разбойники взяли у насъ (п. е. наши) повары, копорые мы въ ихъ городахъ доспали (купили); еще же и тѣ повары (подобно вышеупомянутымъ), копорые они у Сноггольма взяли и копорые мы равномерно въ ихъ городахъ въ Любекъ и въ Готландъ (Висби) доспали (купили): по мѣѣ съ ними окончали (рѣшили дѣло) по справедливости какъ мы и наши (сограждане,

Новгородцы и прежде поступили) и положили никогда (объ оныхъ) ненапоминашь. Такимъ образомъ мы окончили (рѣшили) съ послами Яковомъ и Ивановомъ изъ Любека, да съ Григорьемъ и Ивановомъ (же) изъ Готланда (Висби). Въ томъ Яковъ и Иванъ изъ Любека да Григорій и Иванъ (же) изъ Готланда цѣловами крестъ (присягнули) . . . шоварь безъ обмана.

Другой переводъ. Отъ Новгородскаго Архїепископа и проч . . . еще же и шѣ шовары подобно вышеупомянутымъ, которые они у Спокгольма взяли и которые и проч . . . то они съ ними окончили по справедливости, какъ мы и наши, и положили никогда (объ оныхъ) ненапоминашь. Такимъ образомъ они окончили съ послами и проч.

Общее опредѣленіе содержанія и намеренія грамоты.

Сей актъ написанъ для прекращенія вражды, возникшей по случаю морскихъ разбоевъ, производимыхъ жителями Любека и Висби во вредъ Новгородской и еще другой области, вѣроятно союзной Новгороду, но здѣсь ненаименованной.

Основываясь на содержаніи перваго перевода, принявъ должно: 1. что вражда,

возникшая по причинамъ обиднымъ для Новгорода, была прекращена еще прежде; 2. что послѣдній переговоры относился до вражды области союзной Новгороду; 3. что мой подлинникъ служилъ утвердительнымъ актомъ благополучнаго окончанія *обоихъ* переговоровъ, хотя они соспоались и не въ одно время.

Но принимая другой переводъ, слѣдуетъ предположить: 1. что переговоры, касательныя только области Новгородской, были давно уже окончаны: 2. что здѣсь въ рукописи упоминается о нихъ только мимоходомъ; 3. что актъ сей написанъ *именно* для утвержденія договоровъ, коими (можетъ быть чрезъ посредство Новгорода) окончана вражда между Ганзейскими городами и союзною Новгороду областію (Псковымъ?).

Едва ли можно доискаться до истиннаго, несомнительнаго значенія граматы. Нѣкоторыя слова въ ней остаются темными и подлежатъ различному исполкованію. Причиною тому грубыя ошибки, показывающія; что писецъ былъ человекъ необразованный и сущій невѣжда. Я приведу только немногіе примѣры: Готландъ написанъ въ одномъ мѣстѣ такъ, а въ другихъ иначе (*Годьцнъ* бережане, *Гочкого* берега); съ ними (*сними*) упомянуто

въ другой разъ безъ всякой надобности и проч. Люди болѣе меня знающіе Славянской языкъ удобно найдутъ еще и другія погрѣшности.

Главная прудность соспойтъ въ двумь смыслѣи, происходящемъ отъ слова *есмя*; которое значить *есмы*. Сперва я почелъ было оное за часпицу, какія не рѣдко попадающся въ древнемъ необразованномъ языкѣ (напр. въ *древнѣйшемъ* Греческомъ); и которыя не заключають въ себѣ никакого опредѣленнаго понятія. Признаюсь, что и теперь еще я не вовсе оставилъ сомнѣніе. Но природные Россіяне, которые безъ сомнѣнія лучше могутъ судить о семъ дѣлѣ; убѣрали меня; что упомянутое слово *есть не другое что*, какъ первое лицо множественнаго числа наспоющаго времени вспомогательнаго глагола *бытъ*, и въ соединеніи съ другимъ глаголомъ оно значить по же что и *мы*: *есмя* шворилъ — *мы* купили.

И шакъ ежели принятъ, что слово *есмя* или совсѣмъ никакого опредѣленнаго значенія неимѣетъ, или же что писецъ не рѣдко употреблялъ его безъ намбренія даже и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно было прошивно смыслу, какъ и ожидашь можно отъ человека, которой самъ худо понимаетъ

В чемъ и для чего пишеть; по второе мое изъясненіе подлинника должно быть справедливымъ. И въ семъ случаѣ, гдѣ говорися во множественномъ числѣ о лицахъ поименно неупоминаемыхъ (напр. въ словахъ, *доконцѣль* и проч.) разумѣть должно жителей еще какой-то области союзной Новгороду. Сіе изъясненіе есть самое простое; если только оно сообразно со свойствомъ Славянскаго языка:

Напротивъ того при первомъ переводѣ я предполагаю: что слово *есмя* поставлено вездѣ въ надлежащемъ мѣстѣ; и опносятся именно къ Новгороду и къ его союзникамъ (Псковичамъ?), и что Новгородцы упоминають *только о себѣ самихъ* и о своихъ переговорахъ тамъ, гдѣ стоятъ выраженія: *какъ ми и наши* и проч.

Сіи же послѣднія слова мы должны принять еще и потому; что переговоры касательно морскихъ разбоевъ опносились не къ одному только Новгороду, но еще и къ *другой* области. Евростно, поставлены они *для проливулоложности* тѣмъ мѣстамъ, гдѣ говорися объ одной области союзной Новгороду. Безъ сего предположенія никакъ невозможно найти смысла въ рукописи; тогда осталось бы почитать оныя послѣднія слова *излишними* и поставленными здѣсь вопреки намеренію:

Впрочемъ подъ другою упоминаемою здѣсь областію союзною разумѣть ли должно Псковъ (*), или что другое, равно какъ надлежитъ ли принять, что переговоры за всѣхъ дѣйствительно производились чрезъ посредство Новгорода, какъ значительнѣйшей области (можетъ быть по причинѣ долгаго сопротивленія союзницы; можетъ быть и потому что самые Любчане, производившіе важной торгъ съ Россіею (**), просили Новгородцовъ о посредничествѣ) — все сіе, какъ простиыя только предположенія, предоспадается собственному благоусмотрѣнію читателя.

Что же до самой вражды и споровъ касается, то они возобновлялись нерѣдко въ

(*) Во Псковѣ также была Ганзейская контора. Sartor. II. 45. Именно сіе обстоятельство предположенію моему даетъ нарочитую вѣроятность. III.

(**) Самые Ганзейцы на сеймѣ своемъ 11 Апрѣля 1628 года говоряшъ, что изъ Новгородской ихъ конторы, какъ будто изъ источника, происпекли всѣ прочія ихъ конторы и проч. Sartor. I. 197. Сравни II. 444. — Здѣсь достойно примѣчанія обстоятельство, что въ числѣ Нѣмецкихъ поваровъ, весьма выгодно сбываемыхъ въ Россіи, именуется также и сукна Геттингенскія. Сія отрасль промышленности нынѣ почти совсѣмъ прекратилась въ Геттингенѣ, и мѣсто свое другимъ уступила. III.

бный варварскія времена, и увѣренность въ общей пользѣ не могла обуздать сильныхъ спраспей въ людяхъ полудикихъ. Сарторій въ Ганзеапической Исторіи своей предлагаетъ множество примѣровъ сюда принадлежащихъ. Рѣдко, говоришь онъ (*), проходило десятилѣтіе, безъ того чтобъ вражда и споры не возобновлялись иногда по той, иногда по другой причинѣ. . . Случалось не однажды, что Руссы на Нѣмцовъ которые жили между ними, нападали, опинали у нихъ имущество, обременяли ихъ оковами, умерщвляли и для большаго посрамленія вѣшали на ворошахъ конторы ихъ по одному или по два человека. Нѣмцы въ Лифляндіи употребляли съ своей стороны право возмездія: они брали подъ спражу Руссовъ съ ихъ имѣніемъ, прекращали всѣ сношенія съ ними; непускали въ гавань свою Новгородцовъ, выѣзжали изъ ихъ обласни, и такимъ образомъ усиливались восшановить древнія нарушенныя права свои и преимущеснва. Заключали миръ, снова *цѣловали крестъ*, скоро пономъ опять нарушали миръ и опять скоро же восшановляли оной. Въ другомъ мѣсцѣ (**), сей превосходный писатель упоминаетъ объ одномъ происшествіи, въ 1423 году случив-

(*) Sartor. II. 450. III.

(**) II. 447. III.

Идемся и весьма похожемъ на наше, а именно: Нѣмцы у Руссовъ захватили на морѣ повары въ опмщеніе за сдѣланное сими послѣдними подобное же насильство. Тогда Руссы Нѣмцамъ пославъ при заключеніи мира во первыхъ предложили, какъ главныя спашьи договора, о возобновеніи прекращившихся сношеній, чптобы немедленно возвращено имъ было имущество *взятое въ Висмарѣ* Нѣмцами.

Случай, о которомъ упоминается въ моей рукописи, кажется однакожъ не сюда принадлежишь, и имѣеть связь со многими происшествіями погдашняго времени. Постараемся изслѣдованіями своими привесть оныя въ нѣкоторую ясность.

Опредѣленіе мѣста. Хотя и въ семъ подлинникѣ, ежели говорить въ строгомъ смыслѣ, о мѣстѣ умолчано; однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что онъ шакже написанъ въ Новгородѣ:

Опредѣленіе времени. Какъ въ прежней рукописи имя посадника Семена показало намъ способъ найти скрыпное время ея начала; такимъ же образомъ и здѣсь имя *Архіелискола Владыки Новгородскаго Алексѣя* послужитъ для насъ надежнымъ пушеводителемъ. Въ превосходной Церковной Россійской испоріи, сочиненной Прѣз

освященнѣйшимъ Платономъ, Митрополитомъ Московскимъ, упоминается о Новгородскомъ Архіепископѣ Алексѣѣ, котораго въ 1352 году посвященъ былъ во Епископа Митрополитомъ Феогностомъ (*). Въ 1360 году (**), Новгородцы избрали его въ достоинство своего Владыки, чего ради онъ и оставилъ Епископскій свой престолъ Владимірскій. Въ 1376 году отказался онъ отъ Новгородскаго престола, но послѣ опять принялъ правленіе (***) . Онъ является Архіепископомъ Новгородскимъ еще около 1382 (****) и попомъ Сопишь около 1385 года (*****). На послѣдствѣ видно, что онъ въ 1387 году (*****) навсегда сложилъ санъ свой и опшелъ въ монастырское уединеніе.

И такъ, соотвѣтственно вышеозначенному изслѣдованію, можемъ мы достоверно заключить, что нашъ подлинникъ написанъ между 1360 и 1387 годами; ибо *въ сіе время Алексѣй былъ Архіепископомъ Новгородскимъ.*

Ежели теперь обратимъ вниманіе свое на слово Спокгольмъ, очевиднымъ образомъ явля-

(*) Крашкая церковная Россійск. испор. . . .
 Преосвященнымъ Платономъ Митрополитомъ;
 Москва 1805. 8. Ч. I. стран. 176. III. (**). Тамъ же I. 187. III. (***) Тамъ же I. 191. III.
 (****) Тамъ же I. 213. III. (*****). Тамъ же I. 222. III. (*****) Тамъ же I. 224. III.

ющееся въ нашей рукописи, и справимся съ Исторіею прочихъ земель Сѣверной Европы, къ тому же времени относящемуся; то найдемъ въ ней происшествіе, вѣроятно имѣющее связь съ пѣвми спорами, окончаніе коихъ подтверждается симъ документомъ, и облегчимъ для себя средства опредѣлить ея древность. Оное происшествіе, по моему мнѣнію, есть слѣдующее: Албрехтъ Принцъ Мекленбургскій и потомъ Король Шведскій въ 1386 году низведенъ съ престола государственнымъ чинами, а на мѣсто его призвана изъ Даніи Маргарита (*). Въ 1389 году, проигравши главное сраженіе, онъ достался въ руки своей побѣдительницы. Вся Швеція покорилась ей власи; только городъ Снокгольмъ сопротивлялся, и по сей причинѣ войсками Маргариты осажденъ былъ на сушѣ и на морѣ. Тогда Мекленбургскіе Ганзейскіе города Висмаръ и Ростокъ рѣшились помогать Королю, своему одноземцу, надѣясь получить важныя для себя выгоды по возвращеніи Албрехту Шведскаго престола. Они дозволили всѣмъ своимъ отважнымъ мореходцамъ снабжать городъ Снокгольмъ *свѣтлыми приласами*, упом-

(*) Смори: Rüh's Geschichte von Schweden. Halle. 8. Th. I. s. 326 u. folg. — Sartorius Gesch. des hans. Bund. Th. II. s. 244 u. folg. s. 646 u. folg. III.

ребляя къ шому и жипрость и силу. Та-
кимъ образомъ соспавалось оное страшное
общество, которое по сей же причинѣ на-
зывалось *Victualienbrüder* (Бранспвомъ сѣв-
стныхъ припасовъ), а сокращенно *Vittali-
enbrüder*. Какъ послѣ въ семнадцатомъ и
восемнадцатомъ столѣтїяхъ извѣстные
Флибюстьеры на всѣхъ наводили ужасъ
разбойничествомъ своимъ на Океанъ; рав-
нымъ образомъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ
Брашья сѣвстныхъ припасовъ страшны
были на Балтійскомъ морѣ. Къ нимъ при-
соединялись многіе удалцы изо всѣхъ сѣ-
верныхъ гаваней. Въ числѣ ихъ находи-
лись и мореходцы города Висби, о кото-
ромъ упоминается въ нашей рукописи; и
это неподлежитъ никакому сомнѣнію, ибо
Висби пошомъ служилъ для нихъ главнымъ
убѣжищемъ (*). О жителяхъ Любена мо-
жно то же сказать съ великою вѣроят-
ностію. Напослѣдокъ дерзость и хищниче-
ство не знали уже никакихъ предѣловъ.
Всѣмъ кораблямъ безъ изыятїя, и своимъ
и неприятельскимъ, угрожала одинакая
опасность, ежели только была надежда по-
лучить добычу; на нихъ нападали и рас-
хищали ихъ богатства (**). Точно также
поспущаемо было и съ Англійскими кора-

(*) Sartor. II. 648. III.

(**) Тамъ же II. 646. III.

блями (*), почему и Англичане принуждены были неприязнелски дѣйствовать прошиву всѣхъ кораблей Ганзейскихъ; ибо какъ Братство сѣверныхъ припасовъ составилось въ городахъ Висмаръ и Ростокъ, которые безъ всякаго сомнѣнiя принадлежали къ Ганзейскому Союзу, то обиженная сторона, несправедливые поступки оныхъ разбойниковъ приписывала въ вину всѣмъ городамъ Союза. На послѣдокъ Ганза нашлась принужденною употребить сильныя средства къ превращенiю разбоевъ, и едва съ великими усилiями и пожертвованiями удалось ей достигнуть желаемой цѣли.

Сообразно всѣмъ правиламъ вѣрояности, я осмѣливаюсь думать, что упоминаемая въ нашей рукописи разбойничества производимы были точно симъ *Братствомъ сѣверныхъ припасовъ*. Сii удалцы, какъ уже замѣчено выше, не щадили ни враговъ, ни приятелей, и легко могло статься, что они поступали такъ же и съ *кораблями Новгородскими*, какъ съ *Англiйскими*. Правда, что время не отвѣчаетъ сему предположенiю: правленiе Новгородскаго Архiепископа Алексiя продолжалось *не далѣе 1387 года*, а Общество братьевъ появилось *не прежде 1393*. Однакожъ слѣ-

(*) Тамъ же II. 648. III.

дующія обстоятельства заслуживаютъ уваженіе. Очень можеть спасться, что въ вѣдѣніи вкрались погрѣшности, какъ и весьма не рѣдко случается находить ихъ въ исторіи вѣковъ среднихъ ошчаспи по тогдашнему недоспапку въ до-стовѣрныхъ извѣстіяхъ, а иногда отъ оши-бокъ въ письмѣ, или же по причинѣ не-сходства въ хронологіи у разныхъ народовъ. Такимъ образомъ бытъ можеть, что и правленіе Архіепископа Новгородскаго Але-ксѣя продолжалось далѣе времени, показан-наго въ Россійской церковной исторіи. Еще прибавимъ, что не только возможнымъ ка-жеться, но даже и въ самомъ дѣлѣ весьма есть вѣроятно, что поиски Ганзейскихъ разбой-никовъ противъ Дашчанъ начались еще до осады Стокгольма, и что Ганзейцы еще до 1393 года беспокоили неуспральные ко-рабли хищническими своими нападеніями. Ибо никакому сомнѣнію неподвержено, что Ганзейцы гораздо еще прежде вмѣшивались въ ссору, между Шведами и Королемъ ихъ происходившую (*).

По соображеніи всего вышеписаннаго я не безъ основательной причины приспуаю-къ заключенію, что подлинникъ нашъ на-писанъ около 1390 года.

(*) Rüh's Schwedische Geschichte Th. I. s. 326 и 327. III.

Но ежели бы захотѣли безусловно утверждать, что онъ написанъ прежде 1387 года, то и на сей случай есть историческія происшествія, могущія подать здѣсь нѣкоторое объясненіе. Кромѣ споровъ, мною вышеупомянутыхъ, Сарторій (*) говоритъ о возникшемъ между Ганзою и Новгородомъ несогласіи около 1373 года, и о томъ что для прекращенія онаго хотѣли даже отправить посольство въ упомянутый городъ. Таковое же несогласіе опять оказывается около 1386 года (**), и при семъ случаѣ опять говорится о посольствѣ въ Новгородъ. На послѣднѣмъ сказанъ оспаривается, что еще до вражды Шведовъ съ Албрехтомъ были морскіе разбойники, безпокоившіе Балтійское море и конечно спольже мало щадившіе Новгородцевъ, какъ и всѣхъ прочихъ (***). Однакожъ при исполкованіи рукописи нашей по одному изъ упомянутыхъ прехъ случаевъ, смыслъ ея оспаривается неизвѣстнымъ. Ибо въ рукописи *Новгородцы* являюща *оскорбленною* спороною; напрошивъ того въ обоихъ первыхъ случаяхъ Ганзейцы починаютъ себя въ правѣ претовашъ удовольворенія. Вразсужденіи же претпята случая касательно морскихъ разбойниковъ, которые еще около

(*) II. 437. III. (**) II. 438. III. (***) II. 640. 641 и. folgg. III.

1382 года промышляли по Балтійскому морю, но Ганза въ поступкахъ ихъ неимѣла совсѣмъ никакого участія, и даже сама дѣйствовала прошиву ихъ неприятелиски (*) при первомъ ихъ появленіи. И такъ было бы совсѣмъ невидно, по какому праву Новгородцы могли почитать Ганзейцовъ виноватыми. Они имѣли бы на то справедливую причину тогда только, когда бы разбои производились по намѣренію всего общества или Союза, какъ - то дѣлали Братія свѣтскихъ припасовъ, и въ такомъ случаѣ вина конечно падала бы на цѣлое общество. По соображеніи всѣхъ причинъ историческихъ оказывается наиболѣе вѣроятнѣйшимъ, что упоминаемая въ рукописи нашей разбойничества должны быть отнесены къ Братству свѣтскихъ припасовъ.

Замѣчанія на нѣкошорыя слова.

Отъ Архіепископа. . . . Здѣсь Новгородъ является уже совершенно республикою. Объ имени Великаго Князя совсѣмъ неупомянуто.

Владыки. Извѣстный пипулъ Новгородскихъ Архіепископовъ. Я однакожъ не знаю, была ли съ нимъ соединена *дѣйствительная* власть, которая отчасти бы

(*) Sart. II. 642. III.

важному значенію слова. Касаптельно же *на- ружности* видно, что Архіепіскопы всегда занимали первое мѣсто въ Новгородѣ. Можетъ быть республика имѣла на по свою полипическую причину; можетъ быть она признавала надъ собою кропную *духовную* власть, чтобы тѣмъ удобнѣ оплоцнать припязанія великихъ Кнззей и другихъ обласпныхъ государей. Тавимъ же образомъ народы Южной Европы въ средніе вѣки нерѣдко у Папъ искали защиты проптиву законныхъ своихъ владѣшелей; та- нимъ же образомъ многія Нѣмецкія обла- спн свѣтскихъ правншелей своихъ спара- лись замѣннть духовными. Unterm Krumm- stabe ist gut zu wohnen — *хорошо жить подъ посохомъ духовнаго государя*, говоритъ старинная Нѣмецкая пословица; очевидное доказапельство, что вспарину духовному правншельству давали преиму- щество передъ свѣтскимъ.

Олексѣй по старинному мѣсто Алек- сѣй. Имя сего Архіепіскопа еще упоминает- ся въ шекспѣ и на печати одной Ново- родской граматы (№ 13), хранящейся въ Московскомъ Коллегіи иностранпыхъ дѣлъ Архивѣ (*).

Юргя мѣсто Юрья. Сей посадникъ Георгій равномѣрно упоминается въ оной

(*) Древн. Росс. Внвліое. I. 31 и 33. III.

Же грамаѣ при началѣ, равно какъ и на печати, при ней находящейся (*).

Въ Новгородской грамаѣ подѣ No 7 также упомянуѣ Посадникѣ *Гергей* (**). Но во первыхъ имя сіе тамъ написано иначе, а во вторыхъ и самая грамаѣ принадлежитъ въ отдаленнѣйшему времени — ежели только не окажется по точнѣйшемъ изслѣдованіи, что она писана для Михаила Александровича, а не для Михаила Ярославича (***)).

Матѣвѣя вмѣсто *Матѣвѣя*. Опе-
щественное имя его *Фалалеевичъ* упомянуто
только на печати и изображено весьма не-
ясно. Только по сравненіи съ подлин-
никами, хранящимися въ Архивѣ, можно
было удостовѣриться, что писанное на
печати имя есть точно *Фалалеевичъ*. Епосѣ
Матѣвѣй Фалалеевичъ упоминается въ гра-
маѣ подѣ No 13 и на печати при ней
находящейся (****). Ежели принять за вѣро-
ятное, какъ я и сдѣлалъ, что архивская
грамаѣ подѣ No 6 (*****) современна моеѣ

(*) Тамъ же I. 31. 33. III.

(**) Тамъ же I. 19. III.

(***) Смори прибавленіе при концѣ сей кни-
жки. K.

(****) Тамъ же I. 31. и 33. III.

(*****) Тамъ же I. 19. III.

рукописи ; по упомянутый въ ней (*)
Машвъи Фалалеевичъ естъ одна и та же
особа.

*Съ тыхъ есмь слушилъ наземь-
что.* Сїи слова для меня невразумительны,
и пошому я принужденъ былъ отгадывать
ихъ значеніе.

Пролый. И ешого слова я не пони-
маю. Не значитъ ли оно *въ бытность,*
въ разсужденіи?

Хрестъ цѣловаль. О цѣлованіи креста
говорится почти въ каждой изъ древнихъ
граматъ Новгородскихъ (**). И Сарпорій
на многихъ мѣстахъ упоминаетъ о немъ,
какъ о вѣщѣ, обмыновенной при договорахъ
между Новгородомъ и Ганзою (***).

Безъ хилрости. Въ Новгородской
граматѣ подъ No 13 (****) сказано: а си
миръ держати безъ льспи и *безъ хил-*
рости.

Не останавливаюсь надъ ошибками пи-
сца. Знающіе Русской языкъ замѣтятъ
ихъ гораздо удобнѣе нежели я.

(*) Тамъ же. III.

(**) Тамъ же I. г. 4. 7 и ш. д. III. (***). Смо-
при на примѣръ въ I. 393. II. 461. 428. III.

(****) Древн. Росс. Вивлюе. I. 33. III.

Общія замѣчанія.

1. Подлинникъ сей имѣетъ на себѣ признаки вообще погдашняго времени и въ особенности народнаго характера Новгородцевъ. Очевидно оказываетъ въ немъ нѣкоторая грубость и высокое мнѣнiе о своемъ *могуществѣ*, своихъ богатствахъ — мнѣнiе обыкновенно замѣчаемое въ каждомъ полуобразованномъ народѣ. По внушенiю онаго Новгородцы почитаютъ себя въ правѣ говорить о *жалобахъ*, принесенныхъ имъ на чужестранную независимую область. Упомянуты колiя выраженiя, какъ — по *разбойники*, и слово *сiе*, судя по смыслу, наиболее относится къ городамъ Любелю и Висби. Доспойно примѣчанiя, что гордой и въ погдашнее время на цѣломъ Сѣверѣ могущественный и повелительный Любекъ, кошорой не только не подлежалъ суду чужестранныхъ владѣтелей, но даже самъ не рѣдко пребывалъ опчепя опъ Королей и другихъ Государей, — доспойно, говорю, примѣчанiя, что гордый Любекъ могъ снести такой оскорбительной о себѣ опзывъ! Можетъ быть опправленный съ сею граматою, хорошо не разумѣя Русскаго языка, не могъ понять колкихъ выраженiй? Или можетъ быть правительство города Любека для торговыхъ выгодъ небрегло о чести народной, какъ то не рѣдко случается съ торговыми на-

родами, какъ незадолго передъ симъ дѣлали Голландцы, и какъ еще и шепе; дѣлають Англичане при сношеніяхъ своихъ съ полудикими Азіяшцами? Общественство сіе довольно значительно. Надобно вспомнить, какъ самые Ганзейцы отзывались о великихъ выгодахъ; получаемыхъ ими отъ торговли съ Новгородцами.

2. Подлинникъ нашъ служитъ еще новымъ подтвержденіемъ, что истарину Новгородцы на *своихъ* корабляхъ плавали и производили торговлю. Хотя достаточные на сіе обстоятельство доводы находишь можно какъ во внутреннихъ такъ и въ чужестранныхъ бышописаніяхъ; однакожъ до сихъ поръ почитается оное все еще несовершенно доказаннымъ. Такъ на примѣръ въ наименованной выше Новгородской летописи подъ 1317 и 1318 годами (*) упоминается о морскихъ походахъ Новгородцевъ: Сарторій полагаетъ (**), что въ двенадцатомъ столѣтіи, именно же въ 1137 году; Руссы плавали уже на *своихъ* корабляхъ въ Любекъ за силою граматы Императора Фридриха; въ которой упоминается о *Руленахъ*. Тотъ же писатель утверждаетъ (***) ; что Руссы вѣдѣли въ го-

(*) Стран. 167 и 173: III. (**) I. 382: III.
(***) I. 189. III:

родъ Висби, и что имѣли тамъ свою церковь Греческаго исповѣданія и мѣсто для складки товаровъ. Наконецъ онъ же, говори о Новгородскихъ товарахъ, приводитъ случаи (*), что товары тѣ отбираемы были на открытомъ морѣ. Здѣсь конечно можно возразить, что никакимъ безусловнымъ правиломъ не требуется свои товары отправлять на *своихъ* же судахъ, тѣмъ болѣе что не задолго еще передъ симъ Европейскіе купцы обыкновенно возили товары свои на судахъ наемныхъ, и даже принадлежащихъ чужому народу. Но сіе возраженіе имѣетъ только мнимую важность. Торговля, какая незадолго передъ симъ производима была въ Европѣ, можетъ существовать только подъ защитою повсемѣрнаго мира, и при пособіи разныхъ учрежденій, каковы на примѣрѣ сираховыя общества и другія имъ подобныя, копорыя суть уже слѣдствія усовершеннаго общежитія. А при грубыхъ обычаяхъ отправленіе торговли *своими* товарами не иначе какъ чрезъ посредство *своихъ* судовъ возможно. Точно такую находимъ мы торговлю у народовъ древняго міра, въ грубыя времена вѣковъ среднихъ и у нынѣшнихъ Азіатцевъ. Здѣсь должность и упражненія корабельнаго хозяина и купца соединяются въ одномъ и

(*) II. 447. III.

помѣ же челоуѣкѣ. Даже исторія настоящаго времени предспавляетъ намѣ неоспоримые доводы вышеприведеннаго обстоятельспва. Въ послѣднїе годы нерѣдко видали мы корабли, приходящїе въ С. Пешербургѣ, въ Ригу и въ Архангельскѣ, которые нагружаемы были и доулывали до назначеннаго мѣспна подѣ личнымъ надзоромъ самихъ хозяевъ; и ещо напоминаетъ намѣ о младенчеспвѣ торговли, производившейся въ среднїе вѣки. Нѣтъ сомнѣнїя, что несчастная наша часпъ свѣпа, по спеченїю полиспическихъ происшеспвїя, чѣмъ ближе подходитъ будетъ къ варварспву вѣковъ среднихъ, тѣмъ примѣннѣе торговля народовъ снова должна будетъ приниматъ по положенїе, на которое мы за нѣсколькѣ лѣтѣ передѣ симъ смолрѣли съ презрѣнїемъ.

Должно ли впрочемъ казатъся спраннымъ для насъ дрѣвнее обыкновение Новгородцевъ плаватъ по морямъ до спдаленныхъ пристаней? Я думаю, нѣтъ, ежели вспомнимъ о тѣспной свлзї ихъ съ Норманнами или Варягами, которыхъ любимая склонность къ мореплаванїю сохранилась въ позднемъ ихъ потомствѣ, въ нѣнѣшнихъ Англичанахъ, Дашчанахъ и Шведахъ. Съ другой спорѣны споль же мало должны мы удивлятъся, что несчастїя, постигшїя оную знаменитую и гор-

дую республику, а именно неоднократно разореніе, испребили самыя даже слѣды древняго обыкновенія. Безъ упомянутыхъ несчастливыхъ событій Новгородъ, посредствомъ связей своихъ съ богатыми областями твердой земли, посредствомъ изобилія въ потребныхъ для кораблестроенія матеріалахъ и при успѣхахъ новой образованности, могъ бы содѣлаться первоклассною морскою державою; военные и торговые флоты его можетъ быть покрывали бы Океанъ; и можетъ быть Новгородское Государство процвѣтало бы на Нербудѣ, равно какъ процвѣтаетъ Англійское при берегахъ Гангеса:

Шлецеры.

III. С М Ъ С Ъ.

А н е ю д о л ъ.

Императрица Марія Терезія однажды получила письмо отъ сно-придцати-лѣтней женщины, до того времени всякой разъ находившейся въ числѣ нищихъ; которымъ Ея Величество по старинному обряду умывала ноги въ четвершокъ на спраспной не-

дѣлѣ. Два года уже сряду престарѣлая женщина сія не могла явиться во Дворцѣ въ надлежащее время, и потому за нужное почла письменно извѣстить Императрицу, яко прискорбно ей не быть участницею набожнаго обряда, а еще болѣе неудобствоваться лицезрѣнія обожаемой Государыни. Марія Терезія не могла безъ внутренняго движенія чинать сихъ спрочекъ, заключающихъ въ себѣ похвалу искреннѣйшую всѣхъ, дополь ей приносимыхъ. Она поспѣшь велѣла везти себя въ деревню къ обшпалитцу престарѣлой женщины. Вошедши въ хижину, сказала врожденнымъ своимъ голосомъ челолюбѣ: „Ты печалишься, не выдавши меня шакъ долго; утѣшись моя милая; я прибѣгла навѣстить тебя.“ Бѣдная женщина встаетъ, беретъ руки своей Государыни, орошаетъ ихъ слезами и усиливается упасъ къ спонамъ ея. Императрица удерживаетъ ее, дружески бесѣдуетъ съ нею и попомъ прощаетъ, оставивши престарѣлой доспашочную сумму денегъ для спокойнаго окончанія споль долговѣчной жизни.

Вотъ другой примѣръ благошворительности, шакже достойный сохраниться въ памяти попомспва.

Марія Терезія, однажды входя въ комнаты дворца Шенбрунскаго, замѣтила,

что споявший у дверей на часахъ солдатъ поблѣднѣлъ и готовъ былъ упасть въ обморокъ. Она потчасъ приказала смѣнить его и отвести въ больницу. На другой день освѣдомляется о здоровьи солдата, и узнаетъ что причиною болѣзни его есть бѣдность, и что онъ помился горестію, не будучи въ состоянїи прудами рукъ своихъ пипать спарую и немощную мать свою, живущую въ Бруннѣ, въ Моравїи. Императрица немедленно велѣла привезти къ себѣ эту женщину, и отдавая ее сыну, сказала съ обыкновенною своею ласковостію: „Добрая старушка! я очень рада, что имѣю случай сама поручить тебя сыну, споль нѣжно тебя любящему. Назначаю тебѣ пенсію, въ дополненіе суммы, которую будешь онъ приобретать своими прудами для своего пропитанія. Любите другъ друга всегда, какъ нынѣ.“

Сказываютъ, что Марїя Терезїя въ молодости своей каждой день просила у Карла VI, своего родителя, какой-либо новой милоспи. „Я вижу,“ сказалъ ей однажды Императоръ: „что вы хотѣли бы управлять Государствомъ единственнo для того чтобы оказывать благодѣянїя.“ — Я и не знаю другаго способа царствовать,“ отвѣчала Марїя Терезїя: „которой могъ бы облегчить бремя короны.“

Венгерскіе мятежи и сопротивленіе Бельтовѣ поселили глубокую скорбь въ душѣ Іосифа II; епо была одна изъ причинъ преждевременной смерти сего Государя, о которомъ исторія произнесетъ свое мнѣніе, когда совсѣмъ угаснутъ страсти, воспаленныя во время его царствованія; польцо тогда, а не прежде, безпристрастное потомство можетъ дать судъ справедливый. За нѣсколько часовъ до своей смерти, Іосифъ приказалъ объявить арміи слѣдующее: „Я, „почелъ бы себя неблагодарнымъ, если бы, „ославяя жизнь сію, не засвидѣтельствовалъ совершенной моей признательности „за вѣрность, мужество и повиновеніе, „коими армія моя отличалась во всякомъ „случаѣ. Слава и благо войскъ моихъ всегда были первою и главною моею заботою; „последній походъ окончанъ во всемъ согласно съ моими желаніями, и слава моихъ „ополченій распространилась по всей Европѣ. Армія сохранила сію славу; увѣренность въ томъ утѣшаетъ меня въ „сїи послѣднія минушы. Не хочу сойти „во мракъ могилы, торжественно прежде „незасвидѣтельствовавши войскамъ искренней „моей приверженности, и нечѣ- „явивши желанія, чтобы они наследнику „моему и государству служили съ такою же „вѣрностію, какую всегда мнѣ оказывали.“ — Монархъ, которъй такъ прощался

съ храбрыми товарищами своихъ подвиговъ, былъ человекъ не обыкновенной. Шестнадцатая глава Иосифова завѣщанія есть прогашельный памятникъ великодушія : „Повелѣваю, чтобы сіе писаніе, заключающее въ себѣ послѣднюю мою волю, по смерти моей было обнародовано, и прошу всякаго, кому, прошивъ воли моей, не сдѣлалъ я должнаго удовольстворенія, простить меня по долгу христіанства, или же по человечеству. Прошу разсудить, что Монархъ на престолахъ есть человекъ равно какъ и поселянинъ въ бѣдной жилищѣ живущій, и что оба они равно подвержены заблужденіямъ.“ Сокращѣ, испившій ядъ по велѣнію Афинскихъ тирановъ, конечно не былъ споль великимъ въ послѣдніи свои минушы.

Вышла чрезвычайно язвительная сатира на Иосифа, гдѣ представленъ онъ въ видѣ жестокаго и ненавистнаго тирана; и ещо случилось въ то самое время, когда Императоръ дозволилъ всѣмъ подданнымъ своимъ безпрепятственно переходить изъ одной области въ другую, не платя за то никакой пошлины. Иосифъ, узнавши о сатиры, сказалъ только : „Сочинитель издадъ книгу свою не во время; весьма жалю, что онъ не выручитъ за нее денегъ.“

За нѣсколько минушѣ до своей смерти Иосифъ написалъ Князю Кауницу записку слѣдующаго содержания: „Жалую, что не могу болѣе пользоваться мудрыми совѣтами вашими; цѣлую васъ, и въ сію опасную минушу поручаю вамъ свое отечество, всего на свѣтѣ для меня драгоцѣннѣйшее.“

(Изъ Франц. Журн.)

Письмо къ Издателю Вѣстника Европы.

Изъ чтенія издаваемаго вами Вѣстника извѣстно мнѣ, что въ семъ періодическомъ сочиненіи вашемъ не отрекаетесь вы помѣщать доставляемыя вамъ сострадательными людьми прогательныя извѣстія о жалкомъ положеніи нѣкоторыхъ соотечественниковъ нашихъ, жребіемъ своимъ угнѣбленныхъ, принимая даже на себя трудъ быть посредникомъ между благошворителями и тѣми, на воихъ изливаются благодѣянія. Таковое похвальное, честь и признашельность приносящее вамъ усердіе способствовало къ подаванію руки помощи не ханженствующимъ здоровымъ шунедцамъ — государственнымъ трушьямъ, безъ пользы обществу ноядающимъ плоды трудовъ своего ближняго, — но людямъ истинно безпомощнымъ, судьбою убишымъ, подадо мнѣ смѣлосць покорнѣйше просить васъ, М. Г. не для умоленія о какой либо помощи, но хе-

шя для возбужденія единственно въ соотчи-
чахъ моихъ сожалѣннѣя, и для дополненія исто-
рии о многихъ бывшихъ въ нынѣшнемъ году
въ разныхъ странахъ пожарахъ — помѣстите
въ упомянутомъ сочиненіи вашемъ такого-
же рода происшествіе, прошедшаго лѣта
въ здѣшнемъ краю случившееся, отъ кото-
раго съ поселянцами болѣе спа трудолюби-
выхъ семействъ пришли въ крайнюю и горе-
стную нищету, лишившись въ короткое вре-
мя бѣдныхъ своихъ хижинъ, покрова и по-
чти всего меньшаго своего достояннѣя, много-
лѣшнимъ и можно сказать кровавымъ потомъ
приобрѣтеннаго.

Мотовилихинской, одинъ изъ управля-
емыхъ мною по Высочайшей волѣ Пермскихъ
казенныхъ мѣдиплавленыхъ заводовъ, ле-
жащъ въ чешырехъ верстахъ отъ Губернскаго
города Перьми въ верьхъ по рѣкѣ Камѣ. Жите-
ли сего завода, состоящіе наибольшею частію
изъ мастеровыхъ и рабочихъ людей, содержи-
мыхъ на военномъ положеніи и получающихъ
за тяжелыя и опасныя ихъ горныя и завод-
скія работы отъ двенадцати до осьмнадцати
рублей въ годъ жалованья (*), при безденежно
выдаваемомъ отъ казны имъ и ихъ семей-
ствамъ провіантѣ, ошличались издавна про-
ворствомъ своимъ, распоропностію и промы-
ленностію отъ обитателей многихъ другихъ
большихъ и малыхъ окрестныхъ селеній.
Издавна дѣлали они городу немалое пособіе.
При каждомъ случавшемся въ немъ пожарѣ
являлись они поспѣшно съ заводскими своими

(*) Немногіе въ сравненіи со всѣмъ ихъ числомъ
— состоятъ на окладахъ высшихъ. *Мед.*

пожарными машинами и подавали дѣятельно-снѣю своею и опважносною всегда величайшую помощь. Кромѣ того, по врожденному трудолюбію и свойственному всѣмъ намъ желанію снискавъ себѣ пропивъ дикаго кочующаго человека нѣсколько болѣе жизненныхъ удобствъ, въ самые праздничные дни, по законамъ на ошдохновение имѣ ошпаваемые, рѣдко бывали они праздными. Многие изъ нихъ нанимались въ шакорые дни въ городѣ по вольной плащѣ, либо помогать спроеить дома, или грузить, выгружать, перевозить и переносить какія либо шяжести (*). Самыя жены ихъ и подростокующія малолѣтнія дѣшп мужскаго и женскаго пола снабжали городѣ каждой годѣ различными лѣсовъ и полей произведеніями, овощами изъ своихъ огородовъ, молокомъ, масломъ и шому подобнымъ, за умбренную цѣну; чрезъ что мужьямъ своимъ и отцамъ дѣлали немалозначщее присовокупленіе къ выдаваемой имъ отъ казны плащѣ. Симъ-шо бѣдымъ и край-

(*) Надобно знать, что большая часть мѣщанъ города Перьми съ весны уходитъ на судахъ въ званіи бурлаковъ по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ для сплава разныхъ казенныхъ и партикулярныхъ шяжестей. Возвратившись къ зимѣ домой и почиая себя ошв всякаго другаго упражненія уже свободными, во всю зиму только почти пробѣдаютъ они и пропиваютъ шо, что приобрѣли работою на судахъ весною, лѣтомъ и осенью. Ишпину сихъ словъ моихъ могушъ подшвердить всѣ благороднаго и купеческаго сословія жители Перьми, шрѣдко жалующіеся на шакорое шоведеніе своихъ согражданъ. *Мед.*

не жалкимъ людямъ, заслуживавшимъ по видимому лучшую участь, въ пагубный для нихъ день, 11 го Юля нынѣ текущаго года, неприязненная для нихъ судьба нанесла ударъ самой жестокой и шажкой.

Во второмъ часу послѣ полудня того числа, при бывшей напередъ продолжительной отъ большихъ жаровъ засухѣ и при сильномъ вѣтрѣ, собственный деревянной домъ жившаго среди главной и лучшей селенія ихъ улицы ихъ же стараго чиновника, изъ ихъ званія до офицерскаго чина дослужившагося и между ними посѣдившаго — человека добраго, честнаго и весьма дѣлательнаго — по неосторожности его домашнихъ обнялся внезапно пламенемъ, такъ что самъ хозяинъ едва успѣлъ выброститься изъ него въ окно почти полунагой. Огонь, раздуваемый вѣтромъ, спалъ въ короткое время по тѣсно настроеннымъ (*) сосѣдственнымъ деревян-

(*) Мѣстоположеніе сего завода для заселенія жителей весьма невыгодно. Съ двухъ сторонъ окруженъ онъ крупными горами, на которыхъ, по причинѣ удаленія отъ воды и трудности взвѣдствъ, охотно никто не селился. Съ другихъ же сторонъ дуга, между заводомъ и рѣкою Камой лежащая, понижается по веснамъ водою, затопляющею по необходимости настроенные на нихъ дома. По сему-то неудобному мѣстоположенію въ главныхъ и лучшихъ улицахъ селенія, въ выгоднѣйшихъ мѣстахъ расположенныхъ, дома издавна были весьма стѣснены другъ съ другомъ и строены не по плану. *Мед.*

нымъ же домикамъ съ такою спрашною быспрошою распротпраняться, что усилія многихъ тысячъ людей къ удержанію его стремленія были бы, казалось, бесполезныя. Надобно еще прибавить, что къ умноженію бѣдствія, продолжительный и унылый звонъ набатнаго колокола почти вопще между горами по селенію раздавался. За день предъ тѣмъ настало время страдане. Большая часть заводскихъ работъ была тогда въ остановкѣ. Многие жилиши занимались поставкою для казенныхъ лошадей сбна на лугахъ, въ шести верстахъ отъ завода лежащихъ. Другіе находились по работамъ при добычѣ рудъ въ рудоконьяхъ, иные при клажѣ, дреніи и осынкѣ угольныхъ кучъ въ куреняхъ, также не въ близкомъ отъ завода разстояніи въ разныхъ споронахъ разсѣянныхъ. Жены ихъ, даже и взрослые дѣти на ту пору оплучились либо на собственную свою спраду, или на поля и въ дѣса для собиранія ягодъ, иныя же для продажи оныхъ въ городъ. Оспавались въ домахъ одни лишь дряхлыя старцы, а индѣ прехъ, четырехъ и пяти лѣтъ дѣти и въ колыбеляхъ младенцы. Послѣдніе, бывъ по неразумію матерей своихъ запершы въ избахъ замками, могли бы содѣлаться, едва ли не всѣ, невинными жертвами свирѣпствваващаго пламени безъ чрезвычайной дѣятельности нѣкоторыхъ тогда находившихся шупъ господъ подчиненныхъ моихъ чиновниковъ, копорые спасали ихъ съ опасностію собственной жизни. Хотя и было въ то время небольшое число удалыхъ мастеровыхъ въ заводѣ при плавкѣ рудъ въ фабрикахъ; но и они не могли всѣ вдругъ удалиться отъ плавящихъ плавильныхъ печей безъ явнаго

вреда. Частъ только ихъ съ пожарными машинами могли употребить чиновники къ сохраненію не обывательскаго, но казеннаго строенія, какъ - то : плавильныхъ фабрикъ, магазиновъ съ хлѣбомъ и разными припасами, денежной кладовой, коюпоры съ ея письменными дѣлами, новой большой конюшни, кузницъ, мѣховыхъ и прочаго, равно и къ сбереженію огромной кучи угля и другихъ казенныхъ матеріаловъ. Почему обывательскіе дома и были долго пожираемы пламенемъ безъ всякаго почти препятствія. Въ послѣдствіи и набѣжали люди какъ съ сѣнокоса и ближнихъ рудниковъ, куда за ними было послано, такъ и изъ города; но приходъ ихъ уже мало принесъ пользы (*). Пожаръ столько уже усилился, что къ погашенію его

(*) Многие сказывали, что будто бы нѣкоторые изъ постороннихъ пришельцовъ — безъ сомнѣнія какіе нибудь замосильные въ злодѣяніяхъ изверги, дрозжи народныя — вмѣсто поданія помощи, пользуясь общимъ смятеніемъ, только лишь разворовывали и грабили у бѣдныхъ погорѣвшихъ жителей и остальную небольшую часть спасеннаго имущества. Иные, яко бы даже хохлѣ нарочно зажечь и уцѣлѣвшія еще ошъ пожара строенія, въ чаяніи новой поживки. Хотя я и не совѣмъ сему вѣрилъ, однако же приказалъ для предосторожности заводскимъ козакамъ нѣсколько дней и ночей сряду чинить непрерывной кругомъ завода обѣздъ; ибо носились слухи, что по лѣсамъ около завода шатались бѣглые солдаты, которые пыпались въ ночное время влываться въ дома обывательскіе. *Мед.*

прислугити не было возможности, тѣмъ па-
че что деревянной мостъ, шедшій чрезъ не-
большую, но кругоберегую рѣчку Иву, весь
до основанія сгорѣлъ и тѣмъ прекратилось
все сообщеніе между верхнею частію селенія
и нижнею, къ городу ближайшею, такъ что
изъ первой въ послѣднюю ни бочекъ, ни ма-
шинъ пожарныхъ подвезти было нельзя (*):
Огонь свирѣпствовалъ до полъ, пока едва не
вся главная улица съ нѣсколькими примыкав-
шими къ ней побочными до самой заставы не
выгорѣла, и начиналъ было уже самъ собой
ушикать, какъ вдругъ изъ подъ покрывшихъ
весь горизонтъ грозныхъ дождевыхъ и громо-
выхъ тучъ излетѣлъ по новому совсѣму на-
правленію самой ужасной вихрь, или орканъ:
Снова нѣсколько уцѣлѣвшихъ домовъ на дру-
гомъ концѣ той же большой улицы запылали.
Но къ счастью искорѣ, въ видѣ какъ бы облач-
наго прорыва, пошедшій проливной дождь по-
ложилъ предѣлъ сему пагубному опустошенію;
этѣ копорого въ теченіе трехъ часовъ во-
семьдесятъ восемь обывательскихъ и два ка-
зенные, чиновниками и заводскою полиціей
занимаемые дома, превратились въ груды пере-

(*) Очевидцы рассказывали мнѣ едра имовѣр-
ное, случившееся-яко бы тогда приключеніе,
доказывающее великость тамъ силы пожа-
ра. У конюха, пробѣжавшаго скоро въ за-
пряженной казенной шелегѣ по улицѣ между
пылающихъ по ту и другую сторону до-
мовъ, загорѣлась шелега. Самъ онъ едва ус-
пѣлъ выскочить и выпрячь лошадь; осна-
ваясь шелега послѣ сгорѣла. *Мед.*

горѣвшато печнаго кирпича, плавящихся гдѣ-
вень, угля и пепла, въпрямь развѣвшаго.

Поздо уже въ вечеру того же дня управитель сего несчастнаго завода, находившійся для ежегоднаго горнаго совѣща въ главномъ Юозскомъ заводѣ, безъ малаго въ сорока верстахъ отъ перваго опекшолцемъ, бывъ увѣдомленъ о семъ горесномъ приключеніи чрезъ нарочнаго, прибѣжалъ ко мнѣ блѣдный и прѣпещущій донести объ ономъ. Крайне встревоженный таковымъ донесеніемъ приказалъ я ему немедленно опривѣститься на погорѣвшій его заводъ, и самъ взявъ съ собою одного члена главной конторы, побѣжалъ съ возможною поспѣшностію въ слѣдъ за нимъ же. По прибытіи моемъ шуда на разсвѣтѣ уже слѣдующаго дня какое прогашельное представилось глазамъ моимъ зрѣлище! Болѣе нежели прѣшья часть всего селенія преобразилась въ черную, обширную, дымящуюся площадь, на коей бѣдныя прежніе ея обитатели едва могли распознавать мѣста, гдѣ стояли ихъ хижины. Но мрачному и унылому виду ея походила она на древній, Греками разрушенный Иліонъ, а по волю жившей уподоблялась сирашней доли-нѣ Іосафата. Тутъ лежалъ различной дворовой обгорѣлый скотъ; индѣ цѣлое семейство, собирая изъ подъ пепла кости вѣтхаго слѣпаго старца (*) и полагая ихъ въ небольшой ковчегъ, съ рыданіемъ и воемъ, обыкновеннымъ при похоронахъ усопшихъ, оплакивало сіи драгоцѣнные осипатки своего родоначальника; въ другомъ мѣстѣ нѣжная и опчая-

(*) Я былъ лично свидѣтелемъ таковой кошминой, не вымышленной сцены. *Мед.*

ная мать, бѣгая повсюду въ безпамятствѣ, спонами своими и пронзительнымъ крикомъ наполняла воздухъ, искавъ милыхъ сердцу ея дѣшей своихъ, отъ спрѣжа въ городъ (*), или далеко по лѣсамъ разбѣжавшихся. Она не знала еще, живы ли они. Индѣ опять бѣдная вдова, со многими малолѣпными пшенцами отъ мужа оставшаяся, но ея все имущество и главной источникъ пропитанія соспавлялъ домикъ, въ наймы отдаваемый, сидя за прахъ сего своего достоинства — всей ея надежды, съ дымомъ на облака вознесшейся — отъ скорби подобна была окаменѣвшей. Одни тяжелыя воздыханія, отъ времени до времени изъ стѣсенной груди ея излетавшія, были признаками ея жизненности. Намѣстѣ каждого сгорѣвшаго попелища стоявшіе печальные хозяева при помощи родныхъ своихъ и друзей изъ подъ пепла, угля и кирпича выгребали засухами и лопатами малыя частички перегорѣвшей или сплавившейся жѣлѣзной, мѣдной и оловянной посуды и другихъ неплѣнныхъ утварей домашнихъ. Всѣ они со спномъ вопіяли: куда приклонимъ

(*) Сначала недоискивались послѣ пожара многихъ дѣшей; но послѣ они всѣ почти были найдены. Самъ я, бѣжавъ съ Мотовилихинскаго завода въ городъ и встрѣпивъ дорогою одного масленоваго окруженнаго пятью мальчиками трехъ, четырехъ и пяти лѣтъ, изъ коихъ самаго младшаго несъ онъ на рукахъ, спросилъ у него, гдѣ онъ ихъ взялъ? На сіе отвѣчалъ онъ мнѣ, что нашелъ ихъ въ городѣ спрятавшимися въ домѣ г-на Вице-губернатора, куда бѣжали они отъ пожара. *Мед.*

несчастныя свои головы! гдѣ найдемъ для себя пищу и покровъ для тѣла (*)! Всѣ запасы ихъ были пламенемъ испреблены. Въ самыхъ огородахъ ихъ поспѣвавшіе овощи либо при общемъ смятеніи попопшаны, или отъ силы огня завяли и поблекли. Малозначущая кое кѣмъ спасенная часть имущества лежала разбросанная по сосѣдственнымъ горамъ и лугамъ. Туда же вынесены были изъ Божіяго храма всѣ иконы и прочія церковныя украшенія и принадлежности ихъ попечительными пастырями.

Никогда въ жизни моей столько какъ сей разъ не жалѣлъ я душевно о томъ, что Небу не угодно было наградить меня такимъ даромъ краснорѣчія, которымъ бы могъ въ читателя моего перелить тѣ же чувствованія, какими самъ я тогда былъ движимъ, живописуя предъ очами его мастерскою кистію сію картину полной наготы и бѣдствія человѣческаго. Взирая на нее, я и многіе изъ окружавшихъ меня чиновниковъ были поражены ею до слезъ. Долго отъ грусти не могъ я промолвить ни слова въ утѣшеніе сихъ стѣнящихъ и рыдающихъ заводскихъ жителей. Языкъ мой и гортань желанію моему неповиновались (**). Болѣе всего распроголали меня нѣко-

(*) Многіе изъ мужчинъ ходили на сѣнокосъ по причинѣ зноя въ однихъ сорочкахъ и холщевомъ нижнемъ платьи: вся же прочая ихъ одежда, такъ какъ и обувь, между тѣмъ въ домахъ сгорѣла. *Мед.*

(**) Я былъ тогда и безъ того въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Творцу моему угодно было не задолго предъ тѣмъ лишити меня любезной серцу моему, ласковой

порые мужчины, которыхъ я лично зналъ какъ людей неглупыхъ, честныхъ, хорошаго поведенія и твердаго характера, заслужившихъ уваженіе къ себѣ не только отъ равныхъ имъ своихъ собратій, но и отъ самаго своего начальства. Они стоя въ уныніи съ поникшими главами и понуленнымъ взоромъ на развалинахъ части жилищъ своихъ, сквозь слезы говорили мнѣ, что у нихъ изъ всего ихъ добра осталось только то, что я на нихъ вижу. Женщины, даже и простолюдинки, какъ извѣстно, суть творенія слабыя и весьма чувствительныя. Къ воплямъ ихъ, нерѣдко и отъ малыхъ причинъ происходящимъ, хотя мы и бываемъ сострадательны, но въ-которымъ образомъ болѣе или менѣе привыкаемъ; напротивъ того истинною скорбію увлекаемый плачь мужчины крѣпкаго духа каждой разъ потрясаетъ всю внушенность нашу и прогаетъ насъ до глубины сердечной; много по крайней мѣрѣ имѣетъ онъ всегда почти паковое дѣйствіе.

Желая по обязанности моей сколько можно помочь симъ несчастнымъ, приказалъ я по представленію мнѣ о томъ Мотовилихинской конторы выдать погорѣвшимъ и о паковой помощи просившимъ на основаніи 409 й статьи Высочайше подтвержденнаго Проекта Горнаго

ко мнѣ и умной жены въ самомъ еще цвѣтѣ юныхъ лѣтъ ея. Она унесла съ собою во гробъ всѣ надежды мои, радости и утѣхи житейскія, оставивъ мнѣ въ память по себѣ шрехъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ самой старшей дочери было тогда съ небольшимъ три года. *Мед.*

положенія заимообразно, со взысканіемъ законныхъ двухъ процентовъ, половинное получаемое ими жалованье на годичный срокъ; тѣмъ же, которые не хотѣвъ воспользоваться таковымъ пособіемъ, просили уволиль ихъ ненадлгое время въ прежнія ихъ жилищельства, изъ коихъ они рекрупскими наборами на заводы поступили и въ которыхъ надѣлись отъ оставшихся тамъ своихъ родственниковъ получить по малой мѣрѣ нужную себѣ для наступающей зимы одежду, позволиль дашь сіе просимое увольнение на законные сроки. Сверхъ того недавно представивъ нынѣшнему Господину Министру финансовъ произведенное отпряженными для сего чиновниками слѣдствіе о причинахъ и виновникахъ сего пожара, приняль смѣлость Его Высокопревосходительство всеуниженно съ моей стороны просить о представельствѣ и исходатайствованіи у Высокомонаршаго престола симъ погорѣвшимъ жителямъ Мошвилихинскаго завода какого либо вспомошествованія при новомъ ихъ домообзаводствѣ. Извѣстное всемъ намъ и всему свѣту милосердіе Нашего Августѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, чадолюбиваго Отца Отечества; котораго подъ крошкимъ скипетромъ мы благоденствуемъ, раждаемъ во мнѣ дерзновение ласкашь себя надеждою, что можетъ быть и на моихъ несчастныхъ погорѣвшихъ подчиненныхъ изліеться изъ щедрой и благотворительной Его десницы кака я нибудь Монаршая милость и тѣмъ одирусь до нынѣ текуція еще ихъ слезы.

Самъ я и бывшіе со мною господа чиновники управляемыхъ мною заводовъ при первыхъ впечатаніяхъ, произведенныхъ въ насъ

вышеупомянутою трогательною картиною, хотѣли охотно раздѣлить небольшое наше имущество съ сими бѣдными погорѣвшими. Но, ахъ! сколь малозначаща для столькаго множества злополучныхъ помощь наша, какъ людей вовсе небогатыхъ и однимъ лишь жалованьемъ себя содержащихъ. — Въ Германіи дѣлаются въ подобныхъ случаяхъ пакъ называемыя коллекты; наипаче же Англія изобилуетъ множествомъ примѣровъ неуряденнаго гордыхъ сыновъ ея щедролубія и сострадательности къ удрученнымъ гореснію и во всемъ нуждающимся непомимо ихъ согражданамъ, но даже и чужестранцамъ. Неупомяная о многихъ другихъ примѣрахъ, приведу здѣсь чипателемъ моимъ крашко на память одинъ весьма чувствительный, повѣствуемый извѣстнымъ писателемъ Архенгольцомъ. Около осьми сошъ бѣдныхъ Нѣмецкихъ семействъ, обмануныхъ шарлатаномъ, прибѣгаютъ въ прошедшемъ столѣтіи въ Лондонъ искашь шамъ своего счастья. Будучи брошены, не извѣстно съ какимъ намѣреніемъ, обольстившимъ ихъ вертопрахомъ, безъ всякой помощи и при незнаніи Англійскаго языка умирали уже было они съ голоду и съ холоду въ одномъ удаленномъ уголкѣ сей пышной и огромной столицы, въ кошорую спекались богатства всѣхъ частей свѣта. Одинъ того городскаго квартала добродушный священникъ, увидѣвъ ихъ мимоходомъ и бывъ тронутъ ихъ опчаяннымъ положеніемъ, возвѣщаетъ объ ономъ на другой день въ публичныхъ листкахъ. Тотчасъ молва о семъ разносится по всѣмъ городскимъ спогнамъ. Изъ всѣхъ частей столицы сыплются кучами деньги на сихъ нуждающихся иностранцевъ,

и оповсюду мчашся кѣ нимѣ возами разнаго рода сбѣспные припасы. Сверхъ того составляешся комитетѣ для устройства ихъ будущаго жребія, и сіи жалкіе Нѣмцы, не задолго передѣ шѣмѣ голодною смертію угрожаемые, отъ края своей погибели переносящся внезапно въ состояніе такого изобилія, какого они себѣ никогда и небоображали. — Хвала и слава вамѣ, великодушные Оспровишяне! Хотя вы и надмѣнные республиканцы, презирающіе почти всѣ другіе народы, и хотя теперѣ враги наши, но щедрости вашей и челоуѣколюбію не лзя не удивлящся и не опдашь должной справедливости.

Весьма доволенѣ буду я и шѣмѣ, если сіе не вишеватое, но истинное мое повѣствование о бѣдспвіи, постигшемѣ недавно мнѣгихъ моихъ подчиненныхъ, исторгнетѣ у нѣкоторыхъ изъ любезныхъ соотечественниковъ моихъ и чипателей хотя единую слезу соболѣзнованія о горькой участи существѣ имѣ подобныхъ. Если же какое нибудѣ чувствительное изъ нихъ сердце, какой нибудѣ другѣ челоуѣчества, котораго счастье наградило сбъ избыткомѣ всѣми земными дарами, пронувшись и сею неискусно выработанною мною картиною, похощетѣ, и безѣ чьей либо о томѣ просьбы, ушѣшитѣ чѣмѣ нибудѣ явно или скрышно часто упоминаемыхъ здѣсь плачущихъ жшелей погорѣвшаго завода, сбѣлавѣ чрезѣ то такое дѣло, за которое внутреннее сердечное отъ него удовольствіе достачно насѣ награждаетѣ; то въ такомѣ случаѣ *малый и безкорыстный прудѣ мой, на сіе начертаніе употребленный, получишь еще сбъ лихвою неожиданное мною возмездіе.

Искренно хотящій благодѣтельствовать изыщеть самъ средство, какъ и чрезъ кого изліять свое благотвореніе на обитателей и самыхъ дальнихъ концовъ земли.

Вамъ же, Милостивый Государь, повпоряю еще покорнѣйшую просьбу мою о помѣщеніи его моего повѣствованія въ издаваемомъ вами Журналѣ, ежели оно его и любопытства публики будетъ найдено вами достойнымъ. За сіе много будетъ обязанъ вамъ имѣющій честь пребыть и проч.

*Пермскихъ заводовъ начальникъ,
Оберъ-Верхгауптманъ 510 класса
и Кавалеръ Петръ Медеръ.*

15 Октября 1811 года.

Заводъ Юговской.

Московскія записки.

Съ особливимъ удовольствіемъ сообщаемъ читателямъ нашего Журнала краткое извѣщеніе о нынѣшнемъ состояніи Императорскаго Московскаго Университета, которой чрезъ бдительную попечительность своего Начальства и отъ патристическихъ пособій ревнителей отечественнаго просвѣщенія въ теченіи сего 1811 года приобрѣлъ весьма важныя выгоды, коими несомненно обѣщиваются будущіе успѣхи наукъ. покровительствуемыхъ Всемилостивѣйшимъ нашимъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.

Всѣмъ извѣстна польза отъ ученыхъ Обществъ, когда Члены ихъ, дѣйствуя сово-

купными силами, спремяясь къ предположенной цѣли. Московской Университетъ имѣетъ при себѣ такихъ Обществъ четыре :

1. *Императорское Испытателей Природы.* Бывъ учреждено содѣйствіемъ знаменитаго своего Президента, Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, сіе Общество и въ отсутствіи Его Сіятельства, подѣ неусыпнымъ личнымъ надзоромъ своего Вице-Президента, Его Превосходительства Павла Ивановича Голенищева-Купузова, неупомимо продолжаетъ свои упражненія. Многія принадлежащія ему рѣдкости Натуральной Истории хранятся въ Университетскомъ Музѣ. Изданные акты и сочиненія сего Общества служатъ доказательствомъ его дѣятельности. Однимъ изъ числа важнѣйшихъ трудовъ его будетъ *Описаніе Московской Губерніи*, для котораго нынѣ тщательно приготавливаются по требнымъ матеріаламъ по разнымъ частямъ учености.

2. *Исторіи и Древностей Россійскихъ.* Въ нынѣшнемъ году оно получило новое и прочное образованіе, утвержденное Высочайше одобреннымъ Уставомъ. Съ того времени сіе полезное и любезное патріотамъ Общество дѣйствуетъ съ особливою ревностію. Первые труды свои оно уже ознаменовало невѣроятною скорымъ напечатаніемъ десяти листовъ древней Несторовой дѣтописи, для изданія коего съ надлежащею точностію требуется медленная осмотрительность. При пособіи сдѣланныхъ пожертвованій оно не встрѣтитъ препятствія въ своихъ начинаніяхъ, имѣя у себя до 7500 рублей деньгами, до 200 разныхъ монетъ и медалей и болѣе 3000 томовъ въ своей Библіотекѣ. Засѣданія Членовъ продол-

жаются въ залѣ, богато украшенной изживе-
ніемъ одного благопвортельнаго любителя
отечественныхъ древностей. Черезъ два или
три мѣсяца изданы будутъ Акты Общества
и особо разные историческія достопамятно-
сти, для напечатанія коихъ уже все приго-
товлено.

3. *Соревнованія врачебныхъ и физиче-
скихъ наукъ.* Въ нынѣшнемъ году оно дало
новой ходъ своимъ упражненіямъ, учредило
ежемѣсячныя свои собранія, пришло въ вели-
кую дѣятельность, умножило число полезныхъ
Членовъ. Оно имѣетъ у себя около 2000 рублей
деньгами и книгъ около 1000 томовъ. Уче-
ному свѣту извѣстны изданные симъ Обще-
ствомъ сочиненія своихъ Членовъ.

4. *Любителей Россійской Словесности.*
Общество сіе, въ нынѣшнемъ же году образо-
ванное по Высочайше одобренному Уставу, не-
медленно открыло свои засѣданія и уже при-
готовило сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ
для перваго тома *Трудовъ* своихъ, которые
въ скоромъ времени будутъ напечатаны. Бы-
шіе Общества сего равномѣрно обезпечено Чле-
новъ своихъ и одной посторонней особы по-
жертвованіями, кои простираются нынѣ свы-
ше 3000 рублей деньгами. Основаніе библіоте-
ки положено усердными любителями отече-
ственной словесности, принесшими въ даръ
Обществу разные сочиненія Россійскихъ пи-
сателей, упражненія его соотвѣствующія.

Приобрѣшенія Университета многораз-
личны. На сихъ дняхъ получилъ онъ богатое
собраніе минераловъ, подаренное Господиномъ

Каммергеромъ Всеволодомъ Андреевичемъ Всеволожскимъ и въ 20,000 рублей знапоками оцѣняемое.

Типографія, всегда приносившая Университету значущіе доходы, нынѣ приведена въ состояніе быть для экономіи его еще болѣе полезною. Она помѣщается теперь со всѣми своими частями и заведеніями въ обширномъ каменномъ домѣ, купленномъ за весьма дешевую цѣну; не будучи сдѣлана въ своихъ дѣйствіяхъ, она общается теперь немаловажное приращеніе въ доходахъ Университета. Между тѣмъ перемѣненіе сіе имѣетъ еще и шу выгоду, что Университетскому Благородному Пансіону предоставлена возможность распространить свои заведенія и умножить число воспитанниковъ.

Исходатайствованіемъ привилегіи печатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Высочайше и Сенатскіе Указы, рескрипты, реляціи и проч. сему изданію возвращена его важность; умножилось число пренумерантовъ, слѣдственно умножились и доходы Университета.

Уставомъ Университетскимъ право на полную пенсію годового жалованья предоставляется выслужившимъ 25 лѣтъ *въ должности Профессорской*; въ нынѣшнемъ году исходатайствованъ Указъ о награжденіи Профессоровъ ежегодною пенсіею полного жалованья по послѣднему окладу вообще за двадцатишести - лѣтнюю службу, считая оную съ учительскаго званія.

Исходатайствовано также, чтобы оставшемуся семейству каждого Профессора единовременная выдача годового жалованья и слѣдующая, смотря по лѣтамъ службы, пенсія производимы были порознь, по естѣ *особо* вдовѣ и *особо* же дѣтямъ умершаго.

Теперь остается намъ еще упомянуть, что распоряженіями попечительнаго начальства Московской Университетъ со дня на день приближается къ цѣли, Правительствомъ для него предназначенной и очевидно принимаемъ на себя характеръ *Русскаго* Университета. Недоставало ему кафедры Славянскаго языка, необходимаго источника опечечивеннаго нашего краснорѣчія; сія кафедра нынѣ учреждена, и ожидаемая ошѣ оной польза несомнительна. Мѣсто достойнаго Профессора Машпея, незадолго передъ симъ скончавшагося, занято уже достойнымъ преемникомъ его г-мъ Тимковскимъ, которой былъ пригошовленъ самимъ же Машпеемъ и попомъ нѣсколько лѣтъ обучался въ Германіи. Другіе кафедры въ разныхъ отдѣленіяхъ Университета равномерно замѣщены природными Россіянами. Неусыпная дѣятельность начальства, ревностно ободряющаго таланты и свѣдѣнія опечечивенныя, питаетъ сладкою надеждою сердца всѣхъ благомыслящихъ, что наконецъ, и очень скоро, Университетъ будетъ имѣть своихъ кандидатовъ по всѣмъ частямъ учености, а слѣдовательно и небудетъ принужденъ вызывать чужестранныхъ наставниковъ, для преподаванія наукъ Россійскому юношеству на чужестранныхъ языкахъ.

Въ нынѣшнемъ году записано въ Университетъ обучающихся студентовъ казеннаго

содержанія и своекоштныхъ 215, кромѣ мно-
гихъ споронныхъ посѣщителей, слушающихъ
лекціи по дозволенію господина Ректора. Нѣ-
которые Профессоры, особливо же преподаю-
щіе науки для каждаго благовоспитаннаго че-
ловѣка необходимыя и при томъ на Русскомъ
языкѣ, имѣютъ слушателей по ступи человекъ
и болѣе. Вообще примѣтно, что въ теченіе
нынѣшняго года особенно обнаружилась охота
къ ученію и патристическое усердіе къ пожер-
твованіямъ, которыя хотя и прежде бывали,
однакожъ не такъ часто.

Замѣчательно, что къ намъ прибѣгаютъ
учиться молодые Нѣмецкіе дворяне изъ Лиф-
ляндіи. Можно бы сказать, что уже насту-
пило время, въ которое иноземники, въ
свою очередь искавъ спали наукъ въ нашихъ
заведеніяхъ, какъ доселѣ мы искали оныхъ
въ чужеземныхъ Университетахъ; но сія
мысль, народнымъ самолюбіемъ внушенная, бы-
ла бы слишкомъ поспѣшна, и ее вѣроятно
многіе признали бы несправедливою. Однакожъ
тѣмъ не менѣе замѣчательно, что дворяне
изъ Лифляндіи, мимо ближайшаго къ нимъ
Дерптскаго Университета; прибѣгаютъ обу-
чатся въ нашемъ Московскомъ, и что число
сихъ посѣщителей очевидно прибавляется.

Сими успѣхами, своими и выгодами Уни-
верситетъ Московскій обязанъ высокому сво-
ему Начальнику, Графу Алексѣю Кирилловичу
Разумовскому; въ бытность Полетическимъ,
при личномъ своемъ управленіи, онъ видѣлъ
и узналъ всѣ подробности нуждъ Универси-
тета, о которыхъ нынѣ столь неушомимо
ходашайствуетъ у Монаршаго престола. Дѣя-

тальный преемникъ его, достоштимый Попечитель Павелъ Ивановичъ Голенищевъ - Кушуровъ, сколько по долгу своего званія, столько же и по извѣстной всѣмъ любви своей къ наукамъ, ревностно блюдеиъ ввѣренное ему святилище Музъ, и неусынно печется о распространеніи и умноженіи выгодъ онаго.

Мы должны были при испеченіи сего года предложить здѣсь краткое извѣстіе о состояніи Московскаго Университета, во первыхъ побуждаемые увѣренностію, что истинные патриоты прочтуть оное съ удовольствіемъ, а во вторыхъ и для того чпобы суемудрые и завистливые иностранцы, полкующие и представляющіе все Русское въ превращномъ видѣ, невздумали, по обыкновенію своему, провозгласить въ заграничныхъ газетахъ объ упадкѣ наукъ въ нашемъ Университетѣ, или о подобныхъ тому нелѣпостяхъ, и шѣмъ невели бы въ заблужденіе и нашихъ соотечественниковъ. **Мудрецоль** пустоголовому газетчику, положась на вздорное письмо какого - нибудь педанта, или же и ошѣ себя выдумавши небылицу, написать ложное извѣстіе о Московскомъ Университетѣ, когда и о дѣйствіяхъ арміи нашихъ неоднократно печашаемы были совершенно ложныя и нелѣпыя извѣстія, о которыхъ наша публика знаетъ по благоразумнымъ опроверженіямъ и сильнымъ доводамъ изящной газеты нашей, *Съверной Почты*.

Театръ. Декабря 4, *Гамлетъ, новая трагедія въ 5 актахъ, въ стихахъ*. При имени Гамлета вспоминаемъ о Шекспирѣ, первомъ сочинителѣ сей трагедіи, для которой содержаніе взято имъ изъ Датской

зала, что искусство ее неограничивается одними только прагматическими справами, но что она умевает представлять зрителям начинающуюся любовь молодой девушки, умной, доброй, чистосердечной, незараженной свѣтскими предрассудками. Роль Амаліи конечно неважная и самая немудреная; однакожъ истинному таланту дано преимущество нравиться и въ простомъ произведеніи и въ многосложномъ. Войти въ роль свою и взвѣсить каждое слово не такъ легко, какъ то иные себѣ воображаютъ. Одинъ дѣйствуетъ просто и угадывается; другой усиливается и не попадаетъ. — Скажемъ слова два касательно драмы. Францъ идетъ изъ деревни на чистое поле просить милосыни для бѣдной своей матери; онъ находитъ на Полковника съ обнаженною шпагою и требуетъ кошелька также для бѣдной своей матери; его хватаютъ и приводятъ въ деревню. Сочинитель почелъ за нужное, чтобы Амалія немедленно узнала о семъ неприятномъ приключеніи съ ея родителемъ. Для этого изобрѣлъ онъ лицо управителя, которымъ выходитъ на сцену единственно за тѣмъ чтобы запѣйливо пересказать ей объ угрожавшей Полковнику опасности. Несомнѣно, что Амалія весьма важную имѣетъ причину съ нетерпѣливостію слушать глупое повѣствованіе управителя; но нужноли оно было для зрителей, которые за пять минутъ передъ тѣмъ сами видѣли все происшествіе? Этого мало; приходитъ Полковникъ и опять зрители должны слушать повѣсть о томъ же приключеніи. Защитники сихъ немѣстныхъ повтореній говорятъ, что тутъ сочинитель изобразилъ натуру въ самой точности. Милостивые государи! при подража-

нѣи натурѣ надобно еще помнитъ о выборѣ и объ расположеніи предметовъ ; иначе не было бы нужды ни въ насшавленіяхъ Горациевъ и Лагарповъ. Д. Д.

IV. ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Парижъ, отъ 13 Ноября, н. ст. Здѣсь получено извѣстіе изъ Испаніи, что 25 Октябрю Маршалъ Графъ Сюше одержалъ у Сагунта знаменишую побѣду надъ Испанскою арміею. Во власнѣ побѣдишелямъ досналось 4639 чел. пѣвинныхъ, 16 пушекъ, 8 пороховыхъ ящиковъ, 4200 Англійскихъ ружей и 4 знамя. — На другой день послѣ сего сраженія крѣпость Сагунтъ сдалась Французскимъ войскамъ на капитуляцію. Гарнизонъ въ числѣ 2,572 чел. отведенъ военнопленнымъ въ Мурвiedро ; въ крѣпости найдено 17 пушекъ, 800 тысячъ патроновъ, 2000 фуншовъ Англійскаго пороку, 6000 ядеръ, 2500 Англійскихъ ружей, и многіе другіе военные припасы. (С. П. В.)

Отъ 20 Ноября, н. ст. Сего мѣсяца 17 числа Императоръ давалъ въ Сенъ-Клу аудиенцію Министру соединенныхъ Американскихъ Штатовъ Барлову, который вручилъ Его Величеству кредитивную свою грамашу. —

По повелѣнію Императора отъ 15 дня сего мѣсяца число Лицеевъ во всей Имперіи будетъ простираеться до 100. Изъ оныхъ 80 должны быть образованы въ теченіи будущаго 1812 года, а остальные 20 въ 1813 году. Въ каждомъ Лицеѣ будетъ помѣщаться до 300 воспитанниковъ. Въ Парижѣ будетъ учреждено вновь чешыре шаковыхъ заведеній.

Изъ Литтixa, отъ 10 Ноября, н. ст.
Императоръ и Императрица наши, во время пребыванія своего здѣсь, изволили осматривать здѣшній лишейный дворъ. Въ память происшествія сего отлито была на ономъ доска съ надписью: *Наполеонъ Великій и Марія Луиза осматривали Императорскій лишейный дворъ 8 Ноября 1811 года.* Доску сію Императоръ позволилъ выставить на главной сторонѣ лишейнаго двора, и всѣмъ рабочимъ повелѣлъ выдать въ награду мѣсячное ихъ жалованье.

Изъ Италіи, отъ 31 Октября, н. ст.
Съ 1 числа будущаго Января прошеніе милости запрещено будетъ во всемъ Королевствѣ Италіянскомъ. Равнымъ образомъ и въ Венеціи, гдѣ, какъ извѣстно, число нищихъ умножилось чрезвычайно, принимающія мѣры въ завяшію ихъ работою.

Отъ 12 Ноября, н. ст. По извѣстіямъ изъ Милана, большая часть Италіянскихъ Епископовъ, находившихся въ Парижѣ въ качествѣ членовъ національнаго Собора, возвратились нынѣ паки въ свои Епархіи.

Изъ Австрiи, отъ 12 Ноября, н. ст. Сего мѣсяца 9 числа Императоръ и Императрица наши изволили прибыть въ Вѣну.

Изъ Вѣны, отъ 16 Ноября, н. ст. Разсужденiя Венгерскаго Сейма продолжающа сѣ тайнѣ и сѣ большою медленностiю. Причиною послѣдняго полагающа намѣренiе нѣкоторыхъ изъ чиновъ показатъ отличную любовь свою къ шечеству. Въ числѣ жалобъ, изготовленныхъ для предложенiя Сейму, находится также представленiе о распроспраненiи свободы книгопечатанiя. (Съв. II.)

Лондонъ, отъ 8 Ноября, н. ст. Всѣ вообще ожидающа скорой революцiи въ Сицилiи, если она уже не воспослѣдовала. Впрочемъ мы ни коимъ образомъ не можемъ понять политики Сицилiйскаго правительствѣ; кажется, что оно поступаетъ вопреки здравому разсудку. Сицилiйскiй Дворъ взираетъ на Англичанъ сѣ завистiю, сѣ недовѣрчивостiю, и расположенъ къ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ должно. Мы говоримъ Дворъ, пошому что народъ оказывающа великую привязанность къ Англичанамъ и умѣетъ цѣнить ихъ покровительство. — Слухъ опять возобновился, что въ печенiе зимы Французы намѣрены сдѣлать высадку въ Англiю. Въ слѣдствiе сего дано повелѣнiе, какъ можно скорѣе вооружить всѣ бригги и слупы, взятыя у непрiятеля и стоящiе нынѣ въ Плимутѣ. Также и національной милицiи приказано быть во всей готовности; она должна поступить въ строевыя полки. — Стоящiй предъ Тулономъ Англiйскiй флотъ претерпѣлъ отъ сильныхъ буръ великое поврежденiе, такъ что Адми-

ралъ Пеллевъ принужденъ будетъ для починки поврежденныхъ кораблей отправиться къ острову Миноркъ. (С. П. В.)

Отъ 16 Ноября, н. ст. Открытіе засѣданія въ Парламентѣ отложено до 7 Января будущаго года. Полагаютъ, что первымъ предметомъ разсужденій Парламента будетъ уничтоженіе разныхъ постановленій, коими ограничена власть Принца Регента.

*

Изъ Константинополя, отъ 10 Октября, н. ст. Минувшаго мѣсяца 29 числа былъ здѣсь паки сильный пожаръ, коимъ вновь значительная часть города, между Фенаромъ и Блатою, обращена въ пепель.

*

Изъ Туниса, отъ 27 Сентября, н. ст. Турецкіе солдаты, съ давняго уже времени негодовавшіе на то, что здѣшняя область находится подъ управленіемъ Мавришанской фамиліи, приняли намѣреніе истребить оную и возвести Бей изъ своихъ соотчичей, какъ сіе уже и въ Алжирѣ послѣдовало. Они назначили для сего пятницу, когда Бей обыкновенно прибѣгаетъ въ Тунисъ для моленія въ мечети. Помомъ хотѣли мяшежники идти въ Бардо и истребить всю Бееву фамилію и чиновниковъ его Двора. Бей узналъ по видимому о заговорѣ, ибо онъ оспался томъ день въ Бардо. Турки попому опасаясь откладывать далѣе свое предпріятіе, открыли 30 числа Августа свое возмущеніе грабежемъ лавокъ, и сжегши многія изъ оныхъ удалились въ числѣ 2,200 человекъ въ одно укрѣпленное мѣсто города, откуда однако же были помомъ вышбснены войсками Бея, и наконецъ почти

всѣ перерублены. Заграбленные ими вещи взяты и розданы Бедуинамъ и другимъ Арабамъ; зачинщики мяшежа казнены, а дѣти ихъ посажены въ темницу. Такимъ образомъ кончился сей злоумышленный заговоръ, который произвелъ бы конечно большое кровопролитіе.
(Със. П.)

Д о л о л н е н і е.

Слѣдующее дополнение принадлежитъ къ примѣчанію, находящемуся внизу на 190 страницѣ 23 N Вѣстника Европы сего 1811 года. Оно написано самимъ Сочинителемъ статьи о Новгородскихъ граматахъ, X. А. Шлецеромъ.

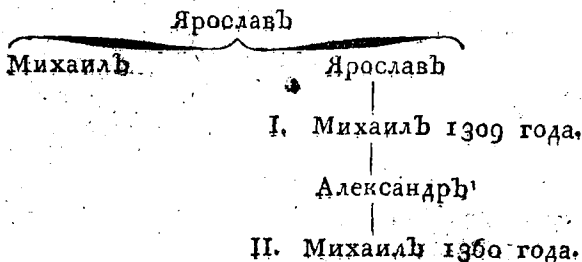
Надобно однакожъ замѣтить, что одинъ изъ оныхъ подлинниковъ (Новгородскихъ граматъ), относимый К. Щербатовымъ и Новиковымъ къ 1309 году, по видимому принадлежитъ ко времени позднѣйшему вмѣстѣ со второю моею граматою. Я говорю о граматѣ Новгородской, напечатанной Древней Россійской Вивлюэки въ I Части на страницѣ 19 подъ No 7 и у Щербатова въ III Томѣ на страницѣ 490. По мнѣнію упомянутыхъ писателей, она относится къ Михаилу Ярославичу Тверскому. Я напрошивъ того думаю, что она грамата писана около 1360 года, и относится къ Михаилу Александровичу Тверскому же. Вотъ мои причины:

1. Название опеческое Великаго Князя въ граматѣ неупомянуто, почему и невидно, о какомъ именно Михаилѣ говорится.

2. На привѣщенной къ грамахъ свинцовой печати находится имя Тысяцкаго Машвѣя Фалалѣевича, равно какъ при моей рукописи, и еще при другой позднѣйшей грамахъ, принадлежащей къ шестому десятилѣтшю четырнадцатаго вѣка (Древн. Росс. Вивл. I. 33.).

3. Грамата подъ No 6 имѣетъ почти одно содержаніе со слѣдующею 7 граматою, относящеюся къ Великому Князю Михаилу Ярославичу. Можно бы спросить здѣсь: для чего одинъ и тотъ же договоръ съ однимъ и тѣмъ же Княземъ повторяетъ такъ часто и даже въ одно и то же время (1309)? Еще замѣчу я, что сіе обстоятельство страннымъ показалось и Спринтнеру (Росс. Ист. II. 198), коимъ принялъ на себя трудъ достаточно изъяснить оное.

4. Въ грамахъ подъ No 6 сказано однажды: *прадѣда твоего Ярослава* (Древн. Росс. Вивліюе. I. стран. 17. вѣ строкѣ 9). Слова сіи безъ всякаго сомнѣнія относятся можно къ позднѣйшему Михаилу, жившему около 1360 года, по слѣдующей родословной таблицѣ:

По сей таблицѣ оказывается Ярославъ точно *прадѣдомъ* Михаила впрочемъ, а отнюдь не *перваго*. Сверхъ того еще въ грамахъ

подъ No 4. 5 и 7 (Древн. Росс. Вивл. I. стран. 10 строк. 12, — стран. 13 строк. 28 — стр. 21 строк. 6) въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто правды, всегда говорится *дѣда* или *отца*, что и въ самомъ дѣлѣ прилично жившему 1309 года первому Михаилу, къ которому относился всѣ при упомянутыя грамоты.

Правда что и въ грамотѣ подъ No 6 въ Древней Россійской Вивлювкѣ, на другомъ мѣстѣ (стран. 16 строк. 10) Ярославъ однажды названъ дѣдомъ и опцемъ, и по сему надлежало бы грамоту относить къ первому Михаилу 1309 года, а не ко второму; слѣдовательно это могло бы служить доказательствомъ, что грамота подъ No 6 относится дѣйствительно къ 1309 году; однакожъ, помнится, мнѣ сказывали, что въ Архивномъ подлинникѣ написано, вмѣсто при дѣдѣ, при *правдѣ*, а вмѣсто при опцѣ, при *праотцѣ*, и что въ древней Росс. Вивлюв. слова дѣдѣ и опецѣ поставлены ошибкою.

Ежели къ сему обстоятельству прибавить еще имя Тысяцкаго Матвѣя Фалалѣевича; то кажется почти достовернымъ, что грамота подъ No 6 относится не къ Михаилу *Ярославичу*, но къ Михаилу Александровичу, и что она написана не 1309, но 1360 года. Сіи два обстоятельства, по моему мнѣнію, *оба важны* очень важны, ибо на *единство* имени Тысяцкаго невозможно было бы положиться. Два Тысяцкіе могли имѣть одинакое имя.

5. Въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло сіе требуетъ точнѣйшаго изслѣдованія. Впрочемъ если бы кто либо изъ упражняющихся

въ исторіи захопѣлъ утверждатьъ, что предложенныя мною доказательствѣва незаслуживаютъ уваженія, полагаясь на свидѣтельство издашеля Древней Росс. Вивліое. и другихъ достойныхъ и ученыхъ писателей; но я прошу разрѣшить загадку, почему въ одной и той же граматѣ Ярославъ названъ *дѣдомъ* и *прадѣдомъ*; въ обоихъ сихъ названіяхъ есть очевидное несходство, которое однакожь въ покойнымъ Миллеромъ, соотвѣтствующимъ издашелю Древней Росс. Вивл. упомянутыя граматны, ни самимъ издашелемъ вовсе не примѣчено.

Шлецеръ.

КОНЕЦЪ LX ЧАСТИ.

Въ 23 Но Вѣстника Европы 1811 года на стран. 218 въ строкѣ 2 снизу, вмѣсто ихъ, читать должно: его.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТИДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Стран.

П Р О З А.

Изъ Гиббоновой Исторіи объ упадкѣ и разрушеніи Римской Имперіи Глава XL. - 3, 85, 170 и 249

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Младенчество. - - -	32
Эпиграммы. - - -	36
На смерть Графа А. С. Строгонова. 114	
Филомела и Прогна. - -	186
Наспавленіе влюбчивому приятелю. - - -	267

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Мозаика. - - - - 38

Изъясненіе двухъ совсѣмъ еще неизвѣстныхъ и весьма достопамятныхъ подлинниковъ на Славянскомъ языкѣ писанныхъ и относящихся до связи между Новгородскою респуб. и Ганзою. 188 и 275

III. К Р И Т И К А.

Изложеніе споровъ о банномъ строеніи, о которомъ повѣствуетъ Альпописецъ Несторъ. - 116

IV. С М Ъ С Ъ.

	Стран.
О кометахъ. - - - - -	53
Извѣстiе о Татарск. училищахъ въ Оренбургской Губернiи. -	57
О безопасности. - - - - -	140
О модѣ. - - - - -	215
Анекдоты. - - - - -	299
Письма къ Издашелю Вѣспника Европы. - - - - -	59 и 304
Московскiя записки. 62, 144, 221 и	318
Разныя извѣстiя и замѣчанiя. 64,	154 и 232

У. П О Л И Т И К А.

Объ опасностяхъ, угрожающихъ Турецкой Имперiи. - - -	71
Обозрѣнiе заграничныхъ происше- ствiй. - 79, 159, 237 и	327
Дополненiя и поправки. - - -	246 и 331
Увѣдомленiя. - - - - -	247

При сей книжкѣ прилагается одинъ оп-
лечашокъ древней рукописи.

ѿ архієппановгородьского. владѣны оле ісѣѣи. ѿ посадни
 ка юрга. ѿ тысауко голатѣи. ѿ всего новагорода. о той
 жалобѣ. что оу насъ было. на любца нѣ. и на годь цѣкѣ бере
 жанѣ. что взялѣ оу насъ товаръ. переа нѣвою. розбой
 никъ. той товаръ творилѣ кесма. въ ихъ городѣхъ. та
 кой товаръ. что оу стеколмѣ. взялѣ. тако мѣ кесма
 творилѣ. въ ихъ городѣхъ. въ любисѣ. а оу гоуко берега
 то кесма снаи. до конца мѣ снаи правдою. каісѣи. и
 наши. стѣхъ кесма спустилѣ на зельуто. ни кто роу
 берега не поминать. то кесма до конца мѣ спосломѣ.
 съіаковомѣ. ісѣиваномѣ. и злюбиса. а асѣ григорѣ
 ю. а асѣиваномѣ. из гоуко берега. на томѣ. тако
 въ айванѣ. и злюбиса. а асѣ григорѣи. айванѣ. из го
 цкого берега. хрѣтѣцѣлова мѣ протѣи товарѣ безъ
 хитрости.

ПЕУА
 ТЕМА
 ТѢФВА
 АЛЕМ
 ВІУ

ТЫ
 САУКО
 ГОЛОВ
 РОУІС
 ГО

ПОСА
 ДНИКА
 НОВГО
 РОУІС

ЮРЬЕ
 ВА ПЕУА
 ТѢИВАН
 ИУ

Graps & Gillingen.